

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Анохин А.А.* Основные континентальные воззрения на соотношение договорной и деликтной ответственности 3
- Шеховцов В.А., Абоян А.А.* О совершенствовании формы правления в России 8
- Лабазанова М.А.* История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России 11

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Архипов И.В.* Объекты потребительских правоотношений 16
- Волов И.П.* Проблемы рассмотрения досудебных споров, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов) 21
- Гриднева О.В.* Правовая природа договора каршеринга 29
- Джиоева Е.Г.* Гражданско-правовые способы защиты прав получателей государственных услуг 34
- Сычёва А.А.* Особенности гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц хозяйственного общества 38

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА

- Третьякова Е.П.* Правовые барьеры для развития медицины через ГЧП 42
- Цыганов Д.В.* Актуальные проблемы поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов 46

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

- Пухалев А.Н.* Правовое регулирование краудфандинга в продюсерской деятельности 49

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Королёв Ю.А.* Общественная опасность преступлений экстремистской направленности 54
- Рогожкин Н.А., Барышников Ю.В.* Первоначальный и встречный иски, вытекающие из разных договоров в арбитражном процессе: анализ судебной практики 58
- Семенова Д.М.* О квалификации множественности преступлений в условиях конкуренции норм 61
- Хаметова А.Р.* Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе 65

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Агамиров К.В.* Прогностические направления организационно-институционального и правового обеспечения эффективного функционирования информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза 70

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 06.09.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Anokhin A.A.</i> Basic continental views on the relationship between contractual and delictual liability	3
<i>Shekhovtsov V.A., Aboyan A.A.</i> On improving the form of government in Russia	8
<i>Labazanova M.A.</i> The history of the origin and development of insolvency (bankruptcy) legislation in Russia	11

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Arkhipov I.V.</i> Objects of consumer legal relations	16
<i>Volov I.P.</i> Problems of consideration of pre-trial disputes related to the establishment and (or) application of prices (tariffs)	21
<i>Gridneva O.V.</i> The legal nature of the contract of car-sharing	29
<i>Dzhioeva E.G.</i> Civil law methods of protecting the rights of recipients of public services	34
<i>Sycheva A.A.</i> Features of civil liability of controlling persons of an economic company	38

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Tretyakova E.P.</i> Legal barriers to the development of medicine through PPP	42
<i>Tsyganov D.V.</i> Actual problems of public prosecutor in criminal cases on illegal extraction (catch) of aquatic biological resources ...	46

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

<i>Pukhalev A.N.</i> Legal regulation of crowdfunding in production	49
---	----

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Korolev Yu.A.</i> Public danger of crimes of an extremist orientation ...	54
<i>Rogozhkin N.A., Baryshnikov Yu.V.</i> Initial and counterclaims arising from different contracts in the arbitration process: analysis of judicial practice	58
<i>Semenova D.M.</i> Qualification of multiple offences in the condition of the competition of criminal norms	61
<i>Khametova A.R.</i> Forensic economic expertise in criminal proceedings	65

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Agamirov K.V.</i> Predictive directions of institutional and legal support from the "zone of knowledge" in Eurasian Economic Union (EEU)	70
---	----

Основные континентальные воззрения на соотношение договорной и деликтной ответственности

Анохин Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: anokhin_alexander@mail.ru

В статье раскрываются основные подходы к решению проблемы соотношения договорной и деликтной ответственности, принятые в рамках континентально-правовой традиции. Первоначально рассматривается традиционное воззрение и его отдельные разветвления. Данный подход основывается на единой правовой природе гражданско-правовой ответственности, в рамках которой договорная и деликтная различаются исключительно в применяемых правовых режимах. Отдельные разветвления в целом дифференцируются с точки зрения решений, которые они предлагают для преодоления «негативных» последствий, связанных с дуализмом гражданско-правовой ответственности. Второй и третий подходы, направленные на решение проблемы соотношения договорного и деликтного обязательства по возмещению вреда (убытков), характеризуются как своей радикальностью по отношению к самому разграничению на договорную и деликтную ответственность, так и диаметрально противоположными взглядами между собой.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договорная ответственность, деликтная ответственность, конкуренция исков, единое требование о возмещении вреда.

На сегодняшний момент отечественная и зарубежная цивилистическая доктрина предлагает три различных интерпретации проблемы соотношения договорного и деликтного обязательства по возмещению вреда (убытков).

Наиболее известная и популярная точка зрения рассматривает указанные виды обязательств под общей рубрикой гражданско-правовой ответственности, в рамках которой выделяются два её вида – договорную и деликтную (внедоговорную) [1, с. 464; 2, с. 99–100; 3, с. 287; 4, с. 539; 5, 992]. Отсюда вытекают важные последствия как для теоретического инструментария, так и для практического их применения. С одной стороны, присущая каждому виду ответственности общая для них характеристика в качестве структурного элемента единой категории гражданско-правовой ответственности указывает на идентичную правовую природу, что порождает тезис об общих элементах состава гражданского правонарушения (вред (убытки), вина, противоправность и причинно-следственная связь между действием (бездействием) причинителя вреда (убытков) и вредом) [6, с. 378–380]. С другой стороны, поскольку данные виды ответственности реализуются через механизм тождественных, но не идентичных обязательств (возникшее в результате нарушения обязательства договорное требование об убытках и деликтное обязательство как последствие причинения вреда), то к данным видам ответственности применяется дифференцированный правовой режим, который может оказывать различное воздействие как на основания для установления ответственности (например, ограниченная определёнными формами неосторожности ответственность по договору), так и на её последствия (например, различные сроки исковой давности, ограничение компенсации реальным ущербом) [7, с. 176–178].

Более того, поскольку указанные обязательства являются двумя независимыми между собой материальными требованиями (притязаниями), то невольным образом возникает вопрос об их конкуренции в ситуации, когда фактические обстоятельства дела могут квалифицироваться как с точки зрения норм о договорной ответственности, так и в соответствии с положениями о деликтных обязательствах. Хотя сама по себе конкурен-

ция исков допускается некоторыми правопорядками при определённых ограничениях, направленных на недопущение ущемления прав и законных интересов одной из сторон, но при этом порождает сложный вопрос о свойствах и условиях применения такого рода ограничений. Более серьёзная проблема возникает в связи с обоснованием запрета на конкуренцию исков или установления правил, регламентирующих либо не допускающих подачу повторного конкурирующего иска после предъявления первого иска или вынесения по нему судебного акта. Данный вопрос требует глубокой проработки как в области материального права (например, обоснованность введения французской судебной практикой принципа *non-cumul*, запрещающего свободный выбор между двумя режимами ответственности), так и в сфере цивилистического процесса (например, немецкая процессуальная конструкция «предмета спора», через которую классическая доктрина решает проблему конкуренции исков и связанных с ней негативных последствий) [8, с. 401–420; 9, с. 392–425; 10, с. 71–89].

Разновидностью первой интерпретационной точки зрения на проблему соотношения договорной и деликтной ответственности является юридическая конструкция единого требования о возмещении вреда (убытков). Так, например, К. Ларенц указывал, что всеобщая обязанность не причинять вред лицу и его имуществу идентична по содержанию договорной охранительной обязанности, поскольку последняя хоть и возникает с момента заключения договора, но своё основание черпает напрямую из закона. Однако последствия нарушения договорного обязательства могут охватывать более широкий спектр защиты интересов, нежели чем в рамках деликтной ответственности. Поэтому специальная договорная обязанность лишь усиливает и конкретизирует общую обязанность не нарушать права третьих лиц, тем самым не дублирует, а входит в единое требование о возмещении вреда (*Schadensersatzforderung*) [11, с. 401–403].

Важно понимать, что данная теория описывает проблему не с точки зрения материальных притязаний (субъективных прав), а акцентирует внимание юристов на нормах объективного права. Отсюда и название «*Anspruchsnormenkonkurrenz*» данного течения в немецкой цивилистической литературе, что дословно переводится как «конкуренция норм, регулирующих притязания». Например, инструментарий данной теории в свою время был предложен для решения проблемы «несправедливой» нормы о компенсации морального вреда. Напомним, что до 2002 года в ГГУ норма о компенсации морального вреда находилась в разделе «Недозволенные действия». Таким образом компенсация морального вреда в соответствии с законом допускалась только через деликтное притязание, даже если вред возник в результате неисполнения одного из договорных обязательств. Соответственно, проблема взыскания морального вреда в рамках

направления «*Anspruchsnormenkonkurrenz*» решалась за счет того обстоятельства, что данная деликтная норма о взыскании морального вреда не конкурирует с нормами договорного права, а дополняет их.

Главной заслугой данной теории, как представляется, является «материально-правовое» решение конкуренции договорного и деликтного исков, а также устранение проблемы, связанной с двойной уступкой притязания (кредитор (потерпевший) уступает одному лицу право по договору, а другому деликтное притязание, тем самым создавая угрозу двойной компенсации за счёт имущественной сферы нарушителя (деликвента)).

Однако несмотря на преимущества, рассматриваемая теория была подвергнута критике в части догматического обоснования единого требования о возмещении вреда, его места в системе субъективных прав (притязаний). Также возникли сложности, связанные с аргументацией о том, какое нормативное содержание должно иметь данное требование при наличии конкурирующих объективных норм права [9, с. 392–425].

На современном этапе идеи «*Anspruchsnormenkonkurrenz*» отстаивает австрийский учёный Х. Коциоль. Однако юрист стремится решать не проблему конкуренции норм, а предлагает в каждом конкретном случае использовать единое требование, которое включает в себя определенную комбинацию норм как договорного, так и деликтного права [12, с. 102–104].

Следует отметить, что в рамках австрийского гражданского законодательства впервые получило нормативное освещение другое течение рассматриваемого воззрения на проблему соотношения договорной и деликтной ответственности. Всеобщее гражданское уложение Австрии 1811 года в 1 абзаце параграфа 1295 содержит следующее положение: «Любое лицо имеет право требовать от причинителя вреда компенсацию за вред, который последний по своей вине причинил ему; ущерб может быть причинен в результате нарушения договорного обязательства или без ссылки на договор». Из формулировки данного положения в свете интересующего нас вопроса следует, что неважно какое противоправное действие послужило основанием для причинения вреда, но важен исключительно сам факт возникшего вреда по вине причинителя.

Рассматриваемый подход также исходит из идентичной правовой природы и в некоторых случаях предусматривает применение различных правовых режимов. Однако отличие заключается в том, что ситуация конкуренции исков по большому счету не должна допускаться. Во главу угла ставится не нормативная квалификация фактических обстоятельств дела, а материальное содержание спорной ситуации. Так, например, первичным является не тот факт, что должник (деликвент) одновременно нарушил и договорное обязательство, и абсолютное субъективное право (нормативная квалификация с позиции противоправности), а то,

что кредитору (потерпевшему) причинён единый вред идентичными с точки зрения фактических обстоятельств дела действиями (хотя их нормативная квалификация может быть различна). Отсюда следует, что у кредитора (потерпевшего) всегда должно быть только одно требование о возмещении вреда, которое в зависимости от обстоятельств дела должно квалифицироваться либо только как договорное, либо как деликтное.

Таким образом, данное течение также стремится выработать единое требование о возмещении вреда, однако в отличие от доктрины «Anspruchsnormenkonkurrenz» взаимодействует не с конкурирующими нормами, а разрабатывает где это возможно единые правила для договорной и деликтной ответственности.

Соответствующий подход также оказал воздействие и на немецкую кодификацию. Возмещение как договорного, так и деликтного вреда рассматривается под общей рубрикой «Schadenersatzrecht», которую ряд ученых понимают не только как охватывающую вопросы вида и объёма компенсации, но и в более широком смысле, включающим определённые вопросы вменения [13, с. 257]. Действительно, может показаться, что параграф 276 ГГУ, который содержит правила об объективной оценке неосторожного поведения (непринятие необходимых в обороте мер заботливости), регулирует только договорную ответственность, поскольку оперирует категорией «должник». Однако в немецком дискурсе ещё задолго до принятия ГГУ была сильна позиция о том, что и в деликтном праве вина должна оцениваться по объективным критериям. Сторонники субъективного взгляда на деликтную вину так и не смогли одержать вверх в данной дискуссии [14, с. 236–262]. К сожалению, отечественный правопорядок сталкивается с бо льшими трудностями, чем немецкое право по данному вопросу. С одной стороны, абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ об объективной трактовке вины недвусмысленно находится в главе об «ответственности за нарушение обязательства», а с другой стороны, до сих пор очень сильное влияние оказывают взгляды некоторой части советской доктрины на понятие вины, трактуемое в качестве «психического отношения».

Второй и третий подходы, направленные на решение проблемы соотношения договорного и деликтного обязательства по возмещению вреда (убытков), характеризуются как своей радикальностью по отношению к самому разграничению на договорную и деликтную ответственность, так и диаметрально противоположными взглядами между собой.

Так, условно второй взгляд базируется на том, что термин «гражданско-правовая ответственность» применим исключительно к деликтной ответственности, соответственно, договорная ответственность, являясь ложным понятием, представляет собой исключительно требование о выплате денежного эквивалента того натурального (первоначального) предоставления, о котором сторо-

ны заранее договорились [15, с. 60–64; 16, с. 323–355]. Следует отметить, что схожие идеи можно обнаружить и в работе отечественного дореволюционного цивилиста А.С. Кривцова: «Отсюда следует, что традиционное деление учения о возмещении убытков на два отдела, из которых один обнимает случаи убытков при договорах, а второй касается случаев внедоговорных убытков, не может быть оправдано, потому что ответственность, существующая для должника при обязательственном договоре, носит характер ответственности касательно исполнения предмета этого договора, – будет ли это исполнение совершено *in natura* или путем эквивалентной *praestatio*, безразлично» [17, с. 40].

В рамках данной теории в различных трактовках выдвигается требование о дифференцированных условиях, которые необходимы для привлечения лица к «договорной» и деликтной ответственности. Если в первом случае лицо привлекается к ответственности исключительно за факт нарушения договора без необходимости установления иных критериев, в первую очередь вины и вреда, то деликтная ответственность, являясь подлинной гражданско-правовой ответственностью, применима только при наличии традиционного состава правонарушения.

Подобная трактовка также не допускает элективной конкуренции исков, но совершенно по иным основаниям, а именно в связи с тем обстоятельством, что данные требования имеют различные объекты компенсации. Если при нарушении договора требование кредитора ограничивается выплатой ему денежного эквивалента причитающегося предоставления в рамках основной обязанности должника, то иные негативные последствия, возникшие при наличии договорных отношений, подлежат возмещению по правилам о деликтной ответственности. Таким образом, в данном случае возможно говорить не об элективной конкуренции, а о своего рода «кумулятивной», в рамках которой кредитор (потерпевший) при наличии необходимых условий, а также для целей всесторонней компенсации возникших в его имущественной сфере негативных последствий, уполномочен на совместное предъявление как «договорного» иска, так и деликтного, но только при наличии различных объектов компенсации.

Рассматриваемый подход, в целом фокусирующийся только на нарушении основного обязательства, подвергается критике с точки зрения невозможности однозначного определения в каждом конкретном случае, что является исключительно договорным нарушением, и, соответственно, какие негативные последствия должны оцениваться по правилам о неисполнении договора с точки зрения «денежного эквивалента». Для ясной нормативной квалификации необходимого в конкретных обстоятельствах требования преграждают путь ситуации, например, связанные либо с нарушением дополнительных обязанностей по предотвращению вреда иному имуще-

ству и благам кредитора (которые зачастую очень сложно отграничить от чисто основных обязанностей), либо со взысканием косвенного, последующего вреда, который напрямую связан с нарушением договора, но при заключении соглашения не охватывался волей сторон. К тому же в литературе указывается на недостаточную проработанность существенных различий между правовыми режимами оценки, с одной стороны, возникших негативных последствий в результате договорного нарушения и, с другой стороны, классических убытков (в данном подходе охватываемые исключительно категорией деликтных), что ставит под сомнение само выделение такого понятия как денежный эквивалент первоначального предоставления.

Во французской доктрине вновь начинает обсуждаться третий взгляд, который исходит из концепции единой гражданско-правовой ответственности. Для этой позиции характерна не только идентичная правовая природа гражданско-правовой ответственности, но и стремление к общности правовых режимов вне зависимости от того, нарушен ли договор либо совершен деликт [18, 421, 475]. Соответственно, в данном случае вопрос о конкуренции исков не возникает вовсе. Пока о воздействии данного направления судить рано, поскольку недавно озвученные предложения лишь анализируются учёными на предмет возможных возражений.

Таким образом, проведенный анализ воззрений на соотношение договорной и деликтной ответственности может стать основой для дальнейшей дискуссии на предмет обоснованности такого рода дихотомии.

Литература

1. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 2-е изд., испр. – М.: «Статут», 2003.
2. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
3. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. (Ягельницкий А.А. – гл. 13).
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. (Шевченко Г.Н. – гл. 30).
6. Viney G. Introduction à la responsabilité, 4e éd., in *Traité de droit civil sous la direction de Jacques Ghestin*, Paris, L.G.D.J., 2019.

7. Medicus D., Lorenz S. *Schuldrecht I, Allgemeiner Teil*. 21. Aufl. C.H. Beck, 2015. P.
8. Eichler H. Die Konkurrenz der vertraglichen und deliktischen Haftung im deutschen Recht // *Archiv für die civilistische Praxis*, 162. Bd., H. 5/6, 1963.
9. Arens P. Zur Anspruchskonkurrenz bei mehreren Haftungsgründen // *Archiv für die civilistische Praxis*, 170 Bd., H. 5., 1970.
10. Graaff de R., Moron B. Le concours des responsabilités contractuelle et délictuelle. *Réflexions comparatistes à l'occasion du projet de réforme du droit français de la responsabilité civile* // RRJ-2017–1.
11. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts, Band II: Besonderer Teil*, 3. Aufl. 1959.
12. Koziol H. *Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective*. Wien, Jan Sramek Verlag KG, 2012.
13. Koziol H. Schadenersatzrecht and the Law of Torts: Different terms and different ways of thinking // *Journal of European Tort Law*, Volume 5, Issue 3.
14. Крамер Э.А. Начало общего всем вменения в деликтном и договорном праве // *Вестник гражданского права*. 2020. № 1.
15. Синявская М.С. Вопросы нарушения договора и его последствий в современном французском праве: настоящее положение дел, критика, проект реформы // *Вестник гражданского права*. 2008. № 3.
16. Rémy P. La “responsabilité contractuelle”: histoire d'un faux concept // 2 R.T.D., 1997.
17. Кривцов А.С. Общее учение об убытках. – Юрьев: Печатано в типографии К. Маттисена, 1902.
18. Juen E. La remise en cause de la distinction entre la responsabilité contractuelle et la responsabilité délictuelle, préface E. Loquin, LGDJ, *Bibl. droit privé*, 2016.

BASIC CONTINENTAL VIEWS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN CONTRACTUAL AND DELICTUAL LIABILITY

Anokhin A.A.

Lomonosov Moscow State University

The article describes the main approaches to solving the problem of contractual and delictual liability relations adopted in the framework of continental legal tradition. Initially, the traditional view and its separate branches are considered. This approach is based on the unified legal nature of civil liability, where contractual and delictual liability differ only in the applicable legal regimes. The individual branches are generally differentiated in terms of the solutions they offer to overcome the “negative” consequences associated with duality of civil liability. The second and third approaches, aimed at solving the problem of the relationship between contractual and delictual liability for damages (losses), are characterised both by their radicality in relation to the very distinction between contractual and delictual liability, and by diametrically opposite views among themselves.

Keywords: civil liability, contractual liability, delictual liability, competition of claims, single claim for damages.

References

1. Ioffe O.S. Selected works on civil law: From the history of civilist thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of “business law”. 2nd ed., pp. – Moscow: “Statute”, 2003.

2. Smirnov V.T., Sobchak A.A. General Teaching about Tort Obligations in Soviet Civil Law. Textbook. – L.: Leningrad University Publishing House, 1983.
3. Agarkov M.M. To the question of contractual liability // Selected works on civil law. In 2 tons. T. 2: General Doctrine on Obligations and its Specific Types. – Moscow: Statute, 2012.
4. Civil law: textbook: in 4 volumes. T. I: General part. / Ed. E.A. Sukhanov.– 2nd ed., transcript and additional. – Moscow: Statute, 2019. (Yagelnitsky A.A. – Ch. 13).
5. Civil law: textbook: in 3 tons. T. 1 / Edited by A.P. Sergeyev.– 2nd ed., pererabaty. i dop. – Moscow: Prospekt, 2020. (Shevchenko G.N. – Ch. 30).
6. Viney G. Introduction à la responsabilité, 4e éd., in *Traité de droit civil sous la direction de Jacques Ghestin*, Paris, L.G.D.J., 2019.
7. Medicus D., Lorenz S. Schuldrecht I, Allgemeiner Teil. 21. Aufl. C.H. Beck, 2015. P.
8. Eichler H. Die Konkurrenz der vertraglichen und deliktischen Haftung im deutschen Recht // *Archiv für die civilistische Praxis*, 162. Bd., H. 5/6, 1963.
9. Arens P. Zur Anspruchskonkurrenz bei mehreren Haftungsgründen // *Archiv für die civilistische Praxis*, 170 Bd., H. 5., 1970.
10. Graaff de R., Moron B. Le concours des responsabilités contractuelle et délictuelle. Réflexions comparatistes à l'occasion du projet de réforme du droit français de la responsabilité civile // *RRJ-2017-1*.
11. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts, Band II: Besonderer Teil*, 3. Aufl. 1959.
12. Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien, Jan Sramek Verlag KG, 2012.
13. Koziol H. Schadenersatzrecht and the Law of Torts: Different terms and different ways of thinking // *Journal of European Tort Law*, Volume 5, Issue 3.
14. Kramer E.A. Beginning of general impressions in the law of tort and contract // *Civil Law Bulletin*. 2020. № 1.
15. Sinyavskaya M.S. The questions of breach of contract and its consequences in the modern French law: present state of affairs, criticism, reform project // *Civil law journal*. 2008. № 3.
16. Rémy P. La "responsabilité contractuelle": histoire d'un faux concept // *2 R.T.D.*, 1997.
17. Krivtsov A.S. General Doctrine on Losses. – Yuryev: Printed in the printing house of K. Mattisen, 1902.
18. Juen E. La remise en cause de la distinction entre la responsabilité contractuelle et la responsabilité délictuelle, préface E. Loquin, LGDJ, *Bibl. droit privé*, 2016.

О совершенствовании формы правления в России

Шеховцов Виктор Афанасьевич,

профессор кафедры конституционного и административного права Юридической школы, Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: parlament6348@mail.ru

Абоян Агавни Арменаковна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: aboian.aa@students.dvfu.ru

Авторы на основе проведенного анализа выявили специфические черты российской модели республиканской формы правления. В статье рассматривается современная форма правления в Российской Федерации после реформы 2020 года, раскрываются её особенности, анализируются проблемы. Конституционной практике в России необходимы обоснованные научные предложения по совершенствованию российской модели организации высших органов власти. В статье предлагается ряд способов и путей решения выявленных проблем с целью совершенствования ведущего элемента формы государства. Проводится сравнительный анализ полномочий Президента и парламента. В результате внесения в Конституцию Российской Федерации «поправок 2020» установлен более правильный баланс ветвей федеральной государственной власти. Появились новые, убедительные основания для определения формы правления нашей страны: Россия – президентско-парламентская республика с доминирующей ролью Президента, главы государства.

Ключевые слова: Конституция, форма правления, республика, парламент, Президент, правительство, принцип разделения властей, парламентаризм.

Форма правления – первый, определяющий элемент формы государства, который характеризуется порядком формирования высших органов государственной власти, их компетенцией, структурой, принципами и формами взаимодействия между собой. Вопросы совершенствования формы правления в России заслуживают особого внимания, исследования, поскольку от того, каким образом, насколько оптимально организована государственная власть в стране, зависят эффективность её осуществления, развития экономики, науки и образования, состояние законности и правопорядка, исполнение предписаний Конституции Российской Федерации [1], гарантирующих реализацию, защиту прав и свобод граждан.

Демократия, форма правления, правовое государство, парламентаризм – понятия тесно связанные между собой, взаимообусловленные, зависящие от уровня реализации принципа разделения властей, эффективности действующего в государстве механизма сдержек и противовесов [2, с. 321].

Почти три десятка лет конституционалисты, политологи и другие ученые безуспешно пытаются определить, к какому виду традиционной классификации республик относится форма правления России – парламентской (Италия, Индия), президентской (Мексика, США) или смешанной форме правления (Франция, Алжир) [3, с. 158].

По мнению одних исследователей, форма правления нашей страны представляет собой полупарламентскую республику с доминирующим положением Президента [4, с. 284–292], другие учёные полагают, что России присущи черты полупрезидентской или смешанной формы правления [5, с. 16]. Некоторые авторы утверждают, что наше государство суперпрезидентская или квазипрезидентская республика. [6, с. 22–25]. Поразительный разброс мнений подтверждает вывод: форму правления России до проведения реформы 2020 года невозможно определить, поскольку мы имеем дело с немыслимым нагромождением несочетаемых элементов.

Вотум недоверия и следующая за ним отставка правительства являются реальными формами взаимодействия, конкуренции ветвей власти в парламентской республике, досрочное отрешение от должности (импичмент) главы государства – эффективное средство противоборства в президентской республике. Закрепленные в российской Конституции вышеуказанные сдержки и противовесы не работают, их невозможно реализовать. Более того, предусмотрены в некоторых случаях алогичные последствия – вотум недоверия Правительству в конечном счете влечет роспуск Государственной Думы.

Специфика российской модели государственного управления заключается в том, что она представляет собой симбиоз различных элементов двух классических форм правления. Юридическое переплетение признаков президентской и парламентской республик привело к созданию уникальной современной формы правления России.

Как известно, в результате бурной пятилетней конституционных реформ (1.12.1988–12.12.1993 г.) народными депутатами СССР и РСФСР были утверждены поправки к конституциям Союза и республик, демократические положения которых украшают первую и вторую главы действующей Конституции Российской Федерации [7, с. 70–72]. Созданные проекты новой конституции нашей страны обсуждались на разных уровнях (в том числе и на Конституционном Совете летом 1993 г.). Однако компромиссное решение принять не удалось... В окончательном тексте Конституции нашей страны был отражён практически весь спектр полномочий, ранее закреплённый за главами государств с разными формами правления.

Выделяя проблемы совершенствования современной формы правления, акцентируем внимание на то, что практически все они существуют ввиду определённых дефектов, пробелов, содержащихся в отдельных конституционных нормах [8, 9, с. 113–126]. Одним из таких примеров является следующее. В статье 10 Конституции Российской Федерации закреплён принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Президент России при этом находится вне системы разделения властей, согласно части 1 статьи 11 Конституции он осуществляет государственную власть в особом статусе главы государства (часть 1 статья 80 Конституции РФ). Существует несколько основных точек зрения по этому вопросу: одни ученые полагают, что глава государства находится над тремя ветвями власти, другие считают, что он возглавляет исполнительную власть, третьи склоняются к мнению о том, что Президент наряду с существующими ветвями власти образует четвёртую – самостоятельный властный институт «главы государства». Предполагается, что при конкретной регламентации положения Президента в системе органов государственной власти дискуссия о форме правления в России продвинется на шаг вперёд. Поддерживаем предложения конституционно регламентировать место Президента в системе органов власти как самостоятельного властного института «главы государства».

Заслуживают внимания предложения установить конкретные меры ответственности правительства за результаты своей деятельности, что будет способствовать эффективности его функционирования. Наиболее действенным механизмом в данном случае стало бы установление персоналифицированного характера правительственной ответственности путём допущения наряду с недоверием правительству выражения индивидуального вотума недоверия отдельным мини-

страм. Введение персоналифицированного характера ответственности правительства позволило бы избежать роспуска всей Государственной Думы, отставки Правительства, к тому же меры индивидуальной ответственности наиболее эффективны в трудовой деятельности, если брать их в сравнении с коллективными.

Особое внимание следует обратить на то, что сегодня происходит некоторое оживление интереса к конституционному наследию России. В крайнем ежегодном обращении Президента РФ к парламенту глава государства заявил о необходимости изменений, направленных на совершенствование Конституции. Вскоре после этого был подготовлен законопроект о внесении поправок в Основной закон страны и направлен в Государственную Думу РФ. 11 марта 2020 года обе палаты парламента одобрили текст новой Конституции, затем последовали одобрения законодательных собраний регионов. 14 марта 2020 года глава государства подписал закон РФ о поправке к Конституции РФ N1-ФКЗ. После согласования изменений в Конституцию в ходе общероссийского голосования от 1 июля 2020 года глава государства издал указ о её официальном опубликовании с внесёнными поправками.

В соответствии с внесёнными изменениями повышается роль парламента: Государственная Дума получила большие полномочия по формированию высшего органа государственной исполнительной власти страны. Назначению Председателя Правительства, его заместителей, а также федеральных министров на должность Президентом предшествуют обязательные обсуждение и утверждение их кандидатур нижней палатой парламента. Также следует отметить, что Совет Федерации проводит консультации по назначению прокуроров субъектов Российской Федерации, руководителей федеральных органов исполнительной власти, в том числе по назначению федеральных министров так называемого «силового» блока. Вопрос о том, какой характер будут носить такие консультации, остаётся без ответа. В то же время факт того, что кандидатуры на должности Председателя Правительства, его заместителей и федеральных министров назначает по-прежнему глава государства, а также представляет их кандидатуры для утверждения Государственной Думе, позволяет сделать вывод о том, что консультации с Советом Федерации носят лишь рекомендательный характер, окончательное решение остаётся за Президентом. Здесь нельзя не отметить большую роль главы государства в формировании органов исполнительной власти.

Согласно изменениям в Конституцию, принятым на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года, усиливается роль Совета Федерации. К ведению верхней палаты парламента теперь относится прекращение полномочий судей Конституционного суда, Верховного суда, а также судей кассационных и апелляционных судов по представлению главы государства – в случае соверше-

ния ими поступков, порочащих честь и достоинство судьи. Помимо того, Президент представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов.

В соответствии с нововведениями увеличивается ответственность парламента перед государством за счет утверждения им состава Правительства, помимо того, теперь обе палаты парламента имеют возможность реализовывать парламентский контроль путем направления парламентских запросов руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, которые входят в их компетенцию.

Поправки к Конституции дополняют полномочие Президента РФ по воздействию на законодательный процесс (законодательную власть) исключительным правом на обращение в Конституционный Суд за дачей заключения в порядке предварительного конституционного нормоконтроля (пункт «а» части 51 статьи 125 Конституции РФ).

В результате значительных изменений в системе разделения властей после внесения в Конституцию Российской Федерации «поправок 2020» установлен более правильный баланс ветвей федеральной государственной власти. Появились новые, убедительные основания для определения формы правления нашей страны: Россия – президентско-парламентская республика с доминирующей ролью Президента, главы государства.

Форма правления находится в постоянном движении, развитии. Преобразование Конституции должно быть эволюционным, по мнению конституционалистов, управляемым процессом [10, с. 85].

Оптимальное распределение властных полномочий, организация успешного взаимодействия органов государственной власти, эффективного сотрудничества и конкуренции, ответственность и реальные сдержки и противовесы помогут решить сложные задачи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации с поправками 2020 года. М.: Айрис-пресс, 2020, 96 с.
2. Шеховцов В.А. Развитие российского парламентаризма. Владивосток: Дальнаука, 2002, 321 с.
3. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2013, 520 с.
4. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1997, 538 с.
5. Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий // Государство и право. 2003. № 10. С. 14–19.
6. Холмс С. Сверхпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. Осень 1993/зима 1994. № 4(5)/1(6). С. 22–25.
7. Шеховцов В.А. Этапы создания действующей Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 70–72.
8. Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2014, 864 с.
9. Colton T.J., Skach C. The Russian Predicament. J. Democracy, 2005, p. 250.
10. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: НАУКА, 2016, 318 с.

ON IMPROVING THE FORM OF GOVERNMENT IN RUSSIA

Shekhovtsov V.A., Aboyan A.A.

Far Eastern Federal University

Based on the analysis, the authors attempt to identify the specifics of the Russian model of the Republican form of government. The article examines the current form of government in the Russian Federation after the 2020 reform, reveals its features, and analyzes the problems. Constitutional practice in Russia needs scientifically-based proposals to improve the form of organization of state power, taking into account the needs and prospects for the development of Russian statehood. The article offers a number of ways and means of solving the identified problems in order to improve the leading element of the state form. A comparative analysis of the powers of the President and the Parliament is carried out. As a result of the «2020 amendments» to the Constitution of the Russian Federation, a more correct balance of branches of Federal government has been established. There are new and convincing grounds for determining the form of government of our country: Russia is a presidential and parliamentary Republic with the dominant role of the President and head of state.

Keyword: Constitution, form of government, Republic, Parliament, President, government, separation of powers, parliamentarism.

References

1. The Constitution of the Russian Federation as amended in 2020. М.: Ayris-press, 2020, 96 p.
2. Shekhovtsov V.A. Development of Russian parliamentarism. Vladivostok: Dalnauka, 2002, 321 p.
3. Mishin A.A. Constitutional (state) law of foreign countries. М., 2013, 520 p.
4. Chirkin V.E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. М., 1997, 538 p.
5. Krasnov M.A. Russia as a semi-presidential republic: problems of the balance of powers // State and Law. 2003. No. 10. S. 14–19.
6. Holmes S. Superpresidency and its problems // Constitutional law: Eastern European review. Autumn 1993 / winter 1994. No. 4 (5) / 1 (6). S. 22–25.
7. Shekhovtsov V.A. Stages of creating the current Constitution of Russia // Constitutional and municipal law. 2019. No. 4. S. 70–72.
8. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia. Т. 1. М., 2014, 864 p.
9. Colton T.J., Skach C. The Russian Predicament. J. Democracy, 2005, p. 250.
10. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in the modern world. Moscow: Nauka, 2016, 318 p.

История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России

Лабазанова Мата Асановна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральского института управления – филиала Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
E-mail: yurist.777@mail.ru

В настоящей статье рассмотрен вопрос о становлении и развитии законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России, в том числе, проанализированы источники права Древней Руси, содержавшие отдельные положения о несостоятельности. Отмечая особенную актуальность изучения данного вопроса сегодня, когда институт несостоятельности активно развивается, автор методом сравнения и анализа исследует и раскрывает отличительные черты законодательства, регулирующего вопросы несостоятельности (банкротства), на каждом этапе его развития (дореволюционный, советский, современный). В целях полноценного раскрытия вопроса исследованы теоретические работы современных цивилистов. В статье раскрываются наиболее яркие особенности института банкротства, а также приводятся последние изменения в действующее законодательство. В работе отмечены основные приоритеты, необходимые для дальнейшего развития института банкротства с учетом перспективы преобразования действующего законодательства.

Ключевые слова: история развития законодательства, несостоятельность, банкротство, должник, кредиторы.

Следует согласиться, что мы стоим на пороге революционных изменений в сфере гражданско-правовых, социально-экономических и иных отношений. Способы взаимодействия институтов гражданского общества, а также общества и государства в целом переходят на новый уровень, цифровизация права охватывает существенную часть правового пространства. На фоне стремительного развития общества многие правовые институты претерпевают трансформацию. Институт банкротства, казалось бы, отшлифованный многочисленными преобразованиями, также оказался недостаточно отвечающим условиям современной жизни, в связи с чем, подвергся новым усовершенствованиям, включая возможность внесудебного банкротства граждан, индивидуальных предпринимателей, порядок применения моратория на возбуждение дел о банкротстве и иные. Именно эти перемены требуют исследования истории развития института несостоятельности в России, которое многие цивилисты разделяют на три этапа: дореволюционный, советский, современный.

Как известно, институт несостоятельности (банкротства) корнями уходит в далекое прошлое. Первые зачатки конкурсного права можно найти в Русской Правде – первом унифицированном юридическом документе XI–XII вв.

Конечно же, данный документ не являлся образцом или полноценным нормативным правовым актом, регулирующим конкурсные отношения, а лишь содержал достаточно примитивные, с точки зрения современной юридической техники, положения об отдельных элементах таких отношений. Задержку становления законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Древней Руси можно объяснить низким уровнем развития гражданско-правовых отношений.

Как указывают некоторые авторы, «... замкнутость и преимущественно земельный уклад жизни государства тормозили развитие конкурсных отношений и в целом института банкротства.» [1, с. 121].

Тем не менее, Русская Правда для своего времени была достаточно содержательной, разделяя несостоятельность на возникшую по обстоятельствам, независящим от должника, или по неосторожности (случайное банкротство), и злостное банкротство, то есть, закрепляя критерии виновности или невиновности должника.

В первом случае вопрос о мерах, подлежащих применению к должнику, решался по усмотрению кредитора, который мог согласиться на исполнение требований в рассрочку либо воспользоваться

ся правом продажи самого должника и его имущества (при условии наличия вины данного лица).

Так, статья 54 Русской Правды гласила: «Если какой-нибудь купец потерпит кораблекрушение. Если какой-нибудь купец, отправившись куда-либо с чужими деньгами, потерпит кораблекрушение, или нападут на него, или от огня пострадает, то не творить над ним насилия, не продавать его; но если он станет погодно выплачивать долг, то пусть так и платит, ибо эта погуба от Бога, а он не виноват; если же он пропьется или пробьется об заклад (проспорит), или по неразумению повредит чужой товар, то пусть будет так, как захотят те, чей это товар: будут ли ждать, пока он выплатит, это их право, продадут ли его, это их право.» [2].

В случае злостного (недобросовестного) банкротства виновное лицо подлежало продаже, что следует из статьи 55 Русской Правды: «О долге. Если кто-нибудь будет многим должен, а приехавший из другого города купец или чужеземец, не зная того, доверит ему свой товар, а (тот) станет не возвращать гостю денег, и первые заимодавцы станут ему препятствовать, не давая ему денег, то вести его на торг, продать (его) вместе с имуществом, и в первую очередь отдать деньги чужому купцу, а своим – те деньги, что останутся, пусть они разделят; если будут княжеские деньги, то княжеские деньги отдать в первую очередь, а остальное в раздел; если кто взимал (уже) много процентов, то тому (свою часть долга) не брать.» [3].

Указанные меры были в духе того времени и соответствовали реалиям жизни и уровню развития гражданского общества.

Русскую Правду заменил Судебник Ивана III (1497 г.), который внес некоторую детализацию в вопрос об ответственности должника.

Статья 55 Судебника Ивана III предусматривала выдачу виновного лица истцу головой на продажу, [4] в том числе, в случае потери имущества по неосторожности.

Таким образом, можно сделать вывод, что выдача виновного лица истцу головой на продажу являлась основным способом удовлетворения требований кредиторов к должникам, неспособным возместить причиненные убытки и платить по иным долгам.

Также примечательно, что еще в Древней Руси учитывался принцип очередности удовлетворения требований кредиторов. Преимущество отдавалось требованиям князей, иностранцев, купцов. Требования местных кредиторов удовлетворялись в последнюю очередь. Кредиторы, получившие удовлетворение значительной суммы процентов до распределения имущества должника, не могли рассчитывать на погашение оставшейся задолженности.

Как указывает О.А. Баранец, «Обозначенный в Русской Правде подход к несостоятельности сохранился и в более позднем российском законодательстве. Менялись только первенствующие значения, усложнялось и расширялось само нормативно-правовое регулирование.» [5, с. 17].

Например, Российское Соборное уложение 1649 г. практически (за некоторыми исключениями) повторяло то, что было установлено Русской Правдой. [6, с. 7].

В Соборном уложении Московского царя Алексея Михайловича, в отличие от Русской правды, устанавливались предельные сроки уплаты долгов. Отсрочка давалась только до трех лет. Уложение расширило круг применения норм о несостоятельности. Если в Русской Правде речь шла лишь о купцах, взявших чужие деньги для торговли, то в уложении уже говорилось о всяком долге и всяком должнике, вводился институт поручительства за несостоятельного должника, отражавший общую тенденцию законодательства, направленную на обеспечение гражданско-правовых обязанностей лица путем установления поручительства за него.» [7, с. 41, 8].

Последующие попытки урегулировать конкурсные отношения нельзя назвать удачными, поскольку Банкротский устав, принятый 15 декабря 1740 года, не только не был опубликован, но и не нашел своего применения на практике, поскольку копировал западноевропейское законодательство, и не соответствовал национальным обычаям и экономической действительности того времени. В период разработки банкротских уставов в 1753, 1763, 1768 годах стороны не могли рассчитывать на национальное законодательство, поскольку оно фактически отсутствовало.

В связи с тем, что новые проекты уставов не нашли своего применения на практике, более того, не вступили в силу, в 1784 году Сенатом частично урегулированы конкурсные отношения Указом от 13 августа 1784 года. Он содержал положения, определяющие порядок голосования кредиторами при решении возникающих вопросов.

По мнению Скоробогатова А.В., «Итогом развития отечественного законодательства о несостоятельности стал Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. [10, с. 168]. Он был более качественным, учитывал особенности сложившихся гражданских отношений, соответствовал своему времени. В нем усматривался индивидуальный подход к определению личности должника с учетом его виновности или невиновности, от чего зависели последствия, которые могли наступить в случае банкротства данного лица.

Также Устав содержал сроки заявления требований кредиторами, которые варьировались от 3 до 18 месяцев в зависимости от места нахождения или проживания лица, рассчитывающего на удовлетворение своих требований, то есть осуществлялся дифференцированный подход к установлению разумных сроков для заявления соответствующих требований.

Устав, принятый 23 июня 1832 года (О торговой несостоятельности) устанавливал долговой порог (1500 рублей), при достижении которого, должник мог быть признан банкротом. С 1846 года действие документа распространялось не только на лица, принадлежащие к торговому сословию,

но и на всех лиц, занимавшихся торговлей. Обязанность должника уплачивать долги сохранялась в течение всей его жизни. Умышленное банкротство предусматривало возбуждение в отношении должника уголовного дела. В целом данный документ содержал достаточно полное описание процедуры банкротства. Устав содержал требование о соблюдении очередности расчетов с кредиторами. [11]. Данный Устав с небольшими поправками действовал вплоть до Великой русской революции.

Следующим этапом развития российского законодательства о несостоятельности принято считать советский.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года содержал нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с несостоятельностью гражданских и торговых товариществ и физических лиц, однако на практике эти нормы не применялись.

Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР, принятый в 1923 году, не содержал процедуры объявления несостоятельности. Последующие дополнения данного закона положениями о несостоятельности определенной категории лиц [12] не имели существенного значения, так как они фактически не применялись.

Проблемы несостоятельности юридических лиц решались посредством датирования государством убыточных предприятий. Что касается физических лиц, то вопросы, связанные с банкротством, и вовсе не возникали, поскольку граждане не могли заниматься предпринимательской деятельностью. Отсутствие практики по банкротству граждан в указанный период объясняется, в частности, низким уровнем правового сознания, особенностями менталитета, проводимой государством политикой, условиями жизни и иными обстоятельствами, существовавшими на данном этапе развития института банкротства.

Третьим этапом развития конкурсного права следует считать современный.

Фундаментом для дальнейшего развития института несостоятельности (банкротства) послужило принятие Указа Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур». [13]. Также в это же время принимается Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В соответствии с данным законом в отношении должника применяются следующие процедуры: реорганизационные, ликвидационные, мировое соглашение. Основанием для возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) предприятия является заявление должника или кредитора (кредиторов), а также прокурора.

Данный закон послужил своего рода основой для накопления практики правоприменения института несостоятельности в Российской Федерации.

Несколько лет спустя появился более содержательный акт. Федеральный закон от 08.01.1998

№ 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [14], был встречен учеными позитивно. Так, по мнению А.В. Степанова, «с позиции юридической техники новый (от 1998 г.) российский закон «О несостоятельности (банкротстве)» является одним из лучших среди всех исследуемых». [15, с. 162]

Богатая судебная практика, сложившаяся в период действия Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», свидетельствует о том, что положения данного закона применялись и были востребованы в новых условиях развития товарно-денежных отношений.

Между тем, применение данного закона на практике показало, что он имеет определенные недостатки: низкий уровень защищенности прав и законных интересов кредиторов и должников; возможность использования механизмов, позволяющих недобросовестным конкурентам злоупотреблять своими правами путем захвата бизнеса; случаи использования преднамеренного банкротства с выводом активов должника в пользу определенных лиц и иные.

Таким образом, перед законодателем стояла задача усовершенствовать законодательство о несостоятельности (банкротстве) с учетом накопленного опыта и знаний в сфере регулирования соответствующих отношений.

Принятие Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не завершило реформы законодательства о несостоятельности. На сегодняшний день закон имеет 109 редакций, две из которых не вступили в силу. С одной стороны необходимость внесения такого количества изменений в закон объясняется развитием социально-экономических отношений, но с другой стороны, многие редакции были разработаны в целях устранения недостатков и пробелов, допущенных при разработке закона.

При этом Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в действующей редакции нуждается в дальнейшем развитии. В приоритете стоят задачи по усилению реабилитационных процедур с разработкой специальных механизмов, позволяющих избежать формального подхода к рассмотрению дел о банкротстве, внедрению эффективной системы вознаграждения арбитражных управляющих, способствующей достижению результатов, позволяющих достичь баланса интересов должников и кредиторов, исключению случаев преднамеренного банкротства.

В целом, учитывая, что институт банкротства в активной стадии применения существует в России достаточно недолгое время, следует сделать вывод, что Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит реализуемые механизмы банкротства не только юридических лиц, но и физических лиц, в том числе, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, действующая редакция закона о несостоятельности (банкротстве) является рабо-

чей, но требует определенной адаптации к современным условиям рыночных отношений в стране.

Литература

1. Кутер М.И., Тхагапсо Р.А. Формирование и развитие института несостоятельности в Российской Империи. Вектор науки ТГУ. № 7 (10), 2009. С. 121–125.
2. Русская Правда (пространная редакция), перевод. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения – 30.08.2020).
3. Там же.
4. Судебник 1497 года Ивана III (с комментариями)// Исторический дискуссионный клуб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-\(s-kommentariyami\)](https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-(s-kommentariyami)) (дата обращения – 30.08.2020).
5. Баранец О.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. С. 16–21.
6. Брежнев В.Э. Закон о несостоятельности (банкротстве) – проблемы применения в рыночных отношениях. Курск, 1999. С. 129.
7. Слепышев В.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9 (190) Право. Вып. 23. С. 41–46.
8. Соборное уложение 1649 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/2001/> (дата обращения – 30.08.2020).
9. Банкротский устав 1940 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/657438/pravo/bankrotskiy_ustav_1740_goda (дата обращения – 30.08.2020).
10. Скоробогатов А.В. «Правовое регулирование банкротства в России во второй половине XVIII в.» // Актуальные проблемы экономики и права. 2012 № 2. С. 168–175.
11. История института банкротства в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lms2.sseu.ru/pluginfile.php/310929/mod_resource/content/0/Тема%20%201%20История%20института%20банкротства%20в%20России.pdf (дата обращения – 30.08.2020).
12. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 20.12.1927) «Об введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=43447&base=ESU&from=3568–rnd=0.9453728634285603#024608730660648992> (дата обращения – 30.08.2020).
13. Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/104712/#friends> (дата обращения – 30.08.2020).
14. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1409483507048930631905884114&cacheid=0F2901FF802E4DCB0D2A1A47342E1561&mode=splus&base=LAW&n=36045&rnd=0.3906858782461562#2i42eead61y> (дата обращения – 30.08.2020).
15. Степанов А.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С. 204.
16. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1409483507048930631905884114&cacheid=227A949BB65EE9E51049C6CB3B5F0730&mode=splus&base=LAW&n=358808&rnd=0.3906858782461562#18kwl3rqsmu> (дата обращения – 30.08.2020).

THE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) LEGISLATION IN RUSSIA

Labazanova M.A.

Ural Institute of Management- Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration

This article discusses the formation and development of insolvency (bankruptcy) legislation in Russia, including the analysis of sources of law of Ancient Rus, which contained separate provisions on insolvency. Noting the special relevance of studying this issue today, when the institute of insolvency is actively developing, the author uses the method of comparison and analysis to investigate and reveal the distinctive features of legislation regulating insolvency (bankruptcy) at every stage of its development (pre-revolutionary, Soviet, modern). In order to fully disclose the issue, the theoretical works of modern civil lawyers are studied. The article highlights the most striking features of the bankruptcy institute, as well as the latest changes in the insolvency (bankruptcy) legislation. The paper highlights the main priorities for further development of the institution of bankruptcy, taking into account the prospects for transforming the current legislation.

Keywords: history of legislation development, insolvency, bankruptcy, debtor, creditors.

References

1. Kuter M.I., Thagapso R.A. Formation and development of the insolvency institute in the Russian Empire. Vector of science of the TSU. № 7 (10), 2009. Pp. 121–125.
2. Russian Truth (extended edition), translation. [Electronic resource]. – Access mode: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (access date 30.08.2020).
3. Ibid.
4. Ivan's the Third Law Book of 1497 (with comments)// Historical discussion club. [Electronic resource]. – Access mode: [https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-\(s-kommentariyami\)](https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-(s-kommentariyami))

- historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVA-NA-III-(s-komentariyam) (access date 30.08.2020).
5. Baranets O.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University n.a. A.I. Herzen*, 2007. Pp. 16–21.
 6. Brezhnev V.E. The law on insolvency (bankruptcy) – problems of application in market relations. *Kursk*, 1999. P. 129.
 7. Slepyshev V.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2010. No. 9 (190) Law. Issue 23. Pp. 41–46.
 8. The Council Code of 1649. [Electronic resource]. – Access mode: <https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/2001/> (access date – 30.08.2020).
 9. The Bankruptcy Charter of 1940. [Electronic resource]. – Access mode: https://studwood.ru/657438/pravo/bankrotskiy_ustav_1740_goda (access date – 30.08.2020).
 10. Skorobogatov A.V. «Legal regulation of bankruptcy in Russia in the second half of the XVIII century» // *Actual problems of Economics and Law*. 2012 № 2. Pp. 168–175.
 11. History of the Institute of bankruptcy in Russia. [Electronic resource]. – Access mode: https://lms2.sseu.ru/pluginfile.php/310929/mod_resource/content/0/Тема%20%201%20История%20института%20банкротства%20в%20России.pdf (access date – 30.08.2020).
 12. Resolution of the Central Executive Committee dd 10.07.1923 (ed. 20.12.1927) «On the implementation of the Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R.» (together with the Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R.). [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=43447&base=ESU&from=3568–28&rnd=0.9453728634285603#024608730660648992> (access date – 30.08.2020).
 13. Decree of the President of the Russian Federation No. 623 dd 14.06.1992 «On measures to support and improve the health of insolvent state-owned enterprises (bankrupt) and apply special procedures to them». [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/104712/#friends> (access date – 30.08.2020).
 14. Federal law No. 6-FZ dd 08.01.1998 «On insolvency (bankruptcy)» [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1409483507048930631905884114&cacheid=0F2901FF802E4DCB0D2A1A47342E1561&mode=splus&base=LAW&n=36045&rnd=0.3906858782461562#2i42eead61y> (access date – 30.08.2020).
 15. Stepanov A.V. *Insolvency (bankruptcy) in Russia, France, England, and Germany*. Moscow, 1999. P. 204.
 16. Federal law No. 127-FZ dd 26.10.2002 «On insolvency (bankruptcy)» [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1409483507048930631905884114&cacheid=227A949BB65EE9E51049C6CB3B5F0730&mode=splus&base=LAW&n=358808&rnd=0.3906858782461562#18kwl3rqsmy> (access date – 30.08.2020).

Объекты потребительских правоотношений

Архипов Игорь Валентинович,

доктор юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: aiv495@mail.ru

Автором доказываемся, что объекты потребительских правоотношений имеют специфические признаки, являющиеся дополнительными критериями для выделения потребительских правоотношений в ряду других имущественных правоотношений. Они состоят из имущественных объектов и объектов защиты. Имущество (объекты гражданского оборота) в потребительских правоотношениях состоит из собственно имущества (вещи, объекты волновой природы (энергия и электромагнитные волновые ресурсы, результаты интеллектуальной деятельности) и эквивалентов (заменителей) имущества (независимо от формы деньги, ценные бумаги, имущественные права, в том числе цифровые права – цифровые финансовые активы и цифровые валюты). Эквиваленты (заменители) имущества удовлетворяют потребности человека только в процессе оборота, не имеют самостоятельных потребительских свойств. Объекты защиты в потребительских правоотношениях состоят из гражданских прав и неимущественных благ граждан. Специфическими признаками объектов, свидетельствующими об их потребительском характере являются количество вещей, в том числе, результатов работ; функциональное назначение вещей и результатов работ; удовлетворение личных потребностей в результате оказания услуг. Неоднозначное понимание содержания потребительских услуг восполняется актами толкования высших судебных органов. Статья подготовлена при поддержке Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: потребительские правоотношения, объекты потребительских правоотношений; объекты гражданских прав, объекты гражданско-правовой защиты; эквиваленты имущества.

Потребительские отношения в предмете российского гражданского права в исторической перспективе стали признаваться не так давно. Пожалуй, основоположником теоретического обоснования потребительских отношений в предмете российского гражданского права на основе удовлетворения имущественных потребностей следует признать Н.А. Барина, который еще до начала современного бума рыночных отношений предугадал необходимость особого правового регулирования имущественных отношений с участием граждан, которые вступают в эти отношения именно с целью удовлетворения собственных потребностей или потребностей членов своей семьи [4]. Им же была защищена докторская диссертация на эту тему, хотя проблемы защиты прав граждан в отношениях по удовлетворению их потребностей юридическими лицами разрабатывались Н.А. Баринным еще с 70-х годов [3; 5].

Впоследствии он разработал и цивилистическую теорию потребностей, ставшую основой теоретического обоснования потребительских правоотношений в предмете гражданского права [6]. Современные исследователи все чаще обращают внимание на непреходящее методологическое значение учения о потребностях для науки гражданского права [7, с. 26]. Заметим попутно, что вполне можно согласиться с цивилистами, признающими наиболее взвешенной позицию Н.А. Барина о составе и содержании потребительских отношений, как отношений имущественных, которые требуют своего закрепления в п. 1 ст. 2 ГК РФ [2].

Одним из первых Н.А. Барин обратил внимание на специфику объектов имущественных отношений, направленных на удовлетворение имущественных потребностей граждан. Отмечаем это потому, что большинство исследователей все-таки акцентируют свое внимание на особенностях субъектного состава потребительских отношений. Нельзя согласиться и с А.А. Райлян, безбрежно расширяющим границы потребительских отношений, включая в них и публично-правовые (административные отношения) именно в связи с невозможностью выделения однородных объектов этих отношений [19, с. 20–22, 181–190.]. Другие авторы, например В.В. Богдан, лишь вскользь упоминают об объектах потребительских отношений, не уделяя им сколько-нибудь существенного внимания

и не признавая значения для выделения института защиты прав потребителей [10, с. 7–38.]. Вполне объяснимо, что указанные авторы не акцентируют своего внимания на объектах потребительских отношений, иначе бы их концепции потеряли свою кажущуюся стройность.

Представляется, что потребительские отношения являются видом обязательственных отношений, соответственно и объекты потребительских отношений являются производными от объектов обязательственных отношений. Для адекватной характеристики этого вида правоотношений необходимо конкретизировать объекты обязательственных правоотношений. В советской цивилистической науке отсутствие различий в объектах обязательственных и вещных отношений обосновал М.М. Агарков [1, с. 28–30.]. В его рассуждениях остался без разрешения только вопрос о существовании услуг. Следует заметить, что вопрос о природе услуги как объекте гражданского субъективного права удовлетворительно не разрешен до настоящего времени [21]. На основе некоторых высказываний М.М. Агаркова В.А. Белов попытался сформулировать гипотезу «функционального объекта» правоотношения [8]. Представляется, что «функциональный объект» в изложении В.А. Белова это «остаточный объект», то есть любая субстанция, все что угодно, что не может быть квалифицировано как субъект, содержание и основание правоотношения. С таким подходом вряд ли можно согласиться.

Более корректной представляется теория «реального объекта», сущность которой наиболее точно выразил В.А. Тархов, который писал, что «экономическое содержание правоотношения существует реально, вследствие чего и объекты правоотношений – это реальные вещи и реальные действия» [22, с.108].

Концепция «реального объекта» была фактически завершена А.А. Серветником, который заявлял о необходимости включения в ст. 128 ГК в качестве объектов гражданских прав «действия по передаче имущества» [20, с. 125–148].

Действующая редакция ст. 128 ГК РФ, сделав попытку реализовать идею единства объектов вещных и обязательственных правоотношений, не смогла сделать это последовательно. Непоследовательность заключается в признании такого вида объектов как услуги – действием. То есть если и была попытка реализовать идеи М.М. Агаркова об отсутствии различий объектов вещных и обязательственных отношений, то была реализована лишь частично.

Теория «реального объекта» В.А. Тархова и А.А. Серветника исходит из прямо противоположного предположения – о существенном различии объектов вещных и обязательственных правоотношений, что вряд ли следует признать корректным отражением сущности объектов гражданских прав. Но в этой теории имеется очень важное положение о единстве объекта общественного отношения и соответствующего ему правоотноше-

ния. Действительно, объекты гражданских прав существуют в действительности, реально, а действительность как известно, не зависит от наших представлений о ней. Экстраполяция этой аксиомы на соотношение правовых отношений и общественных отношений позволяет утверждать, что наши представления о сущности правоотношения и его объекта никоим образом не влияют на существующие в действительности объекты общественных отношений, ведь они существуют в действительности независимо от сознания человека. Соответственно никакие наши представления о правоотношении не позволяют оспорить философское понимание объекта как явления, противостоящего субъекту. Именно поэтому являются несостоятельными различные теоретические построения, пытающиеся представить и описать объект гражданских прав как «идею», как «правовой режим» и др.

Известный тезис О.С. Иоффе о том, что объект общественного отношения не совпадает с объектом правоотношения, не учитывает того факта, что правоотношение – это идеологическое отношение, то есть представления субъекта об определенном виде общественного отношения. Поэтому объект общественного отношения и соответствующего правового отношения – это один и тот же объект. Представления же о том, что объектом правоотношения является поведение субъекта, основаны на подмене понятия «объект правоотношения» предметом правового регулирования. В правовом же отношении поведение описывается через его содержание – то есть через субъективные права и юридические обязанности.

В научной литературе, посвященной потребительским правоотношениям, вопросы объектов этих отношений, как правило, не рассматриваются, либо рассматриваются попутно, но без указания на значение объектов для выделения специфики потребительских правоотношений. Представляется, что логические противоречия в выделении потребительских правоотношений на основе особенностей субъектного состава всегда будут иметь место [14; 15]. Термин «потребитель» как в законодательстве, так и в литературе не имеет достаточной степени определенности и применяется для широкого круга субъектов, в том числе и выходящих за рамки понятия субъектов по Закону РФ «О защите прав потребителей». Например, юридические лица так же именуется потребителями по договору, в энергоснабжения (ст. 539 ГК РФ) и др. Поэтому точное определение объектов потребительских правоотношений имеет важное значение для квалификации указанных отношений. Актуальность этого тезиса подтверждается фактическим признанием потребительских отношений в узком потребители только граждане) и широком (все категории потребителей) смыслах слова.

Чаще всего при описании объектов потребительских правоотношений исследователи останавливаются на несколько модифицированной

фразе из Закона РФ «О защите прав потребителей» [13], определяя объект как товары, работы услуги, предназначенные исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской или иной профессиональной деятельности [12].

Методологически верно к характеристике потребительских обязательств подходит В.А. Белов, выделяющий проблему особенностей их объектов [9]. Он, в частности, отмечает такую особенность потребительских отношений (понимаемых в узком смысле слова) как санкционированность товаров, работ и услуг «государством на соответствующем рынке». По сути дела, речь в данном случае идет об административно-правовом признании объектов гражданских прав в потребительских отношениях.

Однако, в некоторых вопросах определения объектов потребительских правоотношений В.А. Белов высказывает недостаточно обоснованные идеи. В частности, он отмечает, что «объектом потребительского обязательства могут быть отношения, возникающие между делинквентом (причинителем вреда) и потерпевшим, в силу внедоговорного обязательства, связанного с причинением вреда имуществу потребителя или его жизни и здоровью» [9, с.10]. Следует заметить, что автор данным утверждением противоречит сам себе, заявляя, что объектом потребительского обязательства являются некие «отношения». В предыдущем изложении проблемы он исходил из традиционного понимания объекта обязательства как особого рода товаров, работ и услуг, то есть некоторых благ, а не отношений. Если принять указанную точку зрения об объекте потребительского обязательства, состоящем из «отношения», то возникает вопрос о сущности и особенностях «потребительского обязательства», объектом которого является другое обязательство (обязательство из причинения вреда). С таким подходом согласиться нельзя. Возможно, что в данном вопросе автор исходил из публично-правовых представлений об объекте правонарушения, под которым, например, в науке уголовного права часто понимается соответствующий вид общественных отношений. Такой подход к определению объекта охранительных правоотношений представляется некорректным и непродуктивным. В науке гражданского процессуального права достаточно давно был поставлен вопрос об объекте гражданско-правовой защиты, под которым понимаются субъективные права, свободы и законные (правовые) интересы. В материальном гражданском праве указанный подход тоже реализован, в частности, в ст. 12 ГК РФ, определяющей способы защиты гражданских прав. Вполне очевидно, что отношения по защите гражданских прав имеют свой собственный объект – субъективные права. Кстати говоря, урезанный перечень объектов защиты в соответствии со ст. 12 ГК РФ входит в противоречие с пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ, который определяет предмет иска как требование об устране-

нии нарушения либо угрозы нарушения прав, свобод или законных интересов истца. Если способы защиты прав определены в ст. 12 ГК и в других гражданско-правовых нормах, способы защиты свобод и законных интересов гражданским законодательством применительно к способам защиты не сформулированы, хотя и могут быть выведены из разбросанных по всему гражданскому законодательству специальных норм. В судебной практике утвердилось расширительное толкование ст. 12 ГК РФ при применении способов защиты законных интересов и свобод и применение способов защиты прав к указанным объектам защиты по аналогии.

Возвращаясь к высказыванию В.А. Белова, следовало бы уточнить, что в принципе возможно говорить только о регулятивных потребительских правоотношениях и вряд ли целесообразно выделять потребительские охранительные правоотношения, возникающие в результате причинения вреда, в силу отсутствия специфики указанных правоотношений. Например, вряд ли можно говорить об особенностях возмещения вреда и компенсации морального вреда потребителю лишь на том основании, что основанием для применения мер защиты является ст. 14 и 15 Закона РФ «О защите прав потребителей». В данном случае необходимо уточнить, что дискуссия об охранительных и регулятивных потребительских отношениях не входит в предмет настоящего исследования и рассматривается лишь в связи с необходимостью выделения особого вида объектов – объектов гражданско-правовой защиты.

В любом случае гражданско-правовая защита имеет свой особый объект, соответственно применительно к потребительским отношениям в качестве объектов гражданско-правовой защиты следует признать имущественные права и неимущественные блага потребителя, а также их законные интересы в случаях, прямо предусмотренных законом.

Законный интерес потребителя подлежит защите в следующих случаях: интерес представлен нематериальным (неимущественным) благом, не поддающимся правовому регулированию в силу его неотчуждаемости (например, при компенсации морального вреда); интерес возникает в той ситуации, когда еще не возникло обязательственное потребительское правоотношение, но оно должно было возникнуть в случае волеизъявления потребителя.

В судебной практике до настоящего времени возникают некоторые проблемы с определением потребительского характера объекта обязательства. Например, достаточно часто о непотребительском характере возникшего обязательства свидетельствует большое количество вещей, составляющих объект обязательства [17].

Большинство споров по потребительским обязательствам возникают именно в связи со свойствами и качеством объекта обязательства [16].

Необходимо также отметить, что при судебном толковании чаще всего внимание уделяется

вопросам таких объектов потребительских отношений как потребительские услуги [18], как представляется, именно в связи с тем, что категория «услуги» является наиболее дискуссионной в литературе.

Литература

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву: Ученые труды ВИЮН. – М., 1940. – Вып. 3.– 192 с.
2. Анисимов В.А. Теоретические проблемы понимания сущности и значения категории «потребительские отношения» в гражданском праве // Гражданское право.– 2019.– № 5. – С. 15–18.
3. Баринов Н.А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан. Диссертация ... д-ра юрид. наук. – М, 1988.
4. Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987.– 191 с.
5. Баринов Н.А. Ответственность сторон по договору бытового заказа. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1970.
6. Баринов Н.А. Цивилистическое учение о потребностях: вопросы теории и практики. – Москва: Юрист, 2012.– 166 с.
7. Барков А.В. О методологическом значении учения Н.А. Баринова об имущественных потребностях и гражданско-правовых средствах их обеспечения для цивилистической науки // Власть закона.– 2015.– № 1. – С. 26–42.
8. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / Вадим Анатольевич Белов // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 6–77. // СПС КонсультантПлюс, 2020.
9. Белов В.А. Потребительские правоотношения: место потребительского обязательства в системе права / Валерий Александрович Белов // Нотариус.– 2017.– № 7. – С. 7–15.
10. Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. – Курск, 2015. –38 с.
11. Внуков Н.А. Соотношение публичного договора с потребительским договором // Цивилист. –2011.– № 3. – С. 51–56.
12. Дашко А.В. Теоретико-прикладное моделирование договорных отношений с участием потребителей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Александр Викторович Дашко. М., 2005. С. 8–9.
13. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 24.04.2020) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.06.2020).
14. Кирпичев А.Е. Соотношение понятий «потребительский договор» и «обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности»: проблемы теории и правоприменения // Мировой судья.– 2014.– № 1. –С. 20–24.
15. Кулаков В.В. Оформление предпринимательских и потребительских договоров: гражданско-правовые последствия цивилистических процедур // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: Коллективная монография. В 4-х томах. Отв. редактор С.Д. Могилевский [и др.]. – М.: Проспект, 2020. – Т. 4. – С. 331–346.
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс, 2020.
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.03.2018 № 78-КГ17–102 // СПС «КонсультантПлюс, 2020.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»// СПС «КонсультантПлюс, 2020.
19. Райлян А.А. Теоретические основы потребительского права России: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2007.
20. Серветник А.А. Правоприменение в гражданско-правовых договорах по отчуждению имущества. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2005.– 363 с.
21. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. – М.: Статут, 2005.– 348 с.
22. Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1998.– 330 с.

OBJECTS OF CONSUMER LEGAL RELATIONS

Arhipov I.V.

Russian State University of Justice

The author proves that the objects of consumer legal relations have specific features, which are additional criteria for distinguishing consumer legal relations among other property legal relations. They consist of property objects and objects of protection. Property (objects of civil circulation) in consumer legal relations consists of property itself (things, objects of wave nature (energy and electromagnetic wave resources, results of intellectual activity) and equivalents (substitutes) of property (regardless of the form of money, securities, property rights, including digital rights – digital financial assets and digital currencies). Equivalents (substitutes) of property satisfy a person's needs only in the process of circulation, do not have independent consumer properties. The objects of protection in consumer legal relations consist of civil rights and non-property benefits of citizens. Specific features of objects, indicating their consumer nature are the number of things, including the results of work; functional purpose of things and work results; satisfaction of personal needs as a result of the provision of services. The ambiguous understanding of the content of consumer services is filled by acts of interpretation of the highest judicial authorities. The article was prepared with the support of the ConsultantPlus Legal Reference System.

Keywords: consumer legal relations; objects of consumer legal relations; objects of civil rights; objects of civil protection; equivalents of property

References

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law: Scientific works of VIUN. – M., 1940. – Issue. 3.– 192 p.
2. Anisimov V.A. Theoretical problems of understanding the essence and meaning of the category «consumer relations» in civil law // *Civil law*.– 2019.– № 5. – S. 15–18.
3. Barinov N.A. Civil law problems of meeting the property needs of Soviet citizens. Dissertation ... Dr. jurid. sciences. – M, 1988.
4. Barinov N.A. Property needs and civil law. – Saratov: Saratov University Press, 1987.– 191 p.
5. Barinov N.A. Responsibility of the parties under the consumer order contract. Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. – Saratov, 1970.
6. Barinov N.A. The civilistic doctrine of needs: questions of theory and practice. – Moscow: Lawyer, 2012.– 166 p.
7. Barkov A.V. On the methodological significance of the doctrine of N.A. Barinov about property needs and civil legal means of ensuring them for civil science // *Power of the law*.– 2015. – No. 1. – S. 26–42.
8. Belov V.A. The object of subjective civil law, the object of civil legal relations and the object of civil circulation: the content and relationship of concepts / Vadim Anatolyevich Belov // *Objects of civil circulation: Sat. articles / Otv. ed. M.A. Rozhkova*. – M.: Statut, 2007. – P. 6–77. // SPS ConsultantPlus, 2020.
9. Belov V.A. Consumer legal relations: the place of consumer obligation in the legal system / Valery Aleksandrovich Belov // *Notary*.– 2017.– № 7. – S. 7–15.
10. Bogdan V.V. Civil law regulation of consumer protection in modern Russia: problems of theory and practice: Abstract dissertation. ... doct. jurid. sciences. – Kursk, 2015. –38 p.
11. Grandson N.A. The ratio of the public contract with the consumer contract // *Civilist*.– 2011.– № 3. – S. 51–56.
12. Dashko A.V. Theoretical and applied modeling of contractual relations with the participation of consumers: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / Aleksandr Viktorovich Dashko. M., 2005.S. 8–9.
13. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300–1 (revised from 24.04.2020) «On protection of consumer rights» // Official Internet portal of legal information: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 06.24.2020).
14. Kirpichev A.E. Correlation of the concepts of «consumer agreement» and «obligation associated with the implementation of entrepreneurial activity»: problems of theory and law enforcement // *Magistrate judge*.– 2014.– № 1. -S. 20–24.
15. V. V. Kulakov Registration of business and consumer contracts: civil law consequences of civil procedures // *Law and business: legal space for business development in Russia: Collective monograph*. In 4 volumes. Resp. editor S.D. Mogilevsky [and others]. – M.: Prospect, 2020. – T.4. – S. 331–346.
16. Review of the practice of court consideration of cases on disputes on the protection of consumer rights related to the sale of goods and services (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 17, 2018) // SPS «ConsultantPlus», 2020.
17. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.27.2018 № 78-KG17–102 // ATP «ConsultantPlusz», 2020.
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 № 17 «On the consideration of civil cases by courts in disputes on the protection of consumer rights» // ATP «ConsultantPlus», 2020.
19. Railean A.A. Theoretical foundations of consumer law in Russia: civil studies: Dis. ... Dr. jurid. sciences. – Kazan, 2007.
20. Servetnik A.A. Law enforcement in civil contracts for the alienation of property. – Saratov: Saratov State Academy of Law, 2005.– 363 p.
21. Stepanov D.I. Services as an object of civil rights. – M.: Statut, 2005.– 348 p.
22. Tarkhov V.A. Civil law. Course. A common part. – Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998.– 330 p.

Проблемы рассмотрения досудебных споров, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов)

Волов Иван Павлович,

аспирант кафедры конкурентного права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: ivanvolov1994@yandex.ru

Рассмотрение досудебных споров и разногласий, одно из важнейших полномочий Федеральной антимонопольной службы в сфере государственного регулирования цен (тарифов). Реализация данного полномочия позволяет федеральному контрольному органу сохранять баланс интересов естественных монополий и их потребителей. Процедура досудебного рассмотрения споров в сфере государственного регулирования цен (тарифов) является эффективной и успешно функционирующей процедурой и представляет собой реальную альтернативу судебному обжалованию решений об установлении регулируемых цен (тарифов). В этой связи, в статье рассмотрены особенности данной процедуры, проведен анализа практики антимонопольного органа и судебных органов при рассмотрении дел в данной сфере. По результатам анализа выявленные отдельные правовые проблемы, возникающие при рассмотрении досудебных споров, сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: естественные монополии, законодательство о естественных монополиях, законодательство о государственном регулировании цен (тарифов), досудебные споры и разногласия в сфере государственного регулирования цен (тарифов).

Субъекты естественных монополий – это важнейшие объекты государственного контроля, поскольку имеют особую социально-экономическую значимость для государства и граждан. Данная значимость, прежде всего, определяется их сферами деятельности, которых сейчас насчитывается порядка двенадцати.

Социальная значимость услуг, оказываемых, субъектами естественных монополий и сфера их применения настолько велика, что без государственного регулирования, в том числе в области тарифов (цен) на их услуги, и государственного контроля не возможна деятельность данных субъектов, поскольку только через государственное регулирование, возможно, удерживать баланс между интересами производителей услуг и их потребителями.

В целях установления экономически обоснованных регулируемых цен (тарифов) в Российской Федерации создана система органов государственного регулирования цен (тарифов).

Государственное регулирование цен (тарифов) на услуги субъектов естественных монополий осуществляется органами исполнительной власти, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации [1] [Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, N13, ст. 1177].

В настоящий момент законодательством Российской Федерации предусмотрены как судебный, так и досудебный порядки обжалования решений об установлении регулируемых цен (тарифов). Судебный порядок установлен Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [2] [В порядке главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.]. Дела об оспаривании решений об установлении цен (тарифов) рассматривает суд общей юрисдикции согласно правилам определения подсудности. Однако, в ряде случаев, лица считающие, что их права и законные интересы были нарушены решением об установлении регулируемых цен (тарифов) предпочитают урегулировать спор в досудебном порядке.

Досудебный порядок рассмотрения тарифных споров – это ряд административных (квазисудебных) процедур, направленных на проверку законности и обоснованности решений об установлении регулируемых цен (тарифов). Досудебные споры в сфере тарифного регулирования рассматриваются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять контроль (над-

зор) в области государственного регулирования цен (тарифов) – Федеральной антимонопольной службой (ФАС России) [3] [Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе», 02.08.2004, № 31, ст. 3259].

Следует отметить, что досудебный порядок рассмотрения тарифных споров не является обязательным в понимании пункта 3 статьи 218 Кодекса административного производства, что свидетельствует об альтернативной подведомственности дел об обжаловании регулируемых цен (тарифов).

Тем самым для регулируемых организаций и потребителей существует различный спектр инструментов для защиты своих прав и интересов, связанных с ведением хозяйствующей деятельности и потреблением услуг и ресурсов. Можно даже говорить о некой конкуренции полномочий органов судебной и исполнительной власти в случае выбора заявителем способа защиты своих прав, но нельзя забывать о превалирующей роли судов в окончательном разрешении споров [4] [Ю. Татаринов. Практический комментарий к постановлению пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 63 в контексте правоотношений в сфере теплоснабжения, Новости теплоснабжения № 2 (февраль), 2017 год.].

Возможностью обжаловать решение об установлении регулируемых цен (тарифов) в досудебном порядке пользуется значительное количество хозяйствующих субъектов, так согласно официальной статистики ФАС России за 2017 года антимонопольным органом было рассмотрено 250 досудебных споров [5] [По информации официального сайта ФАС России: <https://fas.gov.ru/news/26134>, дата обращения: 01.03.2020.].

Востребованность досудебного порядка рассмотрения споров объясняется целым рядом преимуществ данной административной процедуры перед судебным обжалованием решений об установлении регулируемых цен (тарифов), которые заключаются в следующем:

- срок рассмотрения спора, ограничен тремя месяцами, что как правило существенно быстрее, чем прохождение двух инстанций в суде общей юрисдикции;
- досудебный спор в отличие от судебного рассматривается, не только специалистом в области юриспруденции, но и специалистами в области экономики и энергетики, что необходимо для объективного анализа специфических отношений в сфере государственного регулирования цен (тарифов);
- антимонопольный орган наделен значительным инструментарием властных полномочий для эффективного восстановления нарушенных прав лиц, участвующих в рассмотрении досудебного спора в случае выявления нарушений законодательства в области государственного регулирования цен (тарифов);
- коллегиальность принятия решений по досудебному спору, обеспечивает объективное и всестороннее рассмотрение.

До недавнего времени существовало десять различных административных процедур рассмотрения досудебных споров и разногласий, которые регулировались пятью нормативными-правовыми актами [6] [По информации официального сайта ФАС России: <https://fas.gov.ru/news/26113>, дата обращения: 01.03.2020.]. При этом, правовая природа и предмет всех процедур рассмотрения досудебных споров и разногласий была идентична. В этой связи, Федеральной антимонопольной службой был разработан проект нормативного правового акта, призванный обеспечить унификацию схожих процедур, а также закрепить принципы коллегиальности, открытости и состязательности рассмотрения досудебных споров. [7] [По информации официального сайта ФАС России: <https://fas.gov.ru/news/25434>, дата обращения: 01.03.2020.] Проект успешно прошел все этапы согласования и был утвержден Постановлением Правительства от 30.04.2018 № 533 «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов». Указанный акт, унифицировал все существующие до его принятия порядки рассмотрения досудебных споров, а также существенно модифицировал процедуру, закрепив такие существенные элементы, как комиссионное рассмотрение досудебных споров, привлечение к рассмотрению заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, регламентацию формы и требований к заявлению о рассмотрении досудебного спора и решению по результатам рассмотрения досудебного спора.

Итак, что же это за процедура? Предметом рассмотрения досудебного спора является законность и экономическая обоснованность решения об установлении регулируемых цен (тарифов). При этом, сферы в которых могут рассматриваться досудебные споры ограничены электроэнергетикой, водоснабжением, водоотведением, теплоснабжением и пригородными железнодорожными перевозками. Это объясняется тем, что именно в этих сферах установление цен (тарифов) осуществляется региональными органами регулирования на уровне субъектов Российской Федерации. Решения об установлении регулируемых цен (тарифов) принятые федеральным органом регулирования пересмотру в досудебном порядке не подлежат.

Как правило, разногласия возникают между региональным органом регулирования цен (тарифов) и регулируемым субъектом, или органом регулирования цен (тарифов) и потребителем услуг регулируемого субъекта о законности и обоснованности включения в состав необходимой валовой выручки регулируемого субъекта тех или иных затрат.

Является дискуссионным вопрос: могут ли рассматриваться досудебные споры без участия в качестве одной из сторон спора органа регулирования. В настоящий момент нет сложившейся практики на данную тему. Однако, в качестве приме-

ра можно привести одно дело со специфическим субъектным составом, а именно рассмотрения ФАС России спора между двумя хозяйствующими субъектами. Так, застройщик не согласился с ценой за технологическое присоединение, которую выставила ему единая теплоснабжающая организация и обратился в ФАС России с заявлением о применении единой теплоснабжающей организацией неверной стандартизированной тарифной ставки. ФАС России, изучив обстоятельства дела, занял позицию заявителя и принял решение выдать теплоснабжающей организации предписание от 19.10.2017 № ЦА/72019/17 о необходимости устранить нарушения законодательства в сфере государственного регулирования цен (тарифов) и применить правильную, по мнению ФАС России, ставку за технологическое присоединение. Таким образом, ФАС России рассмотрел спор между регулируемым субъектом и потребителем его услуги по технологическому присоединению, не касающийся обоснованности и законности тарифного решения. Однако, суды проверяя законность данного решения федерального органа исполнительной власти сделали противоречащие друг другу выводы. Так, суды первой и апелляционной инстанции поддержали позицию ФАС России, а суд кассационной инстанции поставил под вопрос выводы нижестоящих судов о законности решения административного органа и направил дело на новое рассмотрение [8] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, дело № А40–199612/2017 дата обращения: 01.03.2020.]. В том числе, суд кассационной инстанции указал, что нижестоящими судами не в полной мере исследован вопрос о наличии у ФАС России полномочий рассматривать досудебные споры о применении регулируемых цен (тарифов). Таким образом, в настоящий момент вопрос о возможности рассмотрения досудебных споров между хозяйствующими субъектами о применении регулируемых цен (тарифов) остается не разрешенным.

Следует отметить, что это далеко не единственный спорный вопрос в данной квазисудебной процедуре, нуждающейся в тщательном исследовании. Так в настоящий момент остается не решенным вопрос об «объеме» рассмотрения досудебных споров. Речь идет о том, должен ли ФАС России при рассмотрении споров производить «перерасчет» регулируемых цен (тарифов), то есть рассматривать те требования и обосновывающие документы регулируемого субъекта, которые не были заявлены им при формировании предложений (заявлении об установлении регулируемых цен (тарифов), подаваемого в региональный орган регулирования.

По моему мнению, в данном случае, ФАС России не должен учитывать такие требования и обосновывающие материалы исходя из правовой природы досудебных споров и разногласий. В соответствии с Положением о ФАС России, данный федеральный орган исполнительной власти не уполномочен устанавливать (пересматривать)

цены тарифы, которые могут являться предметом рассмотрения досудебных споров. В сферах водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения, электроэнергетики и пригородных железнодорожных перевозках ФАС России осуществляет контроль (надзор) за законностью принимаемых решений. Таким образом, в рамках рассмотрения досудебного спора, ФАС России не пересчитывает тарифы, установленные региональным регулирующим органом, а лишь проверяет их на соответствие законодательству в области государственного регулирования цен (тарифов). При этом, обязанность по предоставлению документов, обосновывающих заявление об установлении регулируемых цен (тарифов) в соответствии с нормативными правовыми актами лежит на регулируемом субъекте [9] [Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // «Собрание законодательства РФ», 2012.]. Следовательно, в случае, если какие-то расходы регулируемого субъекта не были учтены в составе регулируемых цен (тарифов) в следствии ненадлежащих действий по предоставлению документов с его стороны, неблагоприятные последствия таких действий в виде «заниженных» цен (тарифов), целиком ложатся на регулируемый субъект и не могут являться нарушением со стороны органа регулирования. Также, это обусловлено тем, что в случае возможности пересмотра решений об установлении регулируемых цен (тарифов) на основании анализа впервые представленных регулирующим субъектом документов, велик риск нарушить долгосрочность, стабильность и предсказуемость регулирования в данной сфере. Указанная позиция подтверждается и судебной практикой, например, решениями кассационных судов по делам № А40–215336/2017, А40–215336/2017, А05–3148/14.

Следует отметить, что и непосредственно при рассмотрении досудебных споров, бремя доказывания экономической обоснованности и законности заявленных требований лежит на заявителе. Так, согласно Правилам рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), в заявлении о рассмотрении досудебного спора заявитель указывает обоснованные требования к ответчику, описание нарушения законодательства в области регулируемых цен (тарифов), с указанием обстоятельств на которых основаны требования заявителя, и ссылки на законодательство Российской Федерации, а также приобщает документы подтверждающие наличие обстоятельств, на которых заявитель основывает свои требования [10] [п. 4, 5 Постановления Правительства от 30.04.2018 № 533 «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов)», «Собрание законодательства РФ», 07.05.2018, № 19, ст. 2755.]. В случае, если обосновывающие документы не представле-

ны, или представлены не в полном объеме, ФАС России вправе отказать в удовлетворении заявленных требований. Такой подход контрольно-надзорного органа поддержан и судами, в частности решением суда кассационной инстанции по делу А40–4455/18.

Также, спорным до недавнего времени являлся вопрос о возможности ФАС России выходить за пределы заявленных в рамках досудебного спора требований, а именно проверять законность и экономическую обоснованность решения регионального органа регулирования не только по тем статьям которые вызывают разногласия между регулируемым субъектом и регулятором. Данный вопрос не был урегулирован в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок рассмотрения досудебных споров до принятия Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов). В этой связи, возникали судебные споры между ФАС России и регулируемыми субъектами, считающими, что антимонопольный орган превысил свои полномочия. В этой части интересным представляются выводы судов по делу А40–33792/17, в решениях по которому судебные органы указали, что проверка решений региональных органов регулирования является контрольно-надзорным полномочием ФАС России и антимонопольный орган может оценить законность решения регионального регулятора в полном объеме, в том числе, и при рассмотрении досудебного спора [11] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, дата обращения: 01.03.2020.]. Указанная практика, в настоящий момент нашла отражение в прямой норме Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), в которой указано, что в случае, если в ходе рассмотрения спора федеральным антимонопольным органом выявлены нарушения законодательства Российской Федерации о государственном регулировании цен (тарифов) (в том числе не связанные с требованиями заявителя), федеральный антимонопольный орган принимает решение с учетом всех выявленных нарушений [12] [п. 16 Постановления Правительства от 30.04.2018 № 533 «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2009 г. № 14 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», «Собрание законодательства РФ», 07.05.2018, № 19, ст. 2755.].

В рамках исследования процедуры рассмотрения досудебных споров также достаточно интересен вопрос о значении сроков в данной процедуре. В частности, основной интерес представляют такие сроки, как срок подачи заявления об обжаловании тарифного решения и срок рассмотрения такого заявления.

Итак, заявление об обжаловании решения об установлении регулируемой цены (тарифа) в рамках досудебного спора подлежит рассмотрению в срок не превышающий трех месяцев с момента, когда лицо должно было узнать или узнало о нарушении своих прав. Как правило, такой срок начинает течь с момента получения копии решения об установлении регулируемой цены (тарифа) или с момента официального опубликования такого решения в зависимости от того, что наступило раньше. Данный срок по своей правовой природе носит «пресекательный» характер, то есть его нарушение является основанием для отказа в принятии заявления о рассмотрении досудебного спора. Указанный вывод подтверждается практикой антимонопольного органа, например, решением ФАС России от 10.10.2018 № СП/81373/18 [13] [По информации официального сайта ФАС России: [://solutions.fas.gov.ru](http://solutions.fas.gov.ru), дата обращения: 01.03.2020.] и судебной практикой, например, дело № А40–124449/17. При этом, в случаях если заявление было подано с нарушением срока, по вине антимонопольного органа, данное заявление подлежит рассмотрению. К такому выводу пришел Верховный суд Российской Федерации [14] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, см. дела № А40–237056/2015, А40–237075/2015, А40–237084/2015, А40–237090/2015, дата обращения: 01.03.2020.], анализируя ситуацию, возникшую в сентябре 2015 года, когда полномочия по рассмотрению досудебных споров только были переданы Федеральной антимонопольной службе, в связи с упразднением Федеральной службы по тарифам. [15] [В соответствии с Указом Президента РФ от 21.07.2015 № 373 «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования», «Собрание законодательства РФ», 27.07.2015, № 30, ст. 4571] Рассматривая спор между ФАС России и субъектом естественной монополии, осуществляющим деятельность в сфере пригородных пассажирских перевозок, Верховный суд, оценил обстоятельства дела, которые заключались в следующем.

Субъект естественной монополии обратился в ФАС России с заявлением о рассмотрении досудебного спора с региональным органом регулирования в срок, предусмотренный действующими на тот момент нормативными правовыми актами, регламентирующими процедуру рассмотрения досудебных споров [16] [Постановление Правительства РФ от 12.10.2007 № 669 «О Правилах рассмотрения в досудебном порядке споров, связанных с установлением и (или) применением регулируемых цен (тарифов)», «Собрание законодательства РФ», 22.10.2007, № 43, ст. 5197.]. При этом, им не была оплачена государственная пошлина, предусмотренная Налоговым кодексом Российской Федерации за подобную категорию споров, что послужила основанием для возврата ФАС России заявлений о рассмотрении досудебного

спора. Причиной не оплаты пошлины послужило отсутствие на сайте ФАС России, необходимых для ее оплаты банковских реквизитов. Как только реквизиты были опубликованы на сайте ФАС России, организация оплатила пошлину и подало заявление в ФАС России повторно, но за пределами трехмесячного срока. Антимонопольный орган в принятии заявлений к рассмотрению отказал, сославшись на нарушение сроков. Оценив доводы сторон судебного спора, Верховный суд Российской Федерации принял решение отменить решение ФАС России об отказе в рассмотрении досудебного спора и обязать антимонопольный орган устранить нарушения законодательства. При этом отметил, что действия ФАС России по формальному отказу в рассмотрении жалобы, по причинам возникших по вине федерального органа исполнительной власти, привели к тому, что хозяйствующий субъект был лишен возможности защититься в досудебном порядке свои интересы в сфере предпринимательской деятельности.

Рассматривая процедуру досудебных споров в сфере тарифного регулирования, необходимо осветить один из важнейших элементов данной процедуры – решение по результатам рассмотрения досудебного спора. Наиболее интересным в этой части представляются два вопроса: полномочия ФАС России по пересмотру решений об установлении регулируемых цен (тарифов) по результатам рассмотрения досудебного спора и исполнение решений ФАС России по результатам рассмотрения досудебного спора.

Значительная широта полномочий ФАС России при рассмотрении досудебного спора является одним из преимуществ данной административной процедуры перед судебной процедурой обжалования решений об установлении регулируемых цен (тарифов). Наиболее наглядно это можно установить, при проведении сравнительного анализа таких полномочий.

В целях обеспечения единства практики рассмотрения судами споров об оплате поставляемой по присоединенной сети электрической и тепловой энергии, а также воды и газа в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, принял Постановление [17] [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N63 «О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена», «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2017.], разъясняющее порядок компенсации заинтересованным лицам их убытков, понесенных в последствии незаконного тарифного решения.

Наиболее интересными с точки зрения деятельности ФАС России являются пункты шесть и семь Постановления пленума, условно можно провести границу между этими пунктами по двум признакам, которые вытекают друг из друга. Шестой пункт обращен потребителю и применим в случае

если цены (тарифы), установлены выше экономически обоснованного уровня. Седьмой пункт соответственно направлен на защиту интересов поставщика услуг и ресурсов так как в данном случае регулируемый субъект понес убытки и не получила экономически обоснованный доход в связи с заниженным тарифом.

В обоих случаях, решение о признании нормативного правового акта – решения об установлении регулируемой цены (тарифа), само по себе не позволяет регулируемому субъекту или его потребителю компенсировать возникшие у него убытки. Для полноценного восстановления нарушенных прав, потребителю регулируемого субъекта, в случае если цены (тарифы) были завышены, необходимо обращаться с исковым заявлением о взыскании переплаты к ресурсоснабжающей организации. Соответственно, в случае, если тариф был необоснованно занижен, регулируемый субъект вправе обратиться с иском о взыскании убытков из бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации, либо рассчитывать на учет экономически обоснованных затрат в последующие периоды регулирования.

Полномочия ФАС России в части пересмотра решений об установлении регулируемых цен (тарифов) более гибкие. ФАС России, по результатам рассмотрения заявления может принять решение о пересмотре решения регионального органа регулирования с учетом выводов антимонопольного органа о законности учета тех или иных статей затрат. При этом, в решении ФАС России устанавливает порядок дополнительного учета, или исключения финансовых средств в необходимой валовой выручке регулируемого субъекта. Таким образом, ФАС России может оперативно восстанавливать, нарушенные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом, решение о дополнительном учете финансовых средств в составе регулируемых цен (тарифов), принятое по результатам рассмотрения досудебного спора, как правило учитывает и социально-экономическое состояние субъекта Российской Федерации, где увеличиваются тарифы. Например, ФАС России в целях сглаживания (недопущения резкого роста) регулируемых цен (тарифов) может предписать органу региональному органу регулирования увеличивать тариф поэтапно, разделив средства, подлежащие включению в состав тарифов на несколько периодов регулирования. В качестве примеров подобных решения ФАС России по досудебному спору можно привести: решение от 03.09.2018 № 31/70558/18, предписание от 14.12.2017 № СП/88104/17.

Как уже отмечалось ранее, другим интересным вопросом, касающимся характеристики решения по результатам рассмотрения досудебного спора, является вопрос исполнения решения ФАС России по досудебному спору. Нередко в правоприменительной практике возникают ситуации, когда одно из лиц, участвующих в рассмотре-

нии досудебного спора не согласно с решением антимонопольного органа, и прибегает к обжалованию его в судебном порядке. В этом случае возникает вопрос о приостановлении исполнения решения по досудебному спору на период его обжалования. Следует отметить, что в данном вопросе судебная практика и практика антимонопольного органа однозначна, исполнение решения не приостанавливается, [18] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, см. дела № А40–199612/2017, А40–209830/17, А40–21387/2018, дата обращения: 01.03.2020.] поскольку в нормативных правовых актах, регулирующих данную сферу такой возможности не предусмотрено. Однако в случае, если лицо, обратившееся в суд обоснованно считает, что исполнение решения ФАС России может затруднить или сделать невозможным исполнение будущего судебного акта по данному делу, такое лицо может заявить ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде приостановления исполнения решения административного органа в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Однако, как показывает практика рассмотрения подобных ходатайств, шансы на его удовлетворение не велики. [19] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, см. дела № А40–199612/2017, А40–209830/17, А40–21387/2018, дата обращения: 01.03.2020.]

Анализ процедуры рассмотрения досудебных споров в сфере государственного регулирования цен (тарифов) показал, что указанная процедура является весьма эффективной и имеет ряд преимуществ перед судебной процедурой обжалования решений об установлении регулируемых цен (тарифов). Однако, у нее есть ряд проблем и спорных вопросов, которые в настоящий момент полностью не разрешены. Помимо вопросов, освещенных ранее значительное место занимают проблема, достаточно вольного толкования ФАС России отдельных положений законодательства в области государственного регулирования цен (тарифов), результатом которого является принятие необоснованных решений, которые в дальнейшем не проходят судебную проверку. Например, вопрос возврата государственной пошлины. Так, по мнению ФАС России, в случае отказа в принятии к рассмотрению заявления о рассмотрении досудебного спора, по одному из оснований, предусмотренных Правилами рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), оплаченная государственная пошлина возврату не подлежит. Учитывая, что государственная пошлина за рассмотрение досудебных споров составляет 120000 рублей (в зависимости от категории спора), «цена ошибки» при подаче заявления о рассмотрении досудебного спора высока. Однако, следует отметить, что суды с данным подходом антимонопольного органа не согласились. Так,

например, Девятый апелляционный арбитражный суд Постановлением от 29.12.2017 по делу № А40–149409/17 признал действия решение ФАС России об отказе в возврате пошлины недействительными. Суд отметил, что отказ в приеме заявления к рассмотрению не означает осуществление каких-либо действий уполномоченного органа, направленных на оценку представленных документов в целях принятия решения, за которое предусмотрена оплата указанной пошлины. Представляется, что данная позиция судебного органа является обоснованной.

Кроме того, в отдельных случаях, административный орган расширительно толкует отдельные нормы законодательства в области государственного регулирования цен (тарифов). Например, рассматривая спор между компанией осуществляющей пригородный пассажирские перевозки и региональным тарифным регулятором, ФАС России пришел к выводу о необходимости предоставлять в качестве обоснования расходов регулируемого субъекта на охрану помещений и другого имущества, все договоры, заключенные организацией за предыдущий долгосрочный период регулирования (5 лет). При этом, нормативными правовыми актами в области ценообразования в сфере пригородных пассажирских перевозок было прямо предусмотрено, что регулируемый субъект может представить, лишь реестр таких договоров. Несмотря на то, что позиция ФАС России по данному делу, по моему мнению, представляется логически верной и обоснованной, это не является основанием для вольной трактовки норм, действующих нормативных правовых актов. Что подтвердили судебные органы, отменив указанное решение ФАС России [20] [По информации сайта картотеки арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, см. дела А40–251132/16, дата обращения: 01.03.2020.]

Однако вышеуказанные примеры, являются отдельными случаями, а не сложившейся практикой. Если проанализировать всю совокупность рассмотренных ФАС России досудебных споров, то можно сделать вывод, что в большинстве случаев антимонопольный орган принимает обоснованные и объективные решения. Это подтверждается статистикой отмененных судами дел из 250 решений ФАС России по досудебным спорам в 2017 году отменено только 2 решения.

Все это свидетельствует о том, что процедура досудебного рассмотрения споров в сфере государственного регулирования цен (тарифов) является эффективной и успешно функционирующей процедурой и представляет собой реальную альтернативу судебному обжалованию решений об установлении регулируемых цен (тарифов). Несмотря на отдельные проблемные и спорные вопросы правоприменения в этой сфере, данная процедура позволяет существенно разгрузить судебные органы Российской Федерации и предотвращать нарушения законодательства Российской Федерации в области государствен-

ного регулирования цен (тарифов). Кроме того, в отдельных случаях, данная процедура позволяет устранять пробелы, и разрешать правовые коллизии в сфере государственного регулирования цен (тарифов). Поскольку ФАС России является не только органом, осуществляющим контроль (надзор) в сфере государственного регулирования цен (тарифов), но и уполномочен осуществлять разработку нормативных-правовых актов в данной сфере, отдельные проблемные вопросы, «вскрываемые» в процессе рассмотрения досудебного спора, могут быть немедленно устранены путем внесения изменений в соответствующий нормативный правовой акт. Поэтому, представляется, что указанное совмещение полномочий органа, разрабатывающего нормативные правовые акты и органа, осуществляющего их правоприменение соответствует публичным целям государства, заключающиеся в выработке стабильной, долгосрочной и предсказуемой политики в сфере тарифного регулирования.

Литература

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, N13, ст. 1177.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
3. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе», 02.08.2004, № 31, ст. 3259.
4. Ю. Татаринов. Практический комментарий к постановлению пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 63 в контексте правоотношений в сфере теплоснабжения, Новости теплоснабжения № 2 (февраль), 2017 год.
5. 5, 6, 7, 13,. Официальный сайт ФАС России: <https://fas.gov.ru/news/>, дата обращения: 01.03.2020..
2. 8, 11, 14, 18, 19, 20. Карточка арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru>, дата обращения: 01.03.2020.
3. 9. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // «Собрание законодательства РФ», 2012..
4. 10, 12. Постановление Правительства от 30.04.2018 № 533 «Об утверждении Правил рассмотрения (урегулирования) споров и разногласий, связанных с установлением и (или) применением цен (тарифов), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2009 г. № 14 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», «Собрание законодательства РФ», 07.05.2018, № 19, ст. 2755.

5. 15. Указ Президента РФ от 21.07.2015 № 373 «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования», «Собрание законодательства РФ», 27.07.2015, № 30, ст. 4571.
6. 16. Постановление Правительства РФ от 12.10.2007 № 669 «О Правилах рассмотрения в досудебном порядке споров, связанных с установлением и (или) применением регулируемых цен (тарифов)», «Собрание законодательства РФ», 22.10.2007, № 43, ст. 5197.
7. 17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N63 «О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена», «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2017.

PROBLEMS OF CONSIDERATION OF PRE-TRIAL DISPUTES RELATED TO THE ESTABLISHMENT AND (OR) APPLICATION OF PRICES (TARIFFS)

Volov I.P.

Kutafin Moscow state University (MSU).

Consideration of pre-trial disputes and disagreements, one of the most important powers of the Federal Antimonopoly Service in the field of state regulation of prices (tariffs). The implementation of this authority allows the federal control body to maintain a balance of interests of natural monopolies and their consumers. The procedure for pre-trial consideration of disputes in the field of state regulation of prices (tariffs) is an effective and successfully functioning procedure and represents a real alternative to court appeals against decisions on setting regulated prices (tariffs). In this regard, the article discusses the features of this procedure, analyzes the practice of the antimonopoly authority and the judicial authorities when considering cases in this area. Based on the results of the analysis, the identified individual legal problems arising in the consideration of pre-trial disputes, proposals for their solution were formed.

Keywords: natural monopolies, legislation on natural monopolies, legislation on state regulation of prices (tariffs), pre-trial disputes and disagreements in the sphere of state regulation of prices (tariffs).

References

1. Federal Law of 26.03.2003 No. 35-FZ «On the Electricity Industry», «Collection of Legislation of the Russian Federation», 31.03.2003, No. 13, Art. 1177.
2. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, Collected Legislation of the Russian Federation, 09.03.2015, No. 10, Art. 1391.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 No. 331 «On approval of the Regulations on the Federal Antimonopoly Service», August 2, 2004, No. 31, art. 3259.
4. Yu. Tatarinov. Practical commentary on the resolution of the plenum of the RF Armed Forces of December 27, 2016 No. 63 in the context of legal relations in the field of heat supply, Heat supply news No. 2 (February), 2017.
- 5, 6, 7, 13, Official website of the FAS Russia: <https://fas.gov.ru/news/>, date of access: 01.03.2020.
- 8, 11, 14, 18, 19, 20. Card file of arbitration cases <http://kad.arbitr.ru>, date of access: 01.03.2020.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 29, 2011 No. 1178 «On pricing in the field of regulated prices (tariffs) in the electric power industry» // «Collected Legislation of the Russian Federation», 2012.
- 10, 12. Government Decree of 30.04.2018 No. 533 «On approval of the Rules for the consideration (settlement) of disputes and disagreements related to the establishment and (or) application of prices (tariffs), on amendments to the Decree of the Govern-

ment of the Russian Federation of January 92009 No. 14 and invalidation of some acts of the Government of the Russian Federation «,» Collection of legislation of the Russian Federation «, 07.05.2018, № . 19, art. 2755.

15. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2015 No. 373 «On some issues of public administration and control in the field of antimonopoly and tariff regulation», «Collected Legislation of the Russian Federation», July 27, 2015, No. 30, art. 4571.
16. Decree of the Government of the Russian Federation of 12.10.2007 No. 669 «On the Rules for the Pre-trial Consideration of Disputes Related to the Establishment and (or) Application of Regulated Prices (Tariffs)», Collected Legislation of the Russian Federation «, 22.10.2007, No. 43, Art.. 5197.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 N63 «On consideration by the courts of disputes over payment for energy in case of invalidation of a regulatory legal act that establishes a regulated price», «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 2, February, 2017.

Правовая природа договора каршеринга

Гриднева Ольга Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России

E-mail: olga_gridneva@bk.ru

Статья посвящена исследованию института договорных отношений. Договор каршеринга, это вид пользования автомобилем, но при этом владелец не является его собственником, имеет свои специфические особенности, определяющие его отличие от иных гражданско-правовых, транспортных договоров. В литературе существуют различные мнения, к какому договору, по его природе, можно отнести данный договор. Некоторые относят его к договору аренды транспортного средства без экипажа, другие к договору проката, третьи к договору об оказании услуг. Данный договор, в настоящее время набирает все большую популярность у физических лиц и имеет преимущества в виде более низких цен, в сравнении с арендой транспортного средства с экипажем (такси), страхованием транспортного средства. Не все договоры с участием транспортных средств можно отнести к транспортным договорам. Такие договоры должны соответствовать определенным критериям.

Ключевые слова: гражданское право, договор каршеринга, транспортные договоры, транспортное право.

Понятие каршеринга в Российской Федерации нигде не закреплено. Данные правоотношения можно представить в виде аренды автомобиля частным лицом на любой недолгий (до 24 часа) срок для личных нужд у компании, занимающейся извлечением прибыли. Похожее определение услуги мы можем найти в Постановлении Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве». Для физических лиц данный договор выгоден тем, что пользователь не несет издержек пользования своим личным транспортным средством, такие как: техобслуживание, затраты на топливо, страховку и т.д. Договор каршеринга предоставляет высокую мобильность пользователю, (sharing economy) – «экономика совместного пользования», которая выражается в потреблении совместных товаров и услуг, но при этом уменьшая временные и финансовые затраты.

Каршеринг это явление новое для Российской Федерации, как в экономическом, так и правовом аспекте. Перспективы данного вида услуги постоянно увеличиваются, развивается автопарк автомобилей, особенно в крупных городах и поэтому государство заинтересовано в поддержке данной транспортной инфраструктуре города.

Законодатель не дает определения того, к какому виду договора можно отнести каршеринг, не дает ясности и анализ договоров, которые предлагается заключать с каршеринговыми компаниями. Для того, чтобы понять правовую природу этих гражданских правоотношений необходимо рассмотреть структуры и элементы данной договорной конструкции.

К наиболее известным компаниям, предоставляющим услуги каршеринга относятся: «Яндекс. Драйв», «You Drive», «Anytime», «Belka car», «Делимобиль». К примеру, на веб-сайте фирмы «Яндекс.Драйв» говорится что обслуживание регулируется критериями использования сервиса и определенными правилами, указанными в документах компании, к которым относятся регулирующие документы: политика компании, пользовательское соглашение, лицензионное соглашение, критерии подписи и договором аренды транспортного средства [11].

Другие компании предлагают заключить иные виды договоров, к примеру: договор аренды транспортного средства без экипажа («You Drive», «Anytime»), договор присоединения («Belka car», «Делимобиль»), который лишает возможности потребителя влиять на условия договора, что соответственно является ограничением основополагающего принципа гражданских правоотношений –

свободы договора. Все эти виды договорных конструкций закреплены в основном нормативно-правовом акте, который регулирует правоотношения по каршерингу – Гражданском кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ).

Характеризуя отношения по каршерингу, следует отметить, что их регулирование осуществляется на основании Всеобщей декларации прав человека (ст. 13, 17), в которой закреплены права на свободу передвижения и владение имуществом [4]. На национальном уровне каршеринговые отношения регулируются Конституцией РФ (ст. 27, 34, 35), в которой закреплены основные права граждан на свободу передвижения, осуществление предпринимательской деятельности и распоряжение собственностью [1]. Именно эти правовые гарантии, изложенные в Основном законе, обеспечивают возможность развития каршеринга.

По своей природе договор каршеринга можно отнести к рамочному договору из положений ст. 429.1. ГК РФ. Такой вывод можно сделать из объекта договора каршеринга, которым является весь автопарк организации, но при этом потребитель использует только один автомобиль, свободный и определенной марки и номера. Соответственно, необходимо заключать дополнительные договоры с определенным объектом при каждом пользовании.

Согласно позиции ВС РФ, обозначенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», рамочным договором могут быть установлены организационные, маркетинговые и финансовые условия взаимоотношений, условия договора (договоров), заключение которого (которых) опосредовано рамочным договором и предполагает дальнейшую конкретизацию (уточнение, дополнение) таких условий посредством заключения отдельных договоров, подачи заявок и т.п., определяющих недостающие условия [10].

Условия рамочного договора являются частью заключенного впоследствии отдельного договора, если такой договор в целом соответствует намерению сторон, выраженному в рамочном договоре, и иное не указано сторонами или не вытекает из существа обязательства, причем отсутствие в документе, оформляющем отдельный договор, ссылки на рамочный договор само по себе не свидетельствует о неприменении условий рамочного договора. Это свидетельствует о том, что договор каршеринга относится к рамочным договорам и поэтому потребители могут пройти регистрацию единожды.

Если договор каршеринга рассматривать как договор проката, то можно охарактеризовать основные его черты. Это публичный договор, так как сказано в законе что, по договору проката арендодатель, осуществляющий сдачу имущества в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности, обязуется предоставить арен-

датору движимое имущество за плату во временное владение и пользование. Главное отличие публичного договора состоит в том, что лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами, согласно абз. 2 п. 1 ст. 426 ГК РФ [3, С 328]. В связи с этим, если предположить, что потребитель в предыдущих отношениях оказался недобросовестным, то оснований для отказа в заключении с ним последующего договора (предоставления транспортного средства) нет, так как это противоречит правилам публичного договора.

К специфике договорных отношений можно отнести особенности арендатора, например: несоблюдение правил дорожного движения, стаж вождения. Объектом аренды транспортного средства всегда является источник повышенной опасности, и при возникновении страхового случая по вине арендатора, компания взыскивает сумму с привязанной карты арендатора в свою пользу, но при этом арендная плата не меняется при следующем заключении договора проката, и невозможно установить различные запреты и ограничения, так как в действующем законодательстве нет соответствующих норм об этом.

Также необходимо отметить, что некоторые нормы закона не совпадают с правами и обязанностями по договору каршеринга, вытекающими из договора проката. К примеру, в соответствии со ст. 627 ГК РФ арендатор вправе, предупредив письменно арендодателя за 10 дней, отказаться от договора. Анализирую ту же статью закона, арендодатель обязан письменно ознакомить арендатора с правилами эксплуатации имущества, выдать ему письменные инструкции и проверить исправность имущества в присутствии арендатора [6, С. 46]. Поэтому рассмотрев договоры каршеринговых компаний, можно сказать, что многие арендодатели не относят свои договоры к прокату. Например: «Настоящий договор не является договором проката. Настоящий договор не является публичной офертой. В соответствии со ст. 421 ГК РФ арендодатель свободен в заключении договора» [13].

Договор каршеринга также можно отнести к виду договора смарт-контракта, то есть заключается дистанционным путем в соответствующей программе. Соответственно возникает ряд обязательств пользовательских соглашений и лицензий. Арендатор обязан осмотреть выбранный автомобиль и подтвердить выбор путем нажатия кнопки в мобильном приложении. После этого все риски ложатся на арендатора, следовательно, можно сделать вывод, что это аллеаторный договор. Момент сдачи автомобиля арендатором в законе не урегулирован. Потребитель просто оставляет автомобиль на стоянке до следующего арендатора и далее несет ответственность за автомобиль, что видится на примерах судебной практики. Эти

новые технологии являются спецификой заключения каршерингового договора.

Если договор каршеринга рассматривать как договор аренды транспортного средства без экипажа, то в соответствии с ГК РФ (ст. 644) арендатор обязан поддерживать надлежащее состояние автомобиля, включая ремонт, в течение всего срока действия договора. В соответствии со ст. 190 ГК РФ сроки это: год, месяц, неделя, день или час, а не минута, как это указано в договоре каршеринга. Также необходимо отметить, что арендатор обязан осуществлять эксплуатацию арендованного транспортного средства, как коммерческую, так и техническую, своими силами. В связи с этим, можно прийти к выводу, что без предоставления услуги по технической эксплуатации и поддержания надлежащего состояния арендованного транспортного средства, включая проведение капитального и текущего ремонта, не подходит к договору каршеринга. К отличиям можно отнести также обязанность арендатора страхования имущества и возможность, без согласия арендодателя, сдачи автомобиля в субаренду. При правоотношениях по каршерингу, пользователь должен быть зарегистрирован на сайте арендодателя, привязать свои данные лицевого счета, карты, с которой, в последствии, произойдет списание денежных средств [7, С. 175].

Очевидно, что все эти нормы не согласуются с договором каршеринга в том виде, в каком он заключается в настоящее время. В связи с этим по некоторым параметрам договор каршеринга больше относится к договору проката, поскольку арендодателем в договоре проката выступает субъект предпринимательской деятельности, а сам договор проката, как уже было сказано, публичный и заключается в письменной форме, что соответствует нормам ст. 626 ГК РФ. Кроме того, как указывается в самом договоре каршеринга и согласуется с п. 1 ст. 631 ГК РФ обязанностью арендодателя является проведение текущего и капитального ремонта имущества, сданного в аренду. Ко всему прочему, сдача в субаренду имущества, предоставленного арендатору по договору проката, передача им своих прав и обязанностей другому лицу, предоставление этого имущества в безвозмездное пользование, залог арендных прав и внесение их в качестве имущественного вклада в хозяйственные товарищества и общества или паевого взноса в производственные кооперативы не допускаются. Данные положения также отражены в договоре каршеринга.

Таким образом, возникает возможность отнести договор каршеринга к договору проката. Однако особый объект договора – средство передвижения (транспорт), и наличие обязанности, в соответствии со ст. 628 ГК РФ в присутствии арендатора проверить исправность сдаваемого в аренду имущества не позволяют в полной мере отнести договор каршеринга к договору проката [2, С. 342].

Обратимся к знаменитой триаде правомочий собственника: владение, пользование и распоря-

жение, по отношению к каршеринговым правоотношениям. Арендатор получает право владения, пользования и частичного распоряжения по договору каршеринга. На наш взгляд право распоряжения, как по договору проката, так и по договору аренды транспортного средства без экипажа не может быть дано арендатору. Так арендатор не имеет права отдавать транспортное средство третьим лицам, так как сам несет ответственность перед арендодателем, а также арендатор несет ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, взятым в аренду. Договором каршеринга предусмотрены штрафы, которые являются договорной неустойкой. Конечно, арендодатель имеет право восстановить свои имущественные потери, но без сверхприбыли. Поэтому в некоторых договорных конструкциях неустойка явно несоразмерна предполагаемому нарушению обязательства. В соответствии с данным видом правоотношений арендодатель отслеживает передвижение транспортного средства, его нельзя парковать на территориях закрытого типа. Также арендодатель имеет возможность прекратить использование автомобиля, путем отключения работы двигателя. Таким образом, можно говорить об ограниченном праве пользования объектом аренды. Соответственно, невозможно исключить ответственность собственника при совершении противоправных действий арендатором и возложить ее только на пользователя [8, С. 186], в соответствии с законом собственник перед третьими лицами взыскивает убытки вследствие причинения вреда при наличии вины арендатора и арендодателя.

Можно также предположить о возможности применения положения законодательства о правах потребителей в случае их нарушения [12, С. 127], так как основным субъектом арендных правоотношений является физическое лицо. Например, при нарушении арендатором договора, арендодатель, нарушая право потребителя, может заблокировать аккаунт пользователя и внести его в «черный список», тем самым больше не предоставив данную услугу.

В заключении, автор приходит к выводу, что договорная конструкция каршеринга не относится ни к одному из видов поименованных договоров в гражданском законодательстве, так как включает в себя элементы множества договорных правоотношений, таких как: аренда транспортного средства без экипажа, прокат, страхование, пользование и т.п. Но все эти виды договорных конструкций не являются главными установленными элементами данного вида договора. Договор каршеринга нуждается в дальнейшем нормативном регулировании и конкретном определении каршеринговых отношений на федеральном уровне. Правительство поддерживает развитие каршеринга, поэтому определение правовой природы рассматриваемых отношений поможет решить проблемы касающиеся неустоек, сервиса, ответственности и т.д.

Впоследствии, возможно, данный вид договора будет отнесен к отдельной группе правоотноше-

ний совместного потребления и выделится в самостоятельную группу договоров аренды, а положения арендных правоотношений будут применяться к нему лишь по аналогии [9, С. 215]. Возможно, законодатель воспользуется формулировкой статьи 649 ГК РФ, в которой сказано, что транспортными уставами или кодексами могут быть установлены особенности аренды отдельных видов транспортных средств без предоставления услуги по технической эксплуатации и управлению. Впрочем, в настоящее время в связи с отсутствием общепризнанных правил о каршеринге не просто также оценить воздействие принципа свободы договора в данной сфере и размер обязательств каршеринговых компаний.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет портал правовой информации 04.07.2020 URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения 05.08.2020)
2. Бондаренко В.В., Щербакова Е.М., Колганова Н.В., Харитонов Т.В. Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: монография – М.: Прометей, 2019.– 656 с./ под общ. ред. В.В. Бондаренко, Е.М. Щербакова, Н.В. Колгановой, Т.В. Харитоновой.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд. – Стереотип. М., 2018–450 с. / Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, № 67, 05.04.1995.
5. Гонгало Б.М. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2.– 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017–544 с. / Гонгало Б.М. Гражданское право: Учебник.
6. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Особенная часть / А.И. Иванчак – М.: Статут, 2018–82 с. / Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Особенная часть.
7. Позмогов А.И., Гергиев И.Э. Будущее российского инновационного бизнеса: тенденции постцифровой эпохи: монография – М.: РУСАЙНС, 2019.– 250 с./ А.И. Позмогов, И.Э. Гергиев; под ред. А.И. Позмогова.
8. Позмогов А.И., Гергиев И.Э., Каллагов Б.Р., Беккойты А.Г. Перспективы развития интегрированных корпоративных бизнес-структур в условиях неустойчивости социально-экономических систем: монография- М.: РУСАЙНС, 2018.– 244 с. / А.И. Позмогов, И.Э. Гергиев, Б.Р. Каллагов, А.Г. Беккойты.
9. Позмогов А.И., Гергиев И.Э., Мардеян Н.А., Гасиева Н.А., Цораев З.О. Цифровая трансформация российского бизнеса: монография – М.: РУСАЙНС, 2019.– 456 с./ А.И. Позмогов, И.Э. Гергиев, Н.А. Мардеян, З.П. Гасиева, З.О. Цораев; под ред. А.И. Позмогова. – М.: РУСАЙНС.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета, № 4, 11.01.2019.
11. Товалев Б. Хорошо ли арендаторы знают условия сделки, заключаемой ими с операторами каршеринга? // URL: https://zakon.ru/blog/2018/1/16/horosho_li_arendatory_znayut_usloviya_sdelki_zaklyuchaemoj_imi_s_operatorom_karsheringa (дата обращения: 05.08.2020).
12. Улицкая, Н.М. Каршеринг: история возникновения, тенденции развития и особенности в современной России / Н.М. Улицкая, Т.А. Медведева // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сборник научных трудов. – М.: МАДИ, 2017. – С. 123–130.
13. Сайт Делимобиль. URL: <https://delimobil.ru/assets/files/contract/dogovordelimobil.pdf> (дата обращения: 11.08.2020).

THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT OF CAR-SHARING

Gridneva O.V.

Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to the research of the Institute of contractual relations. A carsharing agreement is a type of car use, but the owner is not its owner. It has its own specific features that distinguish it from other civil and transport agreements. In the literature, there are various opinions as to which contract, by its nature, this contract can be attributed to. Some attribute it to the lease contract of a vehicle without crew, the other to the rental agreement, third to the contract on rendering of services. This agreement is currently gaining popularity among individuals and has advantages in the form of lower prices, in comparison with renting a vehicle with a crew (taxi), vehicle insurance. Not all contracts involving vehicles can be classified as transport contracts. Such agreements must meet certain criteria.

Keywords: civil law, carsharing agreement, transport contracts, transport law.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020 // Official Internet portal of legal information 04.07.2020 URL: publication.pravo.gov.ru (circulation date 05.08.2020)
2. Bondarenko V.V., Shcherbakova E.M., Kolganova N.V., Kharitonova T.V. Globalization and institutional modernization of the Russian economy: theory and practice: monograph – М.: Prometheus, 2019.– 656 p. /under the general. Ed. V.V. Bondarenko, E.M. Shcherbakova, N.V. V. V.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Treaty law. Prince. 3: Work and Service Contracts/M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 2nd

- ed. – Stereotype. M., 2018–450 p. /Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Treaty law. Prince. 3: Work and Service Contracts.
4. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948) //Rossiyskaya Gazeta, No. 67, 05.04.1995.
 5. Gongalo B.M. Civil law: Textbook. In 2 tons/Under ed. B.M. Gongalo. T. 2.– 2nd ed., Converted. and supplement – M.: Statute, 2017–544 p. /Gongalo B.M. Civil law: Textbook.
 6. Ivanchak A.I. Civil law of the Russian Federation: Special part/ A.I. Ivanchak – M.: Statute, 2018–82 p. /Ivanchak A.I. Civil law of the Russian Federation: Special part.
 7. Pozmogov A.I., Gergiev I.E. The future of Russian innovative business: trends of the post-digital era: monograph – M.: RUSAINS, 2019.– 250 p. /A.I. Pozmogov, I.E. Gergiev; ed. A.I. Pozmogova.
 8. Pozmogov A.I., Gergiev I.E., Kallagov B.R., Bekoyty A.G. Prospects for the development of integrated corporate business structures in conditions of instability of socio-economic systems: monograph – M.: RUSAINS, 2018.– 244 p. /A.I. Pozmogov, I.E. Gergiev
 9. Pozmogov A.I., Gergiev I.E., Mardeyan N.A., Gasieva N.A., Tsoraev Z.O. Digital transformation of Russian business: monograph – M.: RUSAINS, 2019.– 456 p. /A.I. Pozmogov, I.E. Gergiev ed. A.I. Pozmogova. – M.: RUSAINS.
 10. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 «On certain issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a treaty» //Rossiyskaya Gazeta, No. 4, 11.01.2019.
 11. Tovalev B. Do tenants know well the terms of the transaction they conclude with car sharing operators?//URL: https://zakon.ru/blog/2018/1/16/horosho_li_arendatory_znayut_usloviya_sdelki_zaklyuchaemoj_imi_s_operatorom_karsheringa (circulation date: 05.08.2020).
 12. Uliitskaya, N.M. Karshering: history of emergence, development trends and features in modern Russia/N.M. Uliitskaya, T.A. Medvedev//National and international financial and economic problems of road transport: a collection of scientific works. – M.: MA-DI, 2017. – P. 123–130.
 13. Website Dailymobile. URL: <https://delimobil.ru/assets/files/contract/dogovordelimobil.pdf> (date accessed: 11.08.2020).

Гражданско-правовые способы защиты прав получателей государственных услуг

Джиоева Елена Георгиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
E-mail: elena-dzhioeva@yandex.ru

В настоящее время все большее развитие получает концепция сервисного государства. Традиционные государственные функции частично переименованы в государственные услуги. Правовая природа государственных услуг остается дискуссионной. Некоторые авторы считают возможным рассматривать государственные услуги как гражданско-правовую категорию. Это порождает вопрос о возможности и необходимости применения к государственным услугам гражданско-правовых институтов. Наиболее актуальной представляется возможность защиты прав получателей государственных услуг гражданско-правовыми методами. Получатели государственных услуг довольно часто обращаются в суды с требованиями о применении к их отношениям Закона о защите прав потребителей: требуют взыскать неустойку, компенсировать моральный вред и т.д. Суды неизменно отказывают в удовлетворении подобных требований. В то же время качество оказания государственных услуг требует усиления ответственности органа государственной власти или должностного лица. Это, по мнению автора, достижимо средствами и методами гражданского права. Автором сделан вывод о применимости к указанным отношениям норм о возмещении вреда, причиненного актами власти, а также о необходимости дальнейшего развития законодательства и судебной практики в сторону увеличения влияния гражданского права на отношения по оказанию государственных услуг. В частности, автор считает необходимым дальнейшее развитие института деликтной ответственности за причинения вреда актами власти, с возможностью возмещения чистых экономических убытков.

Ключевые слова: государственные услуги, защита прав получателей услуги, вред, причиненный актами власти, государственные функции, чистые экономические убытки.

Понятие «государственная услуга» вошло в активное употребление немногим более десяти лет назад. Тем не менее за указанный период не сложилось целостного представления о государственной услуге, как правовой категории. Немногочисленные работы, посвященные правовой природе государственных услуг рассматривают их преимущественно как конституционно-правовую [1] или административно-правовую категорию [2], реже – иной отраслевой правовой принадлежности [3].

Еще меньшее число работ посвящено защите прав получателей государственных услуг. Имеющиеся же работы касаются административно-правовых способов защиты: обжалование действий или бездействий органов государственной власти или должностных лиц. Результатом жалоб при их положительном разрешении является предоставление соответствующей государственной услуги. Однако административное законодательство не решает проблем имущественных потерь получателей услуги, в том числе, возмещения имущественного вреда или компенсации морального, возмещения убытков, в том числе, вызванных просрочками в предоставлении государственных услуг (Рассматривая услуги, предоставляемые органами государственной власти или местного самоуправления, традиционно говорят о государственных и муниципальных услугах. Нами будут рассмотрены только государственные услуги, однако с тем, что высказанные тезисы применимы в полной мере и к муниципальным услугам. Ограничение объекта исследования осуществлено в связи с требованиями к объему научных статей).

Подобные последствия ненадлежащего оказания государственных услуг устранимы методами гражданского права в случаях:

1. признания государственной услуги гражданско-правовым институтом;
2. в силу прямого указания законодательства, на основании п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ [4], если за государственной услугой признается публично-правовая природа.

Формированию концепции «государственных услуг» в немалой степени способствовали сторонники «сервисного государства», согласно которой «демократические права граждан реализуются правительством в рамках управления отношениями с гражданами, которые являются и его клиентами, т.е. получателями различных государственных услуг» [5]. По мнению сторонников сервисного государства, государство на современном этапе, тем более, с учетом всеобщей цифровизации, становится некой корпорацией, где государствен-

ные служащие являются менеджерами, граждане и юридические лица – клиентами, а государственные функции – «сервисами», т.е., услугами [6]. Вероятно, такой подход является логичным современным продолжением теории общественного договора, однако, по нашему мнению, он не имеет на сегодняшний день ни фактических, ни юридических предпосылок.

Тем не менее, появление термина «государственная услуга» всколыхнуло целую волну публикаций, объясняющих его через услугу как гражданско-правовую категорию [7]. Такой подход нередко приводит авторов к путанице. Большинство из них в дальнейшем приходят к выводу о том, что государственная услуга – это реализация функций государственной власти. И тогда какова ценность ее определения через услугу как гражданско-правовую категорию, не очень понятно. Другие авторы последовательно продолжают раскрывать «гражданско-правовую» теорию государственных услуг, останавливаясь, однако, только на их правовой природе. Такой вывод неизбежно должен повлечь за собой вывод о применимости к государственным услугам норм ГК РФ, в частности, о способах защиты нарушенных прав при оказании государственной услуги. Вот тут большая часть юристов приходят к невозможности применения гражданского законодательства. Так, например, практикующие юристы, отвечающие на вопрос о том, попадает ли оказание государственной услуги под действие Закона о защите прав потребителей [8] на одном из юридических порталов (Юридическая социальная сеть 9111 ру. URL: <https://www.9111.ru/questions/12638385/>. Дата обращения 28.07.2020), дружно отвечают отрицательно, ссылаясь на возможность обжалования действий государственного органа или должностного лица в порядке, предусмотренном соответствующим административным регламентом или ст.ст.218,2019 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Аналогичный взгляд демонстрирует и судебная практика. Так, апелляционным определением Пензенского областного суда от 27.03.2020 по делу № 33–647/2020 оставлено в силе Решение Железнодорожного районного суда г. Пензы от 02 декабря 2019 которым истице было отказано во взыскании неустойки, а также морального вреда в соответствии с Законом о защите прав потребителей за ненадлежаще оказанную государственную услугу. Мотивируя свой отказ суд апелляционной инстанции указал следующее: «Государственные услуги реализуются от имени государства, поэтому закон РФ «О защите прав потребителей» не может быть применен к правоотношению сторон данного спора, что исключает возможность взыскания компенсации морального вреда, штрафа и неустойки» [10].

Таким образом, государственная услуга все же рассматривается как услуга «особого рода» – оказываемая властным субъектом в процессе реализации его властных функций. Статьей 2 Феде-

рального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закреплено понятие государственной услуги, под которой понимается **деятельность по реализации функций органа** (выделено автором) исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, а также органа местного самоуправления **при осуществлении отдельных государственных полномочий** (выделено автором), переданных федеральными законами и законами субъектов РФ, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ полномочий органов, предоставляющих государственные услуги. Правоотношения в области реализации функций и полномочий – это не оказание услуг, базирующееся на равноправных и добровольных отношениях, это основанное на власти – подчинении, практическое, организующее и регулирующее воздействие субъектов управления на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования» [12]

Приведенный подход, в том числе, со стороны судебной практики позволяет сделать вывод о неприменимости на практике гражданско-правовых институтов, в частности, способов защиты нарушенного права, к государственным услугам.

При квалификации отношений как административно-правовых единственной возможностью применения норм гражданского права являются случаи, прямо указанные в законе (п. 3 ст. 2 ГК РФ). И такие случаи есть. В частности, подлежит возмещению вред, причиненный актами власти (1060–1071 ГК РФ [13]).

К сожалению, фактически за пределами гражданско-правового регулирования остается возможность защиты при ненадлежащем качестве оказанной государственной услуги, просрочку оказания государственных услуг. Строго формальные административные регламенты дают основания государственным органам отказывать в предоставлении услуги в том числе и в случаях, когда формальное нарушение со стороны заявителя не носит сущностный характер и не влияет на существо и законность потребности заявителя.

В качестве примера можно привести повсеместный отказ регистрирующих органов (ФНС, Минюст) в государственной регистрации изменений, вносимых в реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по причине ненадлежащего оформления заявления установленной формы. Так, например, довольно часто в формах Р14001 [14] (Заявление о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц) допускаются ошибки в заполнении места нахождения юридического лица – указываются «город Москва» или «город Санкт-Петербур-

бург», в то время как согласно п.п. 2.3., 7.16.7., 7.21.4 приложения № 20 к Приказу ФНС России от 25.01.2012 № ММВ-7-6/25@ эти элементы адреса для городов Москвы и Санкт-Петербурга не заполняются. Очевидно, что данные «элементы» заявления не носят сущностного характера. Их наличие в заявлении никого не вводит в заблуждение, не дезинформирует, не нарушает чьих-либо прав. Однако отказ в государственной регистрации в подобных ситуациях гарантирован. Учитывая, что срок принятия решения о государственной регистрации или об отказе в государственной регистрации доходит в некоторых случаях до 30 дней, а государственные органы, к сожалению, не спешат оказать государственную услугу используя предоставленный им срок максимально, изменения в ЕГРЮЛ могут существенно затянуться. Кроме того, отказ влечет повторное обращение с заявлением, которое, как правило, требует затрат на оформление (например, нотариальное удостоверение). Надо отдать должное, что суды часто признают подобные отказы необоснованными и обязывают государственный орган осуществить государственную регистрацию [15].

Подобные решения не восполняют потери заявителей от необоснованного отказа. При принятии судом решения о необоснованности отказа, заявитель может обратиться с требованием о возмещении причиненного отказом вреда. Перспектива подобных требований весьма призрачна. Во-первых, возмещение вреда в подобных случаях строится на началах вины, которая, надо полагать, у государственного органа, формально строго выполняющего положение Приказа, отсутствует. Во-вторых, возникший у заявителя вред скорее всего будут выражены не в фактически понесенных расходах, утрате или повреждении имущества и т.д. (ст. ст. 15, 1064 ГК РФ), а в чем-то другом. Например, юридическое лицо в связи с несвоевременным внесением изменений в ЕГРЮЛ не смогло участвовать в торгах для заключения государственного или муниципального контракта, не заключило выгодную сделку и так далее. Сегодняшняя практика применения ст. 1069 ГК РФ отрицательно относится к подобному вреду.

В рассматриваемом контексте обращает на себя внимание концепция чистых экономических убытков (pure economic loss) воспринятая многими зарубежными правовыми порядками. В отечественной литературе имеется мизерное количество работ, посвященных этой тематике, однако в последнее время она, очевидно, набирает популярность.

Копяков А.А. определяет чистые экономические убытки как финансовые потери, понесенные субъектом, но не являющиеся следствием повреждения его личности или имущества [16]. Автор также указывает на очевидность политико-правовых соображений, свидетельствующих о необходимости расширения сферы деликтной ответственности. Развитый деловой оборот, по его мнению, однозначно нуждается в признании и компенсации чистых экономических потерь [16].

Соглашаясь с высказанной Копяковым А.А. позицией укажем, что концепция чистых экономических убытков должна развиваться и по отношению к вреду, причиненному актами власти. Это усилит ответственность органов государственной власти и должностных лиц за надлежащее предоставление ими государственных услуг.

И тогда, вероятно, высказанные замечательным юристом В.Ф. Яковлевым (в соавторстве с Талапиной Э.В.) мысли о новой сущности государства, которое «отказывается от исключительно традиционных властных методов, используя договорные», когда «классические властеотношения сохраняются, но обретают новые черты – заявительный порядок предоставления публичных услуг (т.е. по инициативе частного субъекта), повышение прозрачности государственного управления под влиянием защиты более слабого субъекта (гражданина)» [3] обретут реальный практический смысл.

Литература

1. Кандрина Н.А. Предоставление государственных услуг населению как конституционно-правовое отношение // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 38–41. СПС Консультант Плюс.
2. Федотов В.В. Проблемы разграничения государственных услуг и государственных функций в России на современном этапе // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1157–1163. СПС Консультант Плюс.
3. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16. СПС Консультант Плюс.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Штрик А. Э-демократия и поддерживающие ее технологии // Мобильный мир. 2003. № 4. С. 14–21. СПС Консультант Плюс.
6. См. об этом подробнее: Лаврентьев А.Р. Административная реформа в России: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2011. С. 7–8.; Пономаренко В.А. Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве // Lex russica. 2016. № 2. С. 49–61; Санникова Л. Публичные услуги: мифы и реальность // Образование и право. 2011. № 8(24). С. 83–94.
7. См. подробнее: Зенин С.С. Правовые формы оказания государственных и муниципальных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7. С. 31–39; Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 12.
8. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) «О защите прав потребите-

- лей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
 10. Апелляционным определением Пензенского областного суда от 27.03.2020 по делу № 33–647/2020 // СПС Консультант Плюс
 11. Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
 12. Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 62. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2009.: цитата по Смирнова А.А. О соотношении государственных услуг, функций и полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 120–130. СПС Консультант Плюс.
 13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
 14. Приказ ФНС России от 25.01.2012 N ММВ-7–6/25@ (ред. от 25.05.2016) «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» // Бюллетень НА федеральных органов исполнительной власти. № 44. 2012.
 15. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2018 № 06АП-1448/2018 по делу № А73–12789/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2018 № 09АП-39567/2018 по делу № А40–66481/18 // СПС Консультант Плюс
 16. Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146–196. СПС Консультант Плюс.

CIVIL LAW METHODS OF PROTECTING THE RIGHTS OF RECIPIENTS OF PUBLIC SERVICES

Dzhioeva E.G.

Russian State University OF Justice

At present, the concept of a service state is being increasingly developed. Traditional government functions have been partially renamed government services. The legal nature of public services remains controversial. Some authors consider it possible to consider public services as a civil law category. This raises the question of the possibility and necessity of applying civil law institutions to public services. The most urgent is the possibility of protecting the rights of recipients of public services by civil law methods. The recipients of public services quite often appeal to the courts with requirements for the application of the Law on the Protection of Consumer Rights to their relations: they demand to collect a penalty, compensate for moral damage, etc. The courts invariably refuse to satisfy such claims. At the same time, the quality of the provision of public services requires strengthening the responsibility of a public authority or official. This, according to the author, is achievable by means and

methods of civil law. The author draws a conclusion about the applicability of the rules on compensation for damage caused by acts of authority to the specified relations, as well as the need for further development of legislation and judicial practice towards increasing the influence of civil law on relations for the provision of public services. In particular, the author considers it necessary to further develop the institution of tort liability for damage caused by acts of authority, with the possibility of compensation for pure economic loss.

Keywords: public services, protection of the rights of service recipients, damage caused by acts of authority, state functions, pure economic loss.

References

1. Kandrina N.A. Provision of public services to the population as a constitutional and legal relationship // Constitutional and municipal law. 2016. No. 11. P. 38–41. SPS Consultant Plus.
2. Fedotov V.V. Problems of differentiating state services and state functions in Russia at the present stage // Administrative and municipal law. 2015. No. 11. P. 1157–1163. SPS Consultant Plus.
3. Yakovlev V.F., Talapina E.V. The role of public and private law in the regulation of the economy // Journal of Russian law. 2012. No. 2. S. 5–16. SPS Consultant Plus.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on 12/16/2019, as amended on 05/12/2020) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Shtrik A. E-democracy and technologies supporting it // Mobile world. 2003. No. 4. P. 14–21. SPS Consultant Plus.
6. See more about this: A.R. Lavrentyev. Administrative reform in Russia: Textbook. allowance. N. Novgorod, 2011. P. 7–8.; Ponomarenko V.A. Civil litigation as a service in an electronic service state // Lex russica. 2016. No. 2. P. 49–61; Sannikova L. Public services: myths and reality // Education and law. 2011. No. 8 (24). Pp. 83–94.
7. See in more detail: Zenin S.S. Legal forms of rendering state and municipal services // State power and local government. 2014. No. 7. P. 31–39; Yakovlev V.F., Talapina E.V. The role of public and private law in the regulation of the economy // Journal of Russian law. 2012. No. 2.P. 12.
8. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 (as amended on 24.04.2020) «On Protection of Consumer Rights» // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1992. No. 15. Art. 766.
9. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ (as amended on 07/31/2020) // SZ RF. 2015. No. 10. Art. 1391.
10. Appellate ruling of the Penza Regional Court dated March 27, 2020 in case No. 33–647 / 2020 // ATP Consultant Plus
11. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ (as amended on 27.12.2019) “On the organization of the provision of state and municipal services” // SZ RF. 2010. No. 31. Art. 4179.
12. Atamanchuk G.V. Decree. op. P. 62. Atamanchuk G.V. The theory of public administration. M., 2009.: citation from A.A. Smirnov. On the correlation of public services, functions and powers of executive authorities // Journal of Russian law. 2015. No. 3. P. 120–130. SPS Consultant Plus.
13. The Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 27, 2019, as amended on April 28, 2020) // SZ RF. 1996. No. 5. Art. 410.
14. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 25.01.2012 N ММВ-7–6 / 25 @ (as amended on 25.05.2016) “On approval of the forms and requirements for the execution of documents submitted to the registering authority during state registration of legal entities, individual entrepreneurs and peasants. (farms) households “ // Bulletin of the Federal Executive Bodies. No. 44.2012.
15. Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated 03.05.2018 No. 06AP-1448/2018 in case No. А73–12789 / 2017; Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated September 14, 2018 No. 09AP-39567/2018 in case No. А40–66481 / 18 // SPS Consultant Plus
16. Kopyakov A.A. The problem of compensation for net economic losses in Russian civil law // Bulletin of civil law. 2020. No. 1. P. 146–196. SPS Consultant Plus.

Особенности гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц хозяйственного общества

Сычёва Анастасия Алексеевна,

руководитель юридического отдела ООО «БалтАвтоТрейд-М»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nastya_sycheva@mail.ru

В данной статье проанализированы нормы законодательства и особенности гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц хозяйственного общества. Объектом исследования выступают основания и условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц. Выявляется содержание гражданско-правовой ответственности, ее особенности, на основании теоретического анализа, а также содержание и понятие термина «контролирующее лицо». Целью исследования выступает комплексное изучение специфики гражданско-правовой ответственности. Проблема, над которой автор работает в статье заключается в том, что в гражданском законодательстве отсутствует нормативное закрепление категории фактически контролирующих деятельность хозяйственных обществ лиц. Новизной исследования выступает, один из результатов проведенного исследования о наличии либо отсутствии фактического контроля который следует устанавливать применительно к каждому конкретному делу с учетом всей совокупности доказательств. На основании проведенного анализа материалов судебной практики и тенденций изменения правового регулирования в Российской Федерации формулируется вывод о необходимости наличия в действиях контролирующих лиц хозяйственного общества всех признаков гражданского правонарушения.

Ключевые слова: хозяйственные общества, гражданско-правовая ответственность, контролирующие лица, банкротство, руководитель, ответственность.

В настоящее время актуальным вопросом при разрешении дел о гражданско-правовой ответственности фактически контролирующих деятельность хозяйственных обществ лиц, является то, что в гражданском законодательстве нет нормативного закрепления категории фактически контролирующих деятельность хозяйственных обществ лиц.

Определение оснований гражданско-правовой ответственности контролирующих хозяйственное общество лиц предполагает выяснение правовой природы данного вида ответственности. Так, О.В. Гутников именуется данный вид ответственности корпоративным, указывая, что он существенно отличается как от деликтной, так и от договорной ответственности. По мнению автора, основание для данного вида ответственности составляет причинение убытков в связи с нарушением установленных законом и учредительными документами обязанностей членом органов юридического лица, важнейшую роль в системе которых составляет обязанность разумно и добросовестно действовать в интересах юридического лица. При этом право требования возмещения убытков предоставляется как юридическому лицу, так и его участникам, а также кредиторам [3, с. 71].

Аналогичное мнение высказывалось ранее также Б.Р. Карабельниковым [4, с. 80]. В свою очередь, Е.А. Суханов полагает, что в пункте 3 статьи 53.1 ГК РФ речь идет о виновной деликтной ответственности [7, с. 198]. Противоположную позицию занимают О. Гентовт и Д. Ломакин, указывающие на отсутствие в гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц хозяйственных обществ признаков деликтной [6, с. 32]. На специфику имущественной ответственности членом органа управления хозяйственного общества обращает внимание также И.С. Шиткина [5, с. 841], которая отмечает, что несмотря на особенности привлечения контролирующих лиц хозяйственного общества к гражданско-правовой ответственности, ее основанием во всех случаях является гражданское правонарушение, предполагающее противоправное поведение контролирующего лица как причинителя вреда, несение хозяйственным обществом убытков и наличие причинной связи между указанными элементами состава правонарушения.

По утверждению Е.Г. Антоновой, основания ответственности раскрываются через призму условий наступления гражданской ответственности, которые складываются из четырех традиционных элементов: противоправного деяния, вредоносно-

го последствия, причинной связи между противоправным действием и наступившими последствиями и вины [2, с. 53].

В пункте 4, статье 53.1 ГК РФ, указано что, в случае причинения убытков юридическому лицу члены органов управления и лица, имеющие фактический контроль, обязаны возместить убытки солидарно. Истцами по данному основанию могут выступать как само хозяйственное общество, так и участник, независимо от размера доли в уставном капитале общества, а также члены коллегиального органа управления хозяйственного общества.

Согласно пункту 3 статьи 53.1 ГК РФ в редакции, действующей с 1 сентября 2014 г., лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе посредством дачи указаний действующим от его имени лицами, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу по его вине. В свою очередь, согласно пункту 4 статьи 53.1 ГК РФ, члены органов управления и фактически контролирующее юридическое лицо лица несут солидарную ответственность за причинение по их вине убытков юридическому лицу. Право на внесение иска по данному основанию предоставляется непосредственно хозяйственному обществу, а также его акционерам и участникам независимо от размера доли в уставном капитале и членам коллегиального органа управления хозяйственного общества.

Отметим, что несмотря на относительно недавнее нормативное закрепление возможности привлечения фактически контролирующих лиц юридического лица к гражданско-правовой ответственности, институт имущественной ответственности указанных субъектов нашел широкое применение в ходе банкротства юридических лиц согласно статье 10 Федерального Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)», которая предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности фактически контролирующих должника лиц. В указанном законе определено, что фактически контролирующее должника лицо – это физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более, чем за 3 года до возникновения признаков банкротства, а также после их возникновения, но до принятия судом заявления о банкротстве должника право на дачу обязательных должником для исполнения указаний или определение действий должника иным образом. Для целей применения указанных положений Пленумом Верховного Суда РФ принято Постановление № 53, в котором высший судебный орган указывает на возможность осуществления фактического контроля над должником независимо от наличия или отсутствия формальных признаков аффилированности. Однако, представляется, что не следует механически распространять положения законодательства о банкротстве, а также сложившуюся практику его применения, на отно-

шения, возникающие в связи с гражданско-правовой ответственностью контролирующих лиц хозяйственного общества, поскольку целью института банкротства следует признать, наряду с защитой прав кредиторов, также защиту публичных интересов. Кроме того, Федеральный Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)» носит специальный по отношению к ГК РФ характер, что сужает сферу его применения.

Для оснований гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц хозяйственного общества следует выявить признаки осуществления такого контроля, а также круг соответствующих субъектов. Как правило, субъекты правоотношений состоят в определенной правовой связи, под которой следует понимать совокупность нормативно закрепленных прав и обязанностей. Данные связи по большей части носят формализованный характер, выраженный в их закреплении в установленной законом форме. Однако при определенных условиях субъекты правоотношений стремятся к тому, чтобы не афишировать свое в них участие, применяя различные институты, примером которых может служить институт номинального держателя. Целью же правового регулирования следует признать защиту публичных интересов и прав заведомо более слабого субъекта частных правоотношений. Изложенное позволяет констатировать, что признание лица фактически осуществляющим контроль над деятельностью хозяйственного общества представляет собой выявление фактически существующей между таким лицом и хозяйственным обществом правовой связи.

Анализ некоторых материалов судебной практики дает возможность подтвердить, что суды признают осуществлением фактического контроля, в частности, создание сложной структуры номинальных компаний, применение схем с квазиказначейскими акциями, а также учреждение в иностранных юрисдикциях квазитрастовых схем, не отстраняющих бенефициара от управления имуществом. Данный перечень не является исчерпывающим, в связи с чем при решении вопроса об имущественной ответственности суду следует устанавливать фактическую степень влияния контролирующего лица на формирование воли хозяйственного общества. Так, суд указал, что возможность определять решения юридического лица предполагает отсутствие у него автономии воли.

Пленум Верховного Суда РФ в абзаце 1 пункта 12 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1 ГК РФ» разъяснил, что по делам о возмещении убытков на истца возлагается обязанность доказывания того факта, что убытки были причинены вследствие деяния ответчика, а также фактов нарушения обязательства либо причинения вреда и наличия убытков. Таким образом, привлечение к гражданско-правовой ответственности контролирующего хозяйственное общество лица предполагает установление фактической возмож-

ности определения им деятельности юридического лица, в том числе посредством дачи обязательных для исполнения указаний. При этом такая возможность должна носить фактический характер, то есть не быть основанной на законе, договоре, учредительных документах, доле в уставном капитале или ином правовом основании.

Так, Верховный Суд РФ указал, что хозяйственное общество как участник юридического лица, имеющее долю в размере 75.004% от уставного капитала, имеет фактическую возможность определения деятельности юридического лица посредством голосования в ходе очередного общего собрания участников за одобрение спорного договора, в связи с чем может быть привлечено к солидарной ответственности за причиненные по его вине убытки, поскольку статья 53.1 ГК РФ закрепляет обязанность по совершению в интересах юридического лица разумных и добросовестных действий.

Таким образом, в судебной практике не выработано единого подхода к определению контролирующего хозяйствующее общество лица. Представляется, однако, что возможность определения воли юридического лица на основании наличия у субъекта преобладающей доли в уставном капитале представляет собой правовое, но не фактическое основание контроля.

Изложенное выше, позволяет сформулировать следующие выводы. Содержание фактического контроля в отношении хозяйственного общества составляет неформализованная возможность определения одним субъектом действий и решений контролируемого им хозяйственного общества. Отсутствие формальных оснований представляет собой определяющий признак, позволяющий отграничить фактически контролирующее лицо хозяйственного общества от его органов управления. Таким образом, наличие либо отсутствие фактического контроля следует устанавливать применительно к каждому конкретному делу с учетом всей совокупности доказательств. Признание же лица фактически контролирующим деятельность хозяйственного общества выражает существование правовой связи между указанными субъектами.

Ответственность фактически контролирующего деятельность хозяйственного общества лица представляет собой исключение из общего правила о необходимости наличия правовых оснований для формирования воли юридического лица при привлечении его органа к имущественной ответственности. Следует согласиться с утверждением о том, что ответственность за возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом, является разновидностью деликтной ответственности, предполагающей доказывание условий ее наступления и необходимости установления состава гражданского правонарушения по общепринятым правилам доказывания.

Несмотря на то, что были попытки предложить нормативное закрепление категории фактически

контролирующих деятельность хозяйственных обществ лиц в гражданском законодательстве, ГК РФ не содержит нормативного определения контролирующего лица. Вместе с тем данный институт нашел широкое применение при рассмотрении и разрешении судами дел о несостоятельности (банкротстве), однако в силу того, что предмет правового регулирования Федерального Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)», является более узким, то и распространение его положений на все многообразие гражданско-правовых отношений видится неприемлемым. Однако с учетом отсутствия в судебной практике и доктрине единого подхода к определению контролирующего лица и фактического контроля им деятельности хозяйственного общества, применение правовых позиций, выработанных в ходе рассмотрения дел о банкротстве, видится способом восполнения существующего пробела правового регулирования.

В связи с неформализованным характером контроля перечень оснований его возникновения потенциально крайне широк, в силу чего не может быть закреплён нормативно. Таким образом, при разрешении дел о гражданско-правовой ответственности фактически контролирующих деятельность хозяйственных обществ лиц, суду следует устанавливать наличие у данных лиц возможность определять волю юридического лица и ее фактический характер. При этом указания контролирующего лица должны быть обязательными для исполнения хозяйствующим обществом.

Литература

1. Антонова Е.Г. Экономический контроль: понятие и юридическое значение // Конкурентное право. 2020. № 3. С. 11.
2. Антонова Е.Г. Установление состава гражданского правонарушения: теоретические аспекты // Право и экономика. 2019. № 3. С. 53.
3. Гутников А.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / А.В. Гутников // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6.
4. Карабельников Б.Р. Трудовые отношения в хозяйственных обществах / Б.Р. Карабельников // М.: 2003.
5. Корпоративное право: учебный курс. Том 1 / Под ред. И.С. Шиткиной // М.: Статут. – 2017.
6. Ломакин Д.В., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней / Д.В. Ломакин, О. Гентовт // Хозяйство и право. – 2016. – № 1.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов // М.: 2014.
8. Толстой Ю.К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения / Ю.К. Толстой // Вестник экономического правосудия РФ – 2015. – № 5.
9. Фомина О. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений / О. Фомина // Хозяйство и право. – 2015. – № 4.

10. Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации юридических лиц / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права.– 2014.– № 10.

FEATURES OF CIVIL LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS OF AN ECONOMIC COMPANY

Sycheva A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the norms of legislation and features of civil liability of controlling persons of a business society. The object of the research is the grounds and conditions for attracting civil liability of controlling persons. The content of civil liability, its features, based on theoretical analysis, as well as the content and concept of the term «controlling person» are revealed. The aim of the study is a comprehensive study of the specifics of civil liability. The problem that the author is working on in the article is that there is no normative consolidation of the category of persons who actually control the activities of business entities in civil legislation. The novelty of the study is one of the results of the study on the presence or absence of actual control, which should be established in relation to each specific case, taking into account the entire body of evidence. Based on the analysis of the materials of judicial practice and trends in legal regulation in the Russian Federation, a conclusion is made about the need for the presence of all signs of a civil offense in the actions of the controlling persons of a business society.

Keywords: business companies, civil liability, controlling persons, bankruptcy, manager, responsibility.

References

1. Antonova E.G. Economic control: concept and legal meaning // Competitive law. 2020. no. 3. P. 11.
2. Antonova E.G. Establishing the composition of a civil offense: theoretical aspects // Law and Economics. 2019. no. 3. P. 53.
3. Gutnikov A.V. Legal responsibility in corporate relations / A.V. Gutnikov // Bulletin of civil law.– 2014.– № 6.
4. Karabelnikov B.R. Labor relations in economic societies / B.R. Karabelnikov // Moscow: 2003.
5. Corporate law: training course. Volume 1 / edited by I.S. Shitkina // Moscow: Statut. –2017.
6. Lomakin D. V., Gentovt O. Responsibility of controlling persons: the legal nature and mechanism of attraction to it / D.V. Lomakin, O. Gentovt // Economy and law.– 2016.– № 1.
7. Sukhanov E.A. Comparative corporate law / E.A. Sukhanov // Moscow: 2014.
8. Tolstoy Yu.K. Problems of improving civil legislation and ways to solve them / Yu.K. Tolstoy // Bulletin of economic justice of the Russian Federation-2015. – No. 5.
9. Fomina O. Civil liability of participants in corporate relations / O. Fomina // Economy and law.– 2015.– № 4.
10. Khabrieva T. Ya. Modern approaches to the classification of legal entities / T. Ya. Khabrieva // Journal of Russian law.– 2014.– № 10.

Правовые барьеры для развития медицины через ГЧП

Третьякова Екатерина Петровна,

магистр права, юрист практики здравоохранения Пепеляев Групп, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: ek.tretiakova@mail.ru

В рамках настоящей статьи автором предприняты попытки осветить проблемы правового регулирования и реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения. Проанализированный массив законодательства позволяет сделать предварительные выводы о существующих ограничениях для развития медицины через ГЧП, а также предложить адекватные пути их снятия. Если обратить внимание на проблемы отраслевого законодательства, включая законодательство об обязательном медицинском страховании, то можно обнаружить барьеры, влияющие на инвестиционную привлекательность проекта, а если рассматривать причины боязни регионов проектов государственно-частного партнерства, можно обнаружить отсутствие адекватных ресурсов, позволяющих получать информацию о таких проектах. Для целей развития не только высокотехнологичной медицинской помощи, но и усиления первичного звена здравоохранения необходимо пересмотреть ряд положений в законодательстве, регулирующем государственно-частное партнерство.

Ключевые слова: здравоохранение, государственно-частное партнерство, обязательное медицинское страхование, концессионное соглашение, инвестиции

Введение

На сегодняшний день система здравоохранения в нашей стране особенно нуждается в развитии и повышении качества медицинской помощи. Ситуация, возникшая в связи с Covid-19, остро подсветила проблемы и требует принятия незамедлительных решений. Увеличение в секторе государственной медицинской помощи количества частных медицинских учреждений свидетельствует о том, что система обязательного медицинского страхования представляет интерес для коммерческих клиник. В этой связи в целях повышения качества оказания медицинской помощи и привлечения инвестиций возможно использование существующих правовых форм государственно-частного партнерства.

Правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации

Государственно-частное партнерство в широком его понимании представлено в Российской Федерации различными правовыми формами: концессионное соглашение, соглашение о государственно-частном партнерстве, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, специальный инвестиционный контракт, офсетный контракт, договор аренды с инвестиционными обязательствами и др. В правовой и экономической доктрине существуют разные подходы к определению государственно-частного партнерства. В рамках настоящей статьи мы остановимся на формах, которые принято считать государственно-частным партнерством в узком смысле: концессионное соглашение и соглашение о государственно-частном партнерстве [1, с. 4].

В 2005 году был принят Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – «**Закон о концессиях**»).

Концессионное соглашение является договором согласно которому инвестор создает в собственности публично-правового образования или реконструирует, находящийся в собственности публично-правового образования, объект концессионного соглашения и осуществляет его последующую эксплуатацию. Перечень объектов концессионного соглашения содержится в Законе о концессиях и среди таких объектов есть объекты здравоохранения. Инвестор на период эксплуатации получает право пользования созданным объектом

и (если предусмотрено проектом) денежные платежи от публичной стороны¹.

С момента принятия и по настоящее время Закон о концессиях претерпевал изменения: вырабатывался подход регуляторов и судебных инстанций в отношении сложных вопросов, формировался опыт у государственных органов, инвесторов и банков.

В 2015 году был принят Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «**Закон о ГЧП**»), который внес новую форму сотрудничества государства и бизнеса: соглашение о ГЧП. Соглашение о ГЧП является договором согласно которому частный партнер осуществляет финансирование, создание и эксплуатацию имущества, при возможности передачи объекта ГЧП соглашения в собственность частного партнера. Аналогично Закону о концессионных соглашениях объектом по соглашению о ГЧП может быть объект здравоохранения. Также согласно Закону о ГЧП частный партнер может не осуществлять целевую эксплуатацию объекта, например, оказывать медицинскую помощь, а оставить в периметре своей ответственности только техническую эксплуатацию. Кроме того, Закон о ГЧП имеет в себе ряд иных отличий от Закона о концессиях, однако, такие отличия не влияют на реализацию ГЧП проектов в сфере здравоохранения.

В 2015 году оба закона претерпели изменения, направленные на возможность заключения ГЧП и концессионных соглашений в отношении ИТ объектов. Ключевой особенностью ИТ проектов является возможность не следовать главному правилу Закона о ГЧП и Закона о концессиях: создание объекта недвижимости, и обойтись без капитального строительства. Иными словами, объектом может быть информационная система без привязки к зданию, строению, помещению.

Существующие на рынке здравоохранения ИТ продукты могут найти себя в ГЧП решениях. В сфере здравоохранения таким объектом может являться медицинская информационная система (МИС), база данных (например, т.н. валидированный датасет, содержащий снимки КТ для целей работы программы поддержки врачебных решений, зарегистрированного в качестве медицинского изделия).

В настоящее время в Российской Федерации реализуется 157 проекта государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения и санаторно-курортного лечения. Общий объем инвестиций составляет более 150 млрд рублей из которых более 70% частные. Однако, согласно статистике, только одна треть проектов реализуется на основании Закона о концессиях и Закона о ГЧП, дру-

гие же проекты заключены через договоры аренды с инвестиционными обязательствами и иные формы². Наименьшим спросом пользуются стационары общего профиля и поликлиники. При этом потребность в регионах в создании и модернизации таких медицинских учреждений не уменьшается. В 2019 году Министром здравоохранения был подписан Приказ № 228 от 18 апреля 2019 года «Об утверждении Комплекса мер, направленных на развитие инфраструктуры и государственно-частного партнерства (ГЧП) в здравоохранении, на 2019–2020 годы». Согласно тексту данного акта, комплекс мер включает в том числе мероприятия по внесению изменений в законодательство о государственно-частном партнерстве.

Приведенная выше информация свидетельствует о том, что в настоящее время механизмы государственно-частного партнерства недостаточно развиты не только в силу политических и экономических причин, но и в силу правовых барьеров, с которыми сталкиваются инвестор и государственный заказчик (публичный партнер). Возникает потребность рассмотреть проблемные аспекты реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения при помощи механизмов, установленных Законом о концессиях и Законом о ГЧП.

Особенности государственно-частного партнерства в здравоохранении

Проекты государственно-частного партнерства в здравоохранении обладают отраслевой спецификой и требуют соблюдения как законодательства о государственно-частном партнерстве, так и массива иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере оказания медицинской помощи, обращения медицинских изделий и лекарственных средств. В силу того, что целевая эксплуатация объекта здравоохранения (оказание медицинской помощи) представляет собой не обычную (классическую) деятельность хозяйствующего субъекта, а отношения, осложненные правилами обязательного медицинского страхования, взаимодействием со страховыми организациями, порядками возмещения из средств территориальных фондов обязательного медицинского страхования, то не все участники рынка готовы брать на себя обязательства по оказанию медицинской помощи.

Анализируя практику реализации проектов государственно-частного партнерства, можно сформировать перечень ключевых нормативных ограничений, которые не являются привлекательными для инвесторов. При этом, наблюдая за повышенным интересом к государственно-частному партнерству у интересантов таких проектов, нельзя не отметить положительные стороны, которые предоставляет законодательство.

Одним из ключевых барьеров, который обсуждают участники и ключевые игроки рынка, явля-

¹ В ряде случаев экономика проекта обеспечивает его самокупаемость, в виду чего не требуется предоставление субсидий со стороны публично-правового образования.

² Согласно данным платформы «Росинфра» – <https://www.rosinfra.ru/> (дата обращения – 25.08.2020).

ется отсутствие в структуре тарифа обязательного медицинского страхования инвестиционных затрат [2, с 15–16]. Такой барьер не дает инвестиционной привлекательности для частного партнера, а публичный партнер из-за такого барьера несет дополнительные бюджетные расходы в форме субсидий в целях возмещения инвестиций.

При реализации ГЧП проекта частный партнер создает или реконструирует объект здравоохранения. После завершения всех работ частный партнер приступает к операционной деятельности, т.е. оказанию медицинской помощи населению в рамках обязательного медицинского страхования. Отношения в сфере обязательного медицинского страхования регулируются Федеральным законом «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N326-ФЗ (далее – «**Закон об ОМС**»), согласно которому организация, осуществляющая оказание медицинских услуг населению, получает платежи от страховой компании. За каждую медицинскую услугу Территориальными фондами обязательного медицинского страхования (ТФОМС) Тарифным соглашением устанавливаются тарифы на медицинские услуги. Структура тарифа ОМС не включает в себя инвестиционную составляющую, кроме того она также не включает расходы на приобретение оборудования (медицинских изделий), если стоимость такого оборудования более 100000 рублей за единицу. Таким образом, частный партнер, осуществляя реализацию проекта ГЧП, на стадии эксплуатации не получает каких-либо преимуществ в части формирования тарифа. Поскольку инвестиционные затраты должны окупаться на практике, обеспечение возвратности инвестиции осуществляются через механизм платы концедента (субсидии от публично-правового образования).

На наш взгляд, использование специального механизма, а именно платы концедента, должно применяться в исключительных случаях, а в рамках хозяйственной деятельности частный партнер должен получать основной поток денежных средств именно от осуществляемой им деятельности. В связи с этим требуется проработка изменений в Закон об ОМС, позволяющих в случае реализации инвестиционных проектов учитывать инвестиционную надбавку в тарифе. Так, например, в сфере железнодорожного транспорта, применительно к концессионным проектам данным вопрос был разрешен в Постановлении Правительства РФ от 05.08.2009 № 643 «О государственном регулировании тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок». Согласно указанному акту у инвестора, реализующего проект в соответствии с положениями Закона о концессиях, есть возможность установить в концессионном соглашении размер тарифа на услуги железнодорожной инфраструктуры.

Другой проблемой, связанной с реализацией проектов ГЧП, является отсутствие открытой базы данных, дающей возможность регионам Рос-

сийской Федерации обмениваться опытом реализации проектов государственно-частного партнерства [3, с. 201–202]. Несмотря на требование Закона о концессиях и Закона о ГЧП о необходимости размещения текстов ГЧП соглашений в открытый доступ, общей базы ГЧП проектов не существует, что не дает возможности понять механику проектов, их особенности. Федеральный закон от 1 апреля 2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее – «**Закон о СЗПК**») установил необходимость создания новой государственной информационной системы «Капиталовложения». Исходя из предварительного анализа норм Закона о СЗПК, а также проектов нормативных правовых актов, мы полагаем, что наличие единой системы, позволит обеспечить доступ к базе проектов государственно-частного партнерства, отразить их особенности, а также предоставить государственным органам доступ к детальной информации о таких проектах.

Также одним из остро возникающих на практике в последние годы вопросов является выбор оператора учреждения здравоохранения. По общему правилу Закон о концессионных соглашениях возлагает такую обязанность исключительно на частного партнера (с возможностью привлечения третьих лиц, за действия которых он отвечает, как за свои собственные). В то же время Закон о ГЧП дает сторонам соглашения о ГЧП выбрать один из следующих вариантов: частный партнер осуществляет целевую и техническую эксплуатацию или частный партнер осуществляет только техническую эксплуатацию. В данном случае речь идет не только о распределении рисков частного партнера, но и о так называемых общественных рисках. В случае, если речь идет о создании нового учреждения здравоохранения, такие риски являются минимальными, но, когда речь идет о реконструкции уже существующего объекта возникает вопрос о дальнейшей судьбе медицинских работников, которые являются сотрудниками бюджетных учреждений. В случае, если после реконструкции частный партнер начинает осуществлять эксплуатацию, то гарантий того, что он возьмет на работу предыдущих сотрудников нет, также, как и у публичного партнера не всегда есть возможность перевести такой персонал в другое медицинское учреждение, особенно если по проекту ГЧП создается узкопрофильное медицинское учреждение. В связи с этим возникает проблема, связанная с выбором модели ГЧП, позволяющей не осуществлять целевую эксплуатацию или наоборот (ГЧП или концессия). Не все проекты, которые реализуются по Закону о концессиях, следуют буквальным требованиям закона. Существует ряд проектов, где имеет место концессионное соглашение, но целевую эксплуатацию осуществляет государственное бюджетное учреждение здравоохранения. В связи с указанным возникает вопрос о соблюдении существенных условий концессионного соглашения и возможности признания такого

соглашения незаключенным. На наш взгляд, такой вопрос должен быть разрешен на уровне Закона о концессиях, где необходимо прописать запрет на уклонение концессионера от целевой эксплуатации.

Таким образом, действующее законодательство обладает потенциалом для развития здравоохранения через механизм государственно-частного партнерства. Существующие ограничения являются препятствием как для частного, так и для публичного партнера. В целях развития не только высокотехнологичной помощи через инвестиционные механизмы, но и развития первичного звена здравоохранения требуются изменения законодательства, направленные на установление гарантий возвратности инвестиций, а также на устранение организационных сложностей, которые в настоящее время оцениваются интересантами проектов как значимые риски.

Литература

1. Сивакова С.Ю. Государственно-частное партнерство как форма реализации инвестиционной деятельности в регионе // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» 2015. Том 7, № 2.
2. Позднякова С.В., Какушкина М.А. О развитии государственно-частного партнерства в здравоохранении // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2016. № 5.
3. Сизова Екатерина Сергеевна Предложения по совершенствованию условий реализации проектов государственно-частного партнерства сферы здравоохранения в субъектах Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 1.
4. Иноземцев М.И., Степанов С.К. Институт страхования правового титула в России и США: сущность и перспективы развития // Юридическая наука. № 2. 2018.
5. Inozemtsev M.I., Stepanov S.K. Principle of Full Compensation in Tort Law. SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. Т. 5. № 6. С. 1.

LEGAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF MEDICINE THROUGH PPP

Tretyakova E.P.

Master of Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The author attempts to highlight the problems of legal regulation and implementation of public-private partnership projects in the healthcare sector in this article. Based on the analysis of the legislation, conclusions are drawn about the existing restrictions on the development of medicine through PPP, and also to propose adequate ways to remove such restrictions. If you pay attention to the problems of sectoral legislation, including legislation on compulsory health insurance, you can find barriers that affect the investment attractiveness of the project, and if you consider the reasons for the fear of the regions of public-private partnership projects, you can find the lack of adequate resources to obtain information about such projects. In order to develop not only high-tech medical care, but also to strengthen primary health care, it is necessary to revise a number of provisions in the legislation regulating public-private partnerships.

Keywords: healthcare, public-private partnership, compulsory health insurance, concession agreement, investments

References

1. Sivakova S.U. Public-private partnership as a form of implementation of investment activities in the region // Internet-journal "Science". 2015.No.2 (In Russ).
2. Pozdnyakova S.V., Kakushkina M.A. On the development of public-private partnership in health care // Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Academy of Medical Sciences. 2016. No. 5. (In Russ.).
3. Sizova E.S. Proposals for improving the conditions for implementing public-private partnership projects in the healthcare sector in the constituent entities of the Russian Federation // Problems of Economics and Legal Practice. 2015. No. 1.
4. Inozemtsev M.I., Stepanov S.K. Institute of title insurance in Russia and the USA: essence and development prospects // Legal Science. 2018. No. 2.
5. Inozemtsev M.I., Stepanov S.K. Principle of Full Compensation in Tort Law. SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. Т. 5. № 6.

Актуальные проблемы поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов

Цыганов Дмитрий Вячеславович,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: tsyganoff.spb@ya.ru

В настоящей статье рассматривается ряд проблем, обусловленных спецификой преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, которые имеют непосредственное отношение не только к повышению эффективности следственной деятельности, а равно деятельности государственных обвинителей, но также (с учетом значимости рыбохозяйственной отрасли отечественной экономики) к экологической безопасности России.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о значительных затруднениях правоприменителей при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов при установлении не только места совершения преступления, но и его специфических признаков, факта применения самоходного транспортного плавающего средства, взрывчатых и химических веществ, размера причиненного ущерба. Отсутствие необходимых знаний и навыков у сотрудников органов предварительного расследования приводит к весьма серьезным ошибкам, которые вынуждены устранять государственные обвинители уже на стадии судебного следствия.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, расследование уголовного дела, типичные ошибки, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, ст. 256 УК РФ.

Российская Федерация занимает лидирующие позиции в добыче водных биологических ресурсов и стабильно входит в первую пятерку рыболовных держав мира. Экспорт рыболовной продукции за 11 месяцев 2019 года из России составил 2,7 млрд долларов, что является рекордным показателем за последние 26 лет [1]. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высокой рентабельности рыбохозяйственной отрасли, что в свою очередь делает ее привлекательной не только для бизнеса, но и криминальной среды [2]. Весьма показательны в этом плане данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, демонстрирующие рост числа рассмотренных уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 256 УК РФ. Так, в 2016 г. году таких дел рассмотрено 5033; в 2017 г. – 5097; в 2018 г. – 5328; а в 2019 уже 5028 уголовных дел [3].

Кроме того, анализ судебно-следственной практики свидетельствует о значительных затруднениях правоприменителей при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, в том числе при установлении места совершения преступления, его специфических признаков (например, является ли оно особо охраняемой природной территорией, зоной чрезвычайной экологической ситуации или зоной экологического бедствия, а так же местом нереста или миграционным путем к нему); установления факта использования самоходного транспортного плавающего средства, электротока, взрывчатых и химических веществ или других запрещенных орудий и способов массового истребления, которые постоянно технически совершенствуются, становятся более эффективными; подлинности (действительности) «разрешительных» документов (лицензий, договоров), а также размера причиненного ущерба (поскольку рассматриваемое деяние в подавляющем большинстве случаев совершается в труднодоступных местах, достаточно отдаленных от населенных пунктов, что осложняет установление упомянутых выше обстоятельств).

Отсутствие необходимых знаний и навыков у сотрудников органов предварительного расследования приводит к весьма серьезным ошибкам. Так, специфика рассматриваемого деяния, обусловленная бланкетностью диспозиции ст. 256 УК РФ и множественностью нормативных правовых актов, регламентирующих порядок промышленной, любительской, спортивной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, нередко пред-

определяет недоказанность отдельных эпизодов преступной деятельности, в том числе по причине неправильного применения или толкования норм права.

В первую очередь речь идет о сложностях доказывания фактов изъятия водных биологических ресурсов из среды обитания и (или) завладения ими в нарушение норм экологического законодательства (например, при отсутствии полученного в установленном законом порядке разрешения, в нарушение положений, предусмотренных таким разрешением, в запрещенных районах, в отношении отдельных видов запрещенных к добыче (вылову) водных биологических ресурсов, в запрещенное время, с использованием запрещенных орудий лова).

Настоящее положение дел в значительной степени обуславливают существенные трудности, с которыми сталкиваются практические работники в процессе расследования рассматриваемого преступления, а также порождают проблемы при поддержании государственного обвинения. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа не только судебно-следственной практики, но и результаты опроса прокурорских работников, участвующих в рассмотрении судами уголовных дел прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа, согласно которым 87% респондентов неудовлетворительно оценивают качество предварительного расследования незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Вследствие чего 93% респондентов отметили неполноту доказательств, которые прокурор может представить суду.

Ошибки, допущенные и не выявленные в ходе предварительного расследования, существенно затрудняют дальнейшее поддержание государственного обвинения. В процессе судебного следствия не всегда получают своё подтверждение такие обстоятельства как способ, время и место совершения преступления, количество и роль соучастников при подготовке в совершении преступления, размер причиненного ущерба и прочие. В конечном итоге самостоятельные эпизоды преступлений остаются без доказательственной базы, а незаконные действия подсудимых судом квалифицируются как преступление меньшей тяжести. Прокурорам приходится восполнять недостатки расследования, в том числе инициировать производство судебных экспертиз в дополнение к уже проведенным в процессе расследования, вновь привлекать специалистов, допрашивать экспертов для разъяснения отдельных вопросов и т.д.

Определенные сложности у государственных обвинителей возникают при решении судьбы вещественных доказательств, в частности незаконного улова, который может подлежать как уничтожению, так и передаче уполномоченному органу для реализации.

Так, судом Ямало-Ненецкого автономного округа в Апелляционном постановлении от 26.12.2019

изменен приговор Ямальского районного суда по ч. 3 ст. 256 УК РФ в части судьбы вещественных доказательств [4]. Исключено указание суда первой инстанции об уничтожении вещественного доказательства – рыбы видового состава «муксун» в количестве 232 особей, которую постановлено передать уполномоченному органу для реализации.

Вышестоящий суд согласился с доводами из апелляционного представления заместителя прокурора Ямало-Ненецкого автономного округа, указав, что судом первой инстанции разрешая вопрос о судьбе вещественных доказательств не были приняты во внимание положения ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», согласно которым порядок реализации и уничтожения безвозмездно изъятых или конфискованных водных биоресурсов, продуктов их переработки, а также перечень водных биоресурсов, подлежащих уничтожению, устанавливается Правительством Российской Федерации.

В Перечень безвозмездно изъятых или конфискованных водных биологических ресурсов, которые в случае, если их физическое состояние не позволяет возвратить их в среду обитания, подлежащих незамедлительному уничтожению, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2007 № 367 [5], муксун не включен.

Поскольку из материалов уголовного дела следовало, что изъятый муксун передан на хранение, при этом сведения о невозможности его реализации отсутствовали, рыба подлежала передаче уполномоченному органу для реализации, а не уничтожению.

Существенную специфику на деятельность государственного обвинителя накладывает осуществление исковой работы по возмещению вреда причинного преступлением, заключающейся в установлении причинно-следственной связи вреда как отрицательного последствия преступления, наступившего в результате совершения этого деяния. Так, в частности, определенные сложности вызывает необходимость проведения дополнительных расчетов, связанных с установлением размера вреда, учет частичного добровольного возмещения имущественного ущерба при расчете размера исковых требований, установления надлежащего ответчика, несущего ответственность за вред, причиненный преступлением. Упомянутые вопросы зачастую не могут быть разрешены государственным обвинителем при рассмотрении иска в порядке, предусмотренном ст. 44 УПК РФ без привлечения специалистов соответствующего профиля.

Рассмотренные выше проблемы свидетельствуют о необходимости тщательной подготовки государственного обвинителя к участию в судебном процессе по уголовным делам о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, путем максимально внимательного изучения ма-

териалов уголовного дела с целью оценки достоверности доказательственной базы, выявления в ней пробелов.

Литература

1. Экспорт рыбы из России [Электронный ресурс]: IAA SeaNews: сайт. URL: <https://seanews.ru/2020/01/16/ru-jeksport-ryby-iz-rossii/> (дата обращения 27.07.2020);
2. На Ямале с начала года выросло число выявленных преступлений экологической направленности [Электронный ресурс]: Arctic Info: сайт. URL: http://www.arcticinfo.ru/news/obshchestvo/Na_YAmale_s_nachala_goda_vyroslo_chislo_vyyavlennykh_prestupleniy_ekologicheskoy_napravlennosti (дата обращения 27.07.2020);
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 27.07.2020);
4. Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 22–1281/2019 от 26 декабря 2019 г. по делу № 22–1281/2019 Портал СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 27.07.2020);
5. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2007 г. № 367 «О мерах по реализации статьи 54 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»: Портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/158316/> (дата обращения 27.07.2020).

ACTUAL PROBLEMS OF PUBLIC PROSECUTOR IN CRIMINAL CASES ON ILLEGAL EXTRACTION (CATCH) OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Tsyganov D.V.

University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation

This article examines a number of problems due to the specifics of the crime under Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are directly related not only to increasing the efficiency of investigative activities, as well as the activities of public prosecutors, but also (taking into account the importance of the fishery industry of the domestic economy) to the environmental safety of Russia.

The results of the analysis of forensic practice indicate significant difficulties experienced by law enforcement officers in the investigation of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources when establishing not only the crime scene, but also its specific features, the fact of using a self-propelled floating vehicle, explosive and chemical substances, the amount of damage caused.

The lack of the necessary knowledge and skills among the staff of the preliminary investigation bodies leads to very serious mistakes, which have to be eliminated by public prosecutors already at the stage of the judicial investigation.

Keywords: public prosecution, prosecutor, criminal investigation, typical mistakes, illegal extraction (catch) of aquatic biological resources, Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Export of fish from Russia [Electronic resource]: IAA SeaNews: website. URL: <https://seanews.ru/2020/01/16/ru-jeksport-ryby-iz-rossii/> (date of access 07/27/2020);
2. Since the beginning of the year in Yamal, the number of detected environmental crimes has increased [Electronic resource]: Arctic Info: website. URL: http://www.arcticinfo.ru/news/obshchestvo/Na_YAmale_s_nachala_goda_vyroslo_chislo_vyyavlennykh_prestupleniy_ekologicheskoy_napravlennosti (date of treatment 07/27/2020);
3. Summary statistical information on the state of convictions in Russia of the judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation: website. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of treatment 07/27/2020);
4. Court of Appeal of the Yamalo-Nenets Autonomous state No. 22–1281 / 2019 of December 26, 2019 in case No. 22–1281 / 2019 Portal SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]: URL: <https://sudact.ru/> (date of treatment 07/27/2020);
5. Decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2007 No. 367 «On measures to implement article 54 of the Federal Law» On fishing and conservation of aquatic biological resources»: Portal GARANT.RU [Electronic resource]: URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/158316/> (date of treatment 07/27/2020).

Правовое регулирование краудфандинга в продюсерской деятельности

Пухалев Алексей Николаевич,

доцент, кафедра продюсерства в области исполнительских искусств, ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств»
E-mail: apuhalev@gmail.com

В статье рассматриваются существующие классификации краудфандинга, его современное состояние, включая тенденции развития отечественного краудфандинга в связи с появлением в российском законодательстве нового института цифровых прав. Оценивая правовой эксперимент по выработке законодателем надлежащего правового обеспечения данного вида общественных отношений, автор приходит к выводам об отсутствии в действующем законодательстве дефиниций «краудфандинг», «токен», «смарт-контракт»; нераспространении на деятельность интернет-платформ краудлендинга законодательства о микрофинансовой деятельности; недостатке специального правового регулирования отношений некоммерческого краудфандинга. Признавая наличие взаимосвязи между продюсерской деятельностью и краудфандингом, в первую очередь, некоммерческим, автор выделяет не связанные с продюсерской деятельностью интернет-платформы краудлендинга, осуществляющие финансирование с целью извлечения прибыли, а не создания результата интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: краудфандинг, продюсерская деятельность, краудинвестинг, краудлендинг, токен, цифровые права.

Краудфандинг – «народное финансирование» (от англ. crowd funding, crowd – «толпа», «множество», «зрители», «народ» и funding – «финансирование»)[1] является способом финансирования проектов и начинаний, реализуемого посредством аккумулирования добровольно предоставляемых физическими или юридическими лицами финансовых ресурсов на базе сети Интернет.

Практика гражданского оборота демонстрирует непрекращающееся увеличение количества общественных отношений, возникающих в сфере краудфандинга: от благотворительности (помощь при стихийных бедствиях, издание книги, запись музыкального альбома, создание фильма, встреча с поклонниками и проч.) и поддержки политических кампаний до финансирования предпринимателей и коммерческих организаций с целью получения прибыли от совместных инвестиций или сбора денежных средств в целях оплаты труда адвоката и компенсации издержек по оказанию им юридической помощи [2]. При этом отечественное законодательство так и не выработало определения для понятия «краудфандинг», что представляется таким же парадоксальным, как и отсутствие определения «продюсерской деятельности»¹.

Между тем в юридической литературе предлагаются самые разнообразные классификации краудфандинга, что объясняется широким кругом правоотношений, входящих в его систему, а также проблемой соотнесения краудфандинга с уже существующими институтами гражданского права в сфере имущественных отношений. Так, выделяют благотворительный краудфандинг, условно-возвратный краудфандинг, краудинвестинг и краудлендинг (В.А. Кузнецов [3, с. 65]); безвозмездный или условно-безвозмездный краудфандинг, условно-возвратный краудфандинг и безусловно-возвратный краудфандинг (Д.А. Котенко [4, с. 141]); благотворительная модель, условно-возвратная модель, модель предварительного приобретения, краудинвестинг и краудлендинг (А.О. Клинов [5, с. 92]) и другие.

На наш взгляд, отправной точкой всех указанных классификаций является признание двух ос-

¹ Понятию и правовой природе продюсерской деятельности посвящены отдельные публикации автора.

См.: Пухалев А.Н. Гражданско-правовые отношения в продюсерской деятельности // Евразийский юридический журнал.– 2017.– № 5 (108). С. 153–155; Пухалев А.Н. Правовой статус продюсера / А.Н. Пухалев, О.К. Кремлева, // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия.– 2017.– № 4. С. 19–26.

новых видов краудфандинга: некоммерческого и коммерческого.

Первый предполагает коллективное финансирование в общественно-полезных целях (социальных, культурных и благотворительных). Второй ставит перед собой цель извлечение прибыли и предполагает возмездный характер взаимоотношений сторон.

Примерами зарубежных интернет-платформ, использующих форму некоммерческого краудфандинга, являются интернет-площадки: 1. «Kickstarter», позволяющая собирать денежные средства на благотворительной основе (искусство, дизайн, музыка, фильмы и проч.); 2. «Indiegogo», осуществляющая коллективный сбор средств на благотворительность, стартап, хобби либо даже личные финансовые нужды; 3. «Charity.gofundme», специализирующаяся исключительно на сборе средств для благотворительных проектов [6].

Аналогичными интернет-площадками некоммерческий краудфандинг представлен и в России. Так, например, «Planeta.ru», одна из крупнейших некоммерческих краудфандинговых платформ, позволяет издать книгу, записать музыкальный альбом, снять фильм, запустить продукт, продвигнуть изобретение, организовать встречу поклонников артиста и т.д. [7]. Еще одной интернет-площадкой является «Boomstarter.ru»: платформа для бизнеса, технологий, творчества и социальных проектов (дизайн, еда, игры, издания, искусство, мероприятия, мода, музыка, общество, спорт, театр, технологии, фильмы и видео, фотография, хореография)¹. Совершенно очевидно, что реализуемые с помощью некоммерческого краудфандинга проекты указывают на его тесную связь с продюсерской деятельностью.

Среди нормативно-правовых актов, специально регулирующих отношения краудфандинга, особо следует выделить Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «ФЗ № 259») [8], а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «ФЗ о цифровых финансовых активах») [9].

Системное толкование ст.ст.2, 5, 8 ФЗ № 259, а также п. 2 ст. 26 ФЗ о цифровых финансовых активах позволяет сделать вывод о том, что не-

¹ Указанную платформу также следует отнести к «некоммерческому краудфандингу», поскольку все проекты могут быть реализованы только как «приватные», что, в свою очередь предполагает, что доступ к ним можно получить только путём перехода по прямой ссылке, при этом заключение инвестиционных соглашений не предусматривается. См.: BOOMSTARTER // Правила [Электронный ресурс]. URL: <https://boomstarter.ru/help/guidelines> (дата обращения: 10.07.2020); BOOMSTARTER // Пользовательское соглашение [Электронный ресурс]. URL: <https://boomstarter.ru/terms-of-use> (дата обращения: 24.02.2020).

коммерческий краудфандинг в России *lex specialis* не регулируется. Специальное правовое регулирование получили лишь общественные отношения в сфере коммерческого краудфандинга.

При этом следует отметить, что, например, в сфере киноиндустрии принятие ФЗ № 259 совпало с замедлением активно развивавшегося до этого момента коммерческого краудфандинга. Так, до вступления в силу ФЗ № 259² указанная сфера была представлена такими краудинвестинговыми проектами, как например, «Cinematix» Константина Хабенского и «BeProducer» Федора Бондарчука.

Платформа «Cinematix» появилась в России в конце июня 2018 года и позволила инвестировать денежные средства в съемки кинофильмов с использованием технологии блокчейн. Поддержка кинопроектов осуществлялась инвесторами через покупку токенов Cinematix.io (CINX), посредством которых производились все взаиморасчеты [10]. В настоящее время проект прекратил свое существование³.

В отличие от «Cinematix» интернет-платформа «BeProducer» Федора Бондарчука является действующей и используется, в первую очередь, для коллективного сбора средств на создание фильмов, мультфильмов, телесериалов и даже театральных постановок [11]. Взаимоотношения сторон коммерческого краудфандинга на указанной выше интернет-платформе схематично выглядят следующим образом: 1. продюсеры размещают заявки о привлечении инвестиций; 2. инвесторы выбирают понравившиеся проекты и вкладывают в них свои денежные средства, взамен чего получают токены; 3. если в ходе сбора средств необходимая сумма не собрана, денежные средства возвращаются инвесторам; 4. «после завершения проката держатели токенов фильма получают выплаты пропорционально своим токенам» [11].

По состоянию на февраль 2020 года площадка «BeProducer» завершила сбор средств для двух проектов: 1) «Вторжение»: новый фантастический фильм Ф. Бондарчука (продолжение кинокартины «Притяжение»), и 2) «Лед 2» (режиссер Ж. Крыжовников) [11]. Следует отметить, что несмотря на формальную активность площадки, сбор денежных средств на новые проекты, также как и в случае с платформой «Cinematix», в настоящее время не производится.

В отличие от уже названных платформ краудинвестинга «BeProducer» и «Cinematix» интернет-платформы отечественного коммерческого краудфандинга, построенные по модели краудлендинга, на наш взгляд, непосредственно с продюсерской деятельностью не связаны, однако также могут использоваться для финансирования созда-

² 01.01.2020

³ По состоянию на февраль 2020 года проект «заморожен», страницы в Twitter, Facebook также не активны. См.: Cinematix переносит премьеру // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3713158> (дата обращения: 24.02.2020).

ния и (или) использования одного либо нескольких объектов авторского и смежных прав. Например, онлайн-платформа Альфа-Банка «Поток» позволяет кредитовать малый и средний бизнес посредством выдачи трёх видов займов: 1) «Классический» (для пополнения оборотных средств, на срок до 6 месяцев и ставкой от 17,3% до 22,3% годовых); 2) «Финансирование факторинговых операций» (займ под поставку товаров в федеральные ритейловые сети на срок до 2 месяцев); и 3) «Займы на исполнение госконтрактов» (на срок до 12 месяцев и ставкой до 25,2% годовых) [12]. Правилами площадки предусмотрено, что договоры займа заключаются в электронной форме, при этом «Поток» стороной договора не выступает, а является лишь посредником, оператором инвестиционной платформы по кредитованию. В настоящее время с помощью данного сервиса 10 тысяч инвесторов ежемесячно размещают до 400 млн рублей займов [13].

Аналогичной площадкой краудлендинга является российский онлайн-сервис «ГОРОД ДЕНЕГ». Компания входит в рабочую группу при Центре компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики Фонда «Сколково», а также в рабочую группу Центрального банка РФ по регулированию краудфандинга [14]. Компания является посредником, позволяющим сторонам при помощи собственной Интернет-площадки заключить договор займа на пополнение оборотных средств, приобретение, обновление или ремонт оборудования, транспортных средств, недвижимости, выкуп доли в бизнесе, а также на личные нужды. Среди указанных онлайн-платформ особое место занимает «StartTrack» – площадка, позволяющая помимо выдачи займов приобрести доли или акции компании [15].

Несмотря на наличие между сторонами заёмных отношений, Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» на деятельность интернет-платформ краудлендинга не распространяется, поскольку данные площадки выступают лишь посредниками, по смыслу закона не осуществляющими микрофинансовую деятельность [16]. Указанные общественные отношения регулируются ФЗ № 259, предполагающим следующие способы инвестирования: предоставление займов; приобретение эмиссионных ценных бумаг, размещаемых с использованием инвестиционной платформы; приобретение утилитарных цифровых прав; а также приобретение цифровых финансовых активов [17].

Необходимость правового обеспечения новых цифровых технологий привела к появлению в 2018 году различных законопроектов (Проект Федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», Проект Федерального закона № 419090–7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», Про-

ект Федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах») [18].

Несмотря на критику со стороны юридического сообщества, многие из них уже приняты и вступили в силу. Однако вопреки бурным дискуссиям в процессе их рассмотрения, в окончательные тексты законов так и не были включены востребованные практикой определения токена и смарт-контракта, содержащихся, например, в Проекте Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» [19]. Вместо токена законодательство предлагает использовать термин «цифровые права». Вместе с тем, в ФЗ о цифровых финансовых активах с 01.01.2021 года предусмотрены оборот цифровой валюты (криптовалюты) и возможность использования «информационной системы на основе распределенного реестра» [20] (технологии блокчейн).

Отдельно следует отметить, что неурегулированный ФЗ № 259 и ФЗ о цифровых финансовых активах некоммерческий краудфандинг в области продюсерской деятельности продолжил свое развитие и после принятия указанных законов, чего нельзя сказать о коммерческом краудфандинге: в сфере киноиндустрии платформы «Cinematix» и «BeProducer» фактически не работают, равно как и не появляются новые интернет-платформы. Действующие же платформы краудлендинга занимаются кредитованием малого и среднего бизнеса, напрямую не связанным с продюсерской деятельностью.

На наш взгляд, помимо спада экономической активности в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и требований ФЗ № 259, ужесточивших регулирование данной сферы отношений (требования к собственному капиталу оператора инвестиционной платформы, включение в реестр операторов инвестиционных платформ Банка России и проч.), другими причинами сложившейся ситуации является отсутствие у законодателя четкой правовой позиции в отношении нормативного регулирования токенов, смарт-контрактов, технологии блокчейн и криптовалюты, а также сложность определения указанных терминов для целей правового регулирования.

Хотелось бы надеяться, что правовой эксперимент с закреплением в отечественном законодательстве института цифровых прав все же позволит со временем выработать адекватное потребностям рынка правовое обеспечение, способствующее развитию коммерческого краудфандинга для отечественных и зарубежных продюсеров.

Литература

1. Словарь иностранных слов / под ред. И. Мостицкого. 2014.
2. Разъяснение Комиссии по этике и стандартам по вопросу использования адвокатом механизма краудфандинга // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 4. 2018.

3. Кузнецов В.А. Краудфандинг – актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1.
4. Котенко Д.А. Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Журнал «Закон». 2014. № 5.
5. Клинов А.О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом // Журнал «Закон». 2018. № 2.
6. Kickstarter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kickstarter.com> (дата обращения: 10.07.2020); Indiegogo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiegogo.com> (дата обращения: 10.07.2020); Charity.gofundme [Электронный ресурс]. URL: <https://charity.gofundme.com> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Коллективное финансирование идей [Электронный ресурс]. URL: <https://planeta.ru/> (дата обращения: 10.07.2020).
8. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // «СПС КонсультантПлюс».
10. Государство. Бизнес. IT. // Интернет-сайт «Tadviser» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Cinematix/> (дата обращения: 10.07.2020).
11. Часто задаваемые вопросы // Интернет-сайт «Beproducer» [Электронный ресурс]. URL: <https://beproducer.pro/faq> (дата обращения: 10.07.2020).
12. ПОТОК // Описание платформы [Электронный ресурс]. URL: <https://investor.potok.digital/faq#6> (дата обращения: 17.07.2020).
13. Альфа-Банк привлек партнера для развития краудфандинговой платформы «Поток» [Электронный ресурс]. URL: <https://alfabank.ru/press/news/2019/10/9/57006.html> (дата обращения: 17.07.2020).
14. Город Денег // Инвестиции в целевые займы бизнесу [Электронный ресурс]. URL: <https://townmoney.ru/investors/> (дата обращения: 17.07.2020).
15. StartTrack Инвестиционная площадка [Электронный ресурс]. URL: <https://starttrack.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
16. «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [Электронный ресурс]: подп. 1) п. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные ак-
ты Российской Федерации» [Электронный ре-
сурс]: ст. 5 Федерального закона от 02.08.2019
№ 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
18. «О внесении изменений в части первую, вто-
рую и статью 1124 части третьей Граждан-
ского кодекса Российской Федерации» [Элек-
тронный ресурс]: Проект Федерального зако-
на № 424632–7 // СПС «КонсультантПлюс»;
«О привлечении инвестиций с использованием
инвестиционных платформ» [Электронный ре-
сурс]: Проект Федерального закона № 419090–
7 // СПС «КонсультантПлюс»; «О цифровых
финансовых активах» [Электронный ресурс]:
Проект Федерального закона № 419059–7 //
СПС «КонсультантПлюс».
19. «Об альтернативных способах привлечения
инвестиций (краудфандинге)» [Электронный
ресурс]: Проект Федерального закона, подго-
товленный Минэкономразвития России // СПС
«КонсультантПлюс».
20. «О цифровых финансовых активах, цифровой
валюте и о внесении изменений в отдельные
законодательные акты Российской Федера-
ции» [Электронный ресурс]: п.п. 2, 7 ст. 1 Фе-
дерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ //
СПС «КонсультантПлюс».

LEGAL REGULATION OF CROWDFUNDING IN PRODUCTION

Pukhalev A.N.
Russian State Institute of Performing Arts

The article examines the existing classifications of crowdfunding, its current state, including tendencies in the development of domestic crowdfunding in response to a new institution of digital rights adopted by Russian legislation. After evaluating the legislator's legal experiment on the development of an appropriate legal support of this type of social relations, the author comes to the following conclusions: the current legislation has not worked out the definitions of "crowdfunding", "token" and "smart contract"; legislation on microfinance activities does not apply to the activities of Internet crowdfunding platforms; there is a lack of special legal regulation of non-commercial crowdfunding relations. Recognizing the existence of an interrelatedness between producing activity and crowdfunding, primarily of non-commercial type, the author identifies not related to producing activity Internet crowdfunding platforms that provide funding for profit-making reasons, but not for creating a result of intellectual activity.

Keywords: crowdfunding, producing activity, crowdinvesting, crowd-lending, token, digital rights.

References

1. Dictionary of foreign words / ed. I. Mostitsky. 2014.
2. Explanation of the Commission on Ethics and Standards on the use of the crowdfunding mechanism by the lawyer // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, no. 2018.
3. Kuznetsov V.A. Crowdfunding – topical regulatory issues // Money and Credit. 2017. No. 1.
4. Kotenko D.A. Crowdfunding is an innovative investment tool // Zakon magazine. 2014. No. 5.
5. Klinov A.O. Legal regulation of crowdfunding in Russia and abroad // Zakon magazine. 2018. No. 2.
6. Kickstarter [Electronic resource]. URL: <https://www.kickstarter.com> (date accessed: 07/10/2020); Indiegogo [Electronic resource]. URL: <https://www.indiegogo.com> (date accessed: 07/10/2020); Charity.gofundme [Electronic resource]. URL: <https://charity.gofundme.com> (date accessed: 07/10/2020).

7. Collective funding of ideas [Electronic resource]. URL: <https://planeta.ru/> (date of access: 10.07.2020).
8. "On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [Electronic resource]: Federal Law dated 02.08.2019 No. 259-FZ // SPS "ConsultantPlus".
9. "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [Electronic resource]: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ // SPS "ConsultantPlus".
10. State. Business. IT. // Website "Tadviser" [Electronic resource]. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Company: Cinematix /](http://www.tadviser.ru/index.php/Company:Cinematix/) (date of access: 10.07.2020).
11. Frequently asked questions // Internet site "Beproducer" [Electronic resource]. URL: <https://beproducer.pro/faq> (date accessed: 10.07.2020).
12. STREAM // Description of the platform [Electronic resource]. URL: <https://investor.potok.digital/faq#6> (date accessed: 17.07.2020).
13. Alfa-Bank has attracted a partner for the development of the Potok crowdfunding platform [Electronic resource]. URL: <https://alfabank.ru/press/news/2019/10/9/57006.html> (date of access: 17.07.2020).
14. City of Money // Investments in targeted loans to business [Electronic resource]. URL: <https://townmoney.ru/investors/> (date accessed: July 17, 2020).
15. StartTrack Investment site [Electronic resource]. URL: <https://starttrack.ru/> (date of access: 17.07.2020).
16. "On microfinance activities and microfinance organizations" [Electronic resource]: sub 1) clause 1 of Art. 2 of the Federal Law of 02.07.2010 No. 151-FZ // SPS "ConsultantPlus".
17. "On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [Electronic resource]: Art. 5 of the Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ // SPS "ConsultantPlus".
18. "On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource]: Draft Federal Law No. 424632-7 // SPS "ConsultantPlus"; "On attracting investments using investment platforms" [Electronic resource]: Draft Federal Law No. 419090-7 // SPS "ConsultantPlus"; "On digital financial assets" [Electronic resource]: Draft Federal Law No. 419059-7 // SPS "ConsultantPlus".
19. "On alternative ways of attracting investments (crowdfunding)" [Electronic resource]: Draft Federal Law, prepared by the Ministry of Economic Development of Russia // SPS "ConsultantPlus".
20. "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [Electronic resource]: pp. 2, 7 Art. 1 of the Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ // SPS "ConsultantPlus".

Общественная опасность преступлений экстремистской направленности

Королёв Юрий Алексеевич,

соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета
E-mail: uzeffkor@mail.ru

Автор обращает внимание на участвовавшие в последние годы в нашей стране случаи привлечения к ответственности по антиэкстремистским статьям уголовного закона лиц, совершивших не представляющие значительной общественной опасности деяния, что подрывает конституционные ценности правового демократического государства. Причина этого кроется в заложенном в действующем уголовном законе понимании преступлений экстремистской направленности. В научной статье также указывается на чрезмерную суровость санкций статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности.

Автор критикует подход законодателя, согласно которому общественная опасность экстремистского преступления презюмируется самим фактом наличия у лица, его совершившего, экстремистского мотива. Вместе с тем, мотив – это факультативный признак субъективной стороны преступления, который влияет на степень и характер общественной опасности деяния, но не должен лежать в основе материально-правового понимания преступлений той или иной категории. Ещё один недостаток легальной дефиниции преступлений экстремистской направленности автор усматривает в том, что она построена на оценочных правовых категориях (таких, как социальная группа, политическая и идеологическая ненависть или вражда).

В научной статье отстаивается позиция, в соответствии с которой уголовно-правовое понятие преступлений экстремистской направленности должно базироваться на объективном признаке состава преступления, свидетельствующем о несомненной общественной опасности деяния, а именно его насильственном характере. Обоснованность этой позиции подтверждается положениями ратифицированных нашей страной международно-правовых актов в области борьбы с экстремизмом. Обращение к зарубежному законодательству показывает, что уголовный запрет на совершение ненасильственных деяний экстремистской направленности установлен лишь в тех странах, которые не имеют в своём арсенале аналог российскому административному праву.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, общественная опасность, уголовное наказание, насильственные преступления.

В последние годы стали нередкостью случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Необоснованность проявляется в применении мер уголовной репрессии к лицам, совершившим не представляющие общественной опасности деяния, не имевшим умысла и не преследовавшим цели возбуждения ненависти либо вражды, а также унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

По верной оценке Е.О. Руевой и А.С. Вразнова, «в Российской Федерации сложилась ситуация, когда даже малозначительные деяния, например публикация М. Мотузной демотиваторов в сети Интернет, признаются экстремистскими преступлениями. В целом, на наш взгляд, направленность государственной уголовной политики приобретает все более репрессивный характер, и фактически любой гражданин страны может быть обвинен, например, по ст. 282 УК РФ при публичном высказывании мнения или публикации материала (доступного для ознакомления иным лицам), отличающихся от одобряемых властными структурами» [1, с. 37].

При этом, также следует согласиться с С.С. Шестало, который отмечает, что «российские средства массовой информации демонстрируют лишь маленький процент от всего количества возбужденных уголовных дел. Нетрудно догадаться, сколько реальных дел рассматривается судами общей юрисдикции на беспочвенной основе и по скольким из них выносятся обвинительные приговоры» [2, с. 65].

Учитывая обширность Интернет-пространства и, в целом, информационной сферы российского общества, можно утверждать, что уголовно-правовые нормы антиэкстремистского законодательства применяются выборочно и с явным нарушением принципов законности, справедливости и равенства граждан перед законом. Это не может не способствовать нагнетанию в обществе атмосферы страха, формированию у людей боязни высказывать своё мнение в публичном пространстве, самоцензуры в средствах массовой информации и укоренению иных подобных негативных черт, присущих авторитарному, а не демократическому государству.

Подобная ситуация подрывает заложенные в Конституции РФ основополагающие ценности,

такие, как свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, запрет цензуры (ст. 29 Конституции РФ), свобода совести, свобода вероисповедания, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения (ст. 29 Конституции РФ) и др. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Нельзя не обратить внимание на чрезмерную суровость санкций статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности. Так, по ч. 1 ст. 282 УК РФ максимальное наказание за совершение такого ненасильственного преступления как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства предусмотрено в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет. А, к примеру, совершение такого насильственного преступления как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью карается по ч. 1 ст. 112 УК РФ максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до трёх лет.

Неоднозначной также выглядит и позиция законодателя, фактически приравнявшего организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) к организации террористического сообщества и участию в нем (ст. 205.4 УК РФ). Максимальная санкция за совершение первого из названных преступлений определена законодателем в виде лишения свободы на срок от шести до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. За совершение второго – предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Однако даже при этом сравнении санкция ст. 282.1 УК РФ выглядит чрезмерно строгой и не соответствующей степени и характеру общественной опасности предусмотренного её нормами деяния.

Правы Д.К. Нечевин и Л.М. Колодкин, подчёркивающие, что «уголовно-правовое принуждение имеет пределы своей эффективности. Легитимное принуждение порождает бунт злых сил, получающий все новые формы проявления. Двадцатый век показал широкий перечень форм насилия от индивидуальных терактов до массового геноцида. Получило реальное подтверждение положение, что обеспечение законопослушания и подчинения государственной власти достигается наряду с духом и буквой справедливого закона интенцией следования нормам морали, включая нормы этики ненасилия» [3, с. 54].

Также нередко необоснованно и неоправданно применяется такая мера противодействия экс-

тремизму, как замораживание банковских счетов лиц, которые лишь подозреваются в совершении экстремистских деяний. Зачастую эта мера явно несоразмерна степени и характеру общественной опасности тех деяний, в совершении которых они подозреваются. В связи с этим вряд ли можно согласиться с П.И. Ивановым, по мнению которого степень «эффективности системы противодействия финансированию терроризма и экстремизма», наряду с прочим, определяется наличием «механизма замораживания активов физических и юридических лиц, подозреваемых в оказании финансовой поддержки терроризму и экстремизму» [4, с. 47].

Чрезмерное и избирательное применение мер уголовно-правового воздействия в сфере борьбы с проявлениями экстремизма, как представляется, вызвано не только недостатками в работе правоохранительных органов, но и изначально обусловлено тем пониманием преступлений экстремистской направленности, которое заложено в действующем уголовном законе. В соответствии с примечанием 2 к статье 282.1 УК РФ, к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Тем самым, с точки зрения законодателя, экстремистское преступление – это совершённое по экстремистским мотивам ненависти или вражды (материальный признак) и предусмотренное уголовным кодексом (формальный признак) деяние. Общественная опасность соответствующего деяния презюмируется самим фактом наличия у лица, его совершившего, экстремистского мотива. Что вряд ли верно, так как мотив – это факультативный признак субъективной стороны преступления. Он, безусловно, может влиять на степень и характер общественной опасности деяния, но не должен лежать в основе материально-правового понимания преступлений той или иной категории.

«Феномен вынужденной репрессии, как пишет В.М. Степашин, обусловлен просчётами законодательного регулирования, избыточностью репрессии на уровне самого уголовного закона» [5, с. 33]. В свою очередь, эффективность уголовно-правового воздействия «обусловлена тем, что необходимая и достаточная минимизация репрессии позволяет: 1) максимально избежать издержек репрессии или нивелировать их значение; 2) в большей степени реализовать уголовно-правовые идеи справедливости и гуманизма; 3) максимально обеспечить возможность достижения целей уголовной ответственности (уголовного наказания); 4) полностью исключить издержки избыточной репрессии» [5, с. 34].

Легальная дефиниция преступлений экстремистской направленности не просто изобилует

оценочными правовыми категориями, но и построена на подобных категориях. В уголовно-правовом контексте не может не вызывать вопросов понимание сущности и границ таких понятий, как социальная группа, а также политическая и идеологическая ненависть или вражда. Это таит в себе немалую опасность, учитывая негативный исторический опыт развития нашей страны, подавляющую часть своей истории существовавшей в рамках авторитарного и тоталитарного политических режимов, отрицавших идеологический плюрализм и политическую конкуренцию, а также преследовавших инакомыслящих.

Уголовно-правовое понятие преступлений экстремистской направленности должно базироваться на объективном признаке состава преступления, свидетельствующем о несомненной общественной опасности деяния. И таковой признак преступного экстремизма широко известен. Им является насилие. Напротив, как абсолютно справедливо подчёркивает С.В. Михайлов, «экстремизм без признака насилия – категория весьма широкая, что обуславливает ее ситуативность и зависимость от контекста, а потому она может служить основанием только административной ответственности» [6, с. 57].

Насилие как основополагающий признак экстремизма зафиксирован и в международно-правовых документах. Так, из конвенционального определения экстремизма, закреплённого в подп. 3 п. 1 ст. 1 ратифицированной нашей страной «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [7] следует, что в уголовно-правовом порядке должны преследоваться лишь насильственные формы проявления экстремизма. Так, согласно этому определению, «экстремизм» понимается как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Строн».

Ненасильственные проявления экстремизма не обладают должной степенью и характером общественной опасности, позволяющими признать их преступными деяниями. В правовом государстве не может быть наказуемо в уголовном порядке деяние, не представляющее общественную опасность. Именно в этом состоит суть и назначение уголовного законодательства, которое как раз и призвано оградить социальные отношения от такого поведения человека, которое представляет общественную опасность, то есть может нанести существенный ущерб социуму.

Общественно опасное деяние представляет собой осознанное поведение лица, которое влечёт за собой возникновение общественно опасных

последствий. Общественно опасными, а, значит, и уголовно наказуемыми, следует признавать лишь такие деяния экстремистской направленности, которые наносят наиболее существенный, значимый вред основополагающим социальным ценностям. Именно таковыми и являются насильственные экстремистские деяния. Общественная опасность насильственных деяний экстремистской направленности существует объективно, законодатель лишь рационализирует и криминализует это свойство, предусматривая за их совершение меру ответственности.

Действительно, во многих зарубежных странах предусмотрен уголовный запрет на совершение ненасильственных деяний экстремистской направленности. К примеру, на публичные высказывания, одобряющие, преуменьшающие или же отрицающие преступления, совершённые нацистским и(или) коммунистическим режимами. Это такие страны, как Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Израиль, Канада, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Франция, Чехия и Швейцария. Однако, российский законодатель имеет в своём распоряжении такой важный инструмент, как административное право, который не известен правовым системам подавляющего большинства стран Европы и Америки. Поэтому вполне можно присоединиться к мнению С.В. Михайлова, согласно которому «юридико-технически экстремистские действия без признака насилия – это, конечно, не уголовные, а административные правонарушения» [6, с. 54].

Также следует оговориться, что признак насилия не должен трактоваться чрезмерно широко и под ним необходимо понимать физическое насилие. Так, в частности, при оценке деятельности организации в качестве экстремистской, как отмечают В.В. Меркурьев и П.В. Агапов, «речь должна идти не о психологическом воздействии или экономическом и политическом давлении (забастовки, шествия, демонстрации и пр.), а о насильственном лишении конституционных органов законодательной, исполнительной и судебной власти возможности осуществлять свои функции и полномочия. Формы такого воспрепятствования могут быть различными, но для признания их антиконституционными необходимо реальное использование насильственных способов для изменения конституционного строя РФ» [8, с. 10].

Завершая анализ, проведённый в рамках настоящей статьи, представляется возможным сделать следующее замечание.

Исходя из представления об общественной опасности как ключевой, базовой материальной основы понятия преступления, в уголовно-правовом порядке должны преследоваться лишь насильственные формы проявления экстремизма. Иные, ненасильственные деяния экстремистской направленности должны получать юридическую оценку в рамках административного, а не уголовного законодательства.

Литература

1. Руева Е.О., Вражнов А.С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.
2. Шестало С.С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Юрист. 2019. № 9. С. 64–69.
3. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53–60.
4. Иванов П.И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 45–50.
5. Степашин В.М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex russica. 2017. № 11. С. 24–37.
6. Михайлов С.В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4. С. 50–63.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Собрание законодательства РФ. 13.10.2003. № 41. Ст. 3947.
8. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Конституционные основания противодействия экстремистской деятельности // Законность. 2019. № 4. С. 8–13.

PUBLIC DANGER OF CRIMES OF AN EXTREMIST ORIENTATION

Korolev Yu.A.

Urals State Law University

The author draws attention to the cases, which have become more frequent in our country in recent years, of prosecution under anti-extremist articles of the criminal law of persons who have committed acts that do not pose a significant public danger, which undermines the constitutional values of a legal democratic state. The reason for this lies in the understanding of crimes of an extremist nature laid

down in the current criminal law. The scientific article also points to the excessive severity of the sanctions of the articles of the criminal law that provide for liability for crimes of an extremist nature.

The author criticizes the legislator's approach, according to which the social danger of an extremist crime is presumed by the very fact that the person who committed it has an extremist motive. At the same time, motive is an optional feature of the subjective side of a crime, which affects the degree and nature of the social danger of an act, but should not underlie the substantive understanding of crimes of a particular category. Another drawback of the legal definition of extremist crimes, the author sees in the fact that it is built on evaluative legal categories (such as social group, political and ideological hatred or enmity).

The scientific article defends the position according to which the criminal law concept of crimes of an extremist orientation should be based on an objective sign of *corpus delicti*, testifying to the undoubted social danger of the act, namely its violent nature. The validity of this position is confirmed by the provisions of international legal acts ratified by our country in the field of combating extremism. An appeal to foreign legislation shows that a criminal ban on the commission of nonviolent acts of an extremist orientation is established only in those countries that do not have an analogue of Russian administrative law in their arsenal.

Keywords: extremism, crimes of extremist orientation, public danger, criminal penalty, violent crimes.

References

1. Rueva E.O., Vrazhnov A.S. Problems of Formulating Definitions in Extremist Crimes // Russian Investigator. 2019. № 4. P. 36–40.
2. Shestalo S.S. A new round of combating extremism: criminal liability for the distribution of prohibited materials on the information and telecommunications network Internet // Lawyer. 2019. № 9. P. 64–69.
3. Nechevin D.K., Kolodkin L.M. Youth extremism and preventive opportunities of ethics of non-violence // Administrative law and process. 2019. № 7. P. 53–60.
4. Ivanov P.I. Countering the financing of terrorism and extremism (in the aspect of international cooperation) // Business Security. 2019. № 4. P. 45–50.
5. Stepashin V.M. The content of the principle of economy of repression // Lex russica. 2017. № 11. S. 24–37.
6. Mikhailov S.V. Legal analysis of the definition of extremism // Judge. 2019. № 4. S. 50–63.
7. Shanghai Convention on the Suppression of Terrorism, Separatism and Extremism (Concluded in Shanghai on June 15, 2001) // Collected Legislation of the Russian Federation. 13.10.2003. № 41. Art. 3947.
8. Merkuriev V.V., Agapov P.V. Constitutional grounds for countering extremist activity // Legality. 2019. № 4. S. 8–13.

Первоначальный и встречный иски, вытекающие из разных договоров в арбитражном процессе: анализ судебной практики

Рогожкин Никита Алексеевич,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

E-mail: Nikita.rogozhkin@mail.ru

Барышников Юрий Владимирович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

E-mail: Yurabar91@gmail.com

В настоящей статье проведен анализ сложившейся судебной практики Арбитражных судов Российской Федерации на предмет принятия встречного искового заявления, основанного на ином договоре, в отличие от первоначального. Рассмотрена статья 132 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающая порядок принятия встречного искового заявления в арбитражном процессе. Обозначена проблема неоднозначности судебной практики ввиду отсутствия детальных разъяснений со стороны Верховного суда Российской Федерации по вопросу принятия встречного иска, основанного на ином договоре. Смоделированы практические ситуации, при которых возможно столкнуться с обозначенной авторами проблемой. Подчеркнута актуальность выделенной проблемы. Предложен возможный способ решения обозначенной проблемы путем обозначения необходимости разъяснений со стороны Пленума Верховного суда Российской Федерации в целях формирования единообразной судебной практики.

Ключевые слова: Арбитражное право, первоначальный иск, встречный иск, Арбитражный процессуальный кодекс, статья 132, судебная практика

Эпоха рыночной экономики и научно-технического прогресса сказывается буквально на всех сферах жизнедеятельности человека, что, безусловно, положительно влияет на развитие гражданских правоотношений и законодательства в целом.

Примечательной особенностью гражданских правоотношений является их широкая распространенность. Каждый день люди вступают в гражданский оборот путем заключения разного рода сделок, налагая на себя те или иные обязательства.

Однако сами обязательства далеко не всегда добросовестно исполняются субъектами по разным причинам, что служит основанием для обращения одной из сторон в суд в порядке статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Учитывая наличие инцидентов недобросовестного исполнения или неисполнения принятых на себя обязательств, обозначенный выше характер гражданских правоотношений позволяет сделать вывод о большом количестве рассматриваемых судами дел, основанных на требованиях, вытекающих из договорных отношений.

Согласно статистике, приведенной на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации, только за 2018 год в Арбитражные суды субъектов Российской Федерации поступило более 2 млн 100 тыс. заявлений [3]. Данный факт подтверждает верность сделанного вывода.

Между тем, судебная практика наглядно иллюстрирует, что не редки ситуации когда у обеих сторон в рамках одного процесса имеются обоюдные требования друг к другу. В таких случаях, как правило, ответчик заявляет встречный иск к истцу (по первоначальному иску) в целях защиты своих интересов.

Порядок предъявления встречного иска закреплен в статье 132 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Указанная норма устанавливает следующие требования к встречному иску:

- 1) встречное требование должно быть направлено к зачету первоначального требования;
- 2) удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска;
- 3) между встречным и первоначальными исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела [1].

Арбитражный суд возвращает встречный иск если отсутствуют указанные условия.

Авторами настоящей статьи представляется актуальным исследование практических ситуаций, при которых первоначальный и встречный иски основаны на разных договорах с участием одних и тех же субъектов. Например, два юридических лица заключили между собой два договора подряда, предметом которых, являются отличающиеся друг от друга строительные работы на одном и том же объекте. Представим, что по первому договору на стороне подрядчика образовалась задолженность перед заказчиком в размере 1 млн руб. По второму же договору задолженность образовалась на стороне заказчика перед подрядчиком в размере 500 тыс. руб. В целях взыскания образовавшейся задолженности заказчик обратился в суд с исковым заявлением к подрядчику с соответствующим требованием. Возникает вопрос: примет ли суд встречный иск подрядчика к заказчику при указанных обстоятельствах?

Сложившаяся судебная практика по данному вопросу весьма неоднозначна. Верховный суд Российской Федерации какой-либо правовой позиции не выражал. Отсюда следует отсутствие единообразия правоприменительной практики.

В информационном письме Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» рассмотрена следующая практика.

Акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к унитарному предприятию о взыскании задолженности по договору строительного подряда. Ответчик в отзыве на иск указал, что он заявляет о зачете встречного однородного требования, поскольку истец имеет перед ним денежный долг по другому договору.

Суд, изучив материалы дела и установив, что между сторонами действительно имеются встречные денежные требования, основанные на разных договорах, иск обоснованно удовлетворил, сославшись на то, что ответчик не воспользовался своим правом на предъявление встречного иска и, кроме того, не лишен возможности защиты своих прав посредством предъявления отдельного иска [2].

Совсем другую позицию занял Арбитражный суд Восточно-сибирского округа в Постановлении от 21 ноября 2014 года № А58–2943/2014. ЗАО «Металлургшахтспецстрой» обратилось в Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) с иском к ЗАО «ПМК-98» о взыскании задолженности по договору на отпуск нефтепродуктов № 84–2011 [4].

ЗАО «ПМК-98», в свою очередь, обратилось со встречным иском к ЗАО «Металлургшахтспецстрой» о взыскании задолженности по договорам подряда № 82–2011/МШШС и № 138–2011/МШСС.

Определением Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 11 июля 2014 года, оставленным без изменения постановлением Четвертого апелляционного суда от 23 сентября 2014 года, встречное исковое заявление возвращено заявителю.

Суд кассационной инстанции, оценивая правомерность действий судов нижестоящих инстанций по отказу в принятии встречного иска, посчитал их правильными, поскольку различные по своему предмету и основаниям возникновения первоначальные и встречные требования влекут необходимость при рассмотрении их судом исследовать различные доказательства и на основании их оценки устанавливать различные юридически значимые для каждого требования обстоятельства, что свидетельствует о том, что предъявление встречного иска не направлено к зачету первоначального иска и что между первоначальным и встречным исками в силу разности требований отсутствует взаимная связь.

Аналогичной позиции придерживается Арбитражный суд Дальневосточного округа в Постановлении от 10 октября 2017 года № Ф03–4087/2017, посчитав, что если заявленные требования по первоначальному и встречному иску основаны на разных договорах, они имеют разные самостоятельные правовые основания и предмет. Следовательно, их совместное рассмотрение не приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела [5].

Таким образом, обобщая изложенное, логично прийти к выводу о необходимости разъяснений со стороны Верховного суда Российской Федерации по вопросу принятия встречного иска, основанного на ином договоре, в отличие от первоначального.

Зачастую принятие встречного иска при указанных обстоятельствах позволит более быстро и правильно рассмотреть дело.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 24.08.2020).
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 24.08.2020).
3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2018 году. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/63C2DB8BB3B9A857FFC01C67750130E4_Obzor_AS_stat_2018.pdf (дата обращения: 24.08.2020).
4. Постановление Арбитражного суда Восточно-сибирского округа от 21 ноября 2014 года по делу № А58–2943/2014 // ИПС «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 октября 2017 года по делу № Ф03–4087/2017 // ИПС «Гарант».

INITIAL AND COUNTERCLAIMS ARISING FROM DIFFERENT CONTRACTS IN THE ARBITRATION PROCESS: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

Rogozhkin N.A., Baryshnikov Yu.V.
Far Eastern Federal University

This article analyzes the existing judicial practice of the Arbitration Courts of the Russian Federation for the acceptance of a counterclaim statement based on a contract other than the original one. Article 132 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, which provides for the procedure for accepting a counterclaim in the arbitration process, is considered. The problem of ambiguity of judicial practice is indicated due to the lack of detailed explanations from the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of accepting a counterclaim based on a different agreement. Practical situations are simulated in which it is possible to face the problem indicated by the authors. The urgency of the selected problem is emphasized. A possible way of solving this problem is proposed by indicating the need for clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in order to form a uniform judicial practice.

Keywords: Arbitration Law, Initial Claim, Counterclaim, Code of Arbitration Procedure, Article 132, Judicial Practice

References

1. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Feder. law of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 08.06.2020) [Electronic resource] Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (date of access: 24.08.2020).
2. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 29, 2001 No. 65 «Review of the practice of resolving disputes related to the termination of obligations by offsetting counter-homogeneous claims» [Electronic resource] Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (date of access: 24.08.2020).
3. Review of judicial statistics on the activities of federal arbitration courts in 2018. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/63C2DB8BB-3B9A857FFC01C67750130E4_Obzor_AS_stat_2018.pdf (date accessed: 24.08.2020).
4. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of November 21, 2014 in case No. A58–2943 / 2014 // IPS “Garant”.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of October 10, 2017 in case No. F03–4087 / 2017 // IPS “Garant”.

О квалификации множественности преступлений в условиях конкуренции норм

Семенова Диана Михайловна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева
E-mail: 5500diana@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений в условиях конкуренции уголовно – правовых норм. Анализируются теоретические положения о понятии и видах конкуренции норм, определяется ее значение для квалификации преступлений. Отмечается, что на этапе конструирования состава преступления необходимо учитывать возможные трудности при квалификации преступлений в целях дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений и единичное преступление. Рассмотренные положения действующего законодательства и судебные позиции показывают, что в настоящее время допускается применение различных правил квалификации преступлений в условиях одного вида конкуренции норм, вопреки принципу законности. Это осложняет правоприменительную проблему разграничения множественности преступлений и единичного сложного преступления. В таких условиях невозможно обеспечить единообразную правоприменительную практику, что противоречит важнейшему принципу уголовного права – принципу справедливости. Делается вывод, что законодательное закрепление учета правил квалификации преступлений в условиях конкуренции уголовного – правовых норм обеспечит решение важнейших вопросов, связанных с необоснованной квалификацией, назначением наказания и определением уголовно – правовых последствий преступления. В заключении предлагаются конкретные правила квалификации преступлений в условиях конкуренции норм.

Ключевые слова: уголовная политика, множественность преступлений, квалификация преступлений, совокупность преступлений, рецидив преступлений, конкуренция норм, единичное преступление, общественная опасность преступления.

На протяжении длительного времени, современное уголовное законодательство характеризуется многочисленными нарушениями системных связей, которые, в частности, выражаются в необоснованной конкуренции норм УК РФ. Конкуренция – нормативный прием правотворчества, законодательной техники, который при этом представляет собой необходимое нормативное регулирование уголовно-правовых отношений. Выделение конкурирующих уголовно-правовых норм (составы которых повторяются друг в друге полностью или частично) осуществляется, чтобы дифференцировать уголовную ответственность за тот или иной вид преступного поведения с учетом общественной опасности [1, с. 162]. Если эта задача остается невыполненной, значит имеет место необоснованная конкуренция уголовно-правовых норм.

При множественности преступлений каждое преступление получает самостоятельную уголовно-правовую оценку и квалифицируется самостоятельно. При конкуренции норм необходимо применить только определенную норму, которая является приоритетной. Как пишет Л.В. Иногамова-Хегай, конкуренция уголовно-правовых норм означает регулирование одного и того же отношения двумя или несколькими нормами, приоритетной из которых является одна (иногда две при неоднократной конкуренции [2, с. 10].

В уголовном законе упоминается лишь об общей и специальной нормах и их конкуренции в процессе уголовно-правовой оценки преступлений (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Специальная норма – это результат конкретизации общей нормы путем дополнения признаками, родственными общему составу. Обычно конкретизации подвергаются свойства потерпевшего, способы совершения преступления, характеристики субъекта, мотив и цель посягательства и др.

Квалификация преступлений по совокупности конкурирующих норм не допускается. Например, С. признана виновной в фальсификации доказательств по уголовному делу, производство по которому осуществляла, и осуждена по ч. 2 ст. 303 УК РФ. На стадии предварительного следствия С. предъявлялось обвинение и по ч. 1 ст. 285 УК РФ в злоупотреблении должностными полномочиями, выраженном в фальсификации доказательств по уголовному делу. В данном примере обосновано исключена из обвинения квалификация по ч. 1 ст. 285 УК РФ, поскольку норма части 2 ст. 303 УК РФ является специальной по отношению к общей норме, закрепленной в ч. 1 ст. 285 УК РФ [3]

В целях правильного разрешения вопросов, возникающих при конкуренции общей и специальной норм, следует обратить внимание на то, что:

1. Преступления с разной формой вины не могут определяться как конкурирующие по схеме общее – специальное. Например, преступление, совершенное по небрежности, не может конкурировать с преступлением, совершенным с умышленной формой вины;

2. Преступление с формальным составом не может признаваться специальным по отношению к преступлению с материальным составом. Данное утверждение не вызывает споров, поскольку объем описания признаков состава преступления в материальных составах полнее, нежели в преступлениях с формальной конструкцией состава преступления;

3. Специальным признается квалифицированный состав по отношению к общему (или привилегированный). К квалифицированным традиционно относят составы предусматривающие усиление ответственности, иными словами составы с отягчающими признаками. Привилегированный состав – это состав с обстоятельствами, смягчающими уголовную ответственность.

Разновидностями конкуренции специальных норм являются: конкуренция квалифицированных составов, конкуренция привилегированных составов, конкуренция привилегированного и квалифицированного составов.

В случае, если конкурируют составы, предусматривающие усиление наказания, применять нужно норму, предусматривающую более строгую меру ответственности, наказания. Напротив, если в конкуренции находятся несколько привилегированных составов, применению подлежит состав, смягчающий ответственность. Если в состоянии конкуренции нормы, смягчающая и отягчающая наказание, то применению подлежит состав, предусматривающий смягчение ответственности и наказания. Например, при конкуренции ст. 106 УК РФ с ч. 2 ст. 105 УК РФ преимущество за ст. 106 УК РФ перед нормой с отягчающими обстоятельствами.

Представляется, что указанные правила конкуренции специальных норм следует закрепить в УК РФ.

В связи с разграничением множественности преступлений и единичного преступления больше всего обсуждается проблема разграничения множественности преступлений и единичных составных преступлений с учтенной совокупностью преступлений, предполагающих конкуренцию норм. Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ не образуют совокупность преступлений ситуации, когда совершение двух или более преступлений прямо указано в статьях Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Судебная практика не всегда ориентируется на соблюдение этой законодательной нормы. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»

от 27 января 1999 г. № 1, указано, что «убийство, сопряженное с разбоем, изнасилованием, похищением человека, бандитизмом, вымогательством, квалифицируется по ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьей УК РФ, предусматривающей ответственность за разбой, вымогательство, похищение человека, бандитизм, изнасилование[4]. Вместе с тем иные правила квалификации – как единичного преступления – при аналогичных обстоятельствах определены по делам о террористических актах, захвате заложника и диверсии, сопряженных с умышленным причинением смерти[5]. Такая противоречивость судебной практики представляется недопустимой.

Согласно принципам законности и справедливости, квалификация преступлений с учтенной совокупностью преступлений должна осуществляться по правилам единичного преступления. Предлагаемое правило квалификации позволяет оценить повышенную общественную опасность фактической совокупности преступлений, отраженную в юридической конструкции состава преступления с учтенной совокупностью, поскольку санкции норм с соответствующими составами повышены.

В теории уголовного права выделяют и другие виды конкуренции уголовно-правовых норм, прежде всего конкуренции части и целого. Этот вид конкуренции означает, что деяние охватывается несколькими нормами, одной из которых полностью описываются все признаки преступления, а другой – только часть. В таком случае применению подлежит норма, описывающая деяние наиболее полно.

Соответственно, конкурирующими признаются п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий) и ч. 2 ст. 112 УК РФ, т.е. умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. Если же последствием превышения должностных полномочий явилась смерть человека, то данное деяние квалифицируется по совокупности ст. 105 УК РФ с п. «в» ст. 286 УК – повлекшее тяжкие последствия.

Отметим, если состав не полностью включается в другой состав, то конкуренция его как части целого отсутствует. Так, в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано, что содеянное взяточполучателем подлежит квалификации как получение взятки за незаконные действия, совершенные в связи со служебным положением, и за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий[6]. Иными словами, злоупотребление должностными полномочиями – это смежное преступление со ст. 290 УК РФ, а не конкурирующее.

Обобщая сказанное, можно заключить, что определение правил применения конкурирующих уголовно-правовых норм позволяет не только грамотно отграничивать данный институт от множе-

ственности преступлений, но и избежать судебных ошибок, влекущих незаконное осуждение или назначение несправедливого наказания. Только точное соблюдение требований уголовного законодательства и правильная юридическая оценка деяния могут гарантировать назначение справедливого наказания.

Вместе с тем, законодательную практику конкуренции норм следует учитывать, конечно, не только с точки зрения облегчения правоприменительной практики, а прежде всего исходя из принципа справедливости и обусловленного им принципа дифференциации уголовной ответственности.

В соответствии с принципом дифференциации уголовной ответственности пределы наказания в специальной норме должны определяться иначе, чем в общей норме; также специальные нормы (одного ряда с общей нормой) должны отличаться по пределам наказания друг от друга. Введение специального запрета с санкцией, повторяющей санкцию общей запрещающей нормы, либо нескольких специальных запретов с аналогичными санкциями заведомо бессмысленно. Тем более будет оцениваться как ошибочное решение о введении специальных составов преступлений, если оно мотивируется возросшей опасностью деяний, а санкции предлагаются более мягкие, чем санкция общей нормы [7, с. 27–28].

В условиях конкуренции норм в целях дифференциации уголовной ответственности предлагается применять следующие правила: 1) если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме; 2) при конкуренции квалифицированных составов применению подлежит состав, устанавливающий наиболее строгую ответственность; 3) если в конкуренции находятся привилегированные составы, применению подлежит норма, предусматривающая менее строгую ответственность; 4) если в конкуренцию вступают квалифицированный и привилегированный состав, применению подлежит норма о привилегированном составе [8, с. 167].

Таким образом, законодательное закрепление правил квалификации преступлений в условиях конкуренции уголовно – правовых норм, имеет первостепенное значение не только в теории, но, прежде всего, на практике, поскольку грамотное решение данной проблемы позволяет преодолеть трудности при разграничении форм множественности преступлений и единичного преступления, соответственно обеспечит назначение справедливого наказания, и определения иных мер уголовно–правового воздействия.

Литература

1. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2019.– 260 с.

2. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография / Л.В. Иногамова-Хегай. – И.: Норма: Инфра-М, 2015.– 288 с.
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2009 г. N11-О09–137 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
4. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 25.06.2020).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 25.08.2020).
6. Постановление Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 N24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=74965> (дата обращения: 10.06.2020).
7. Кленова Т.В. О разграничении смежных и конкурирующих составов преступлений (на примере мошенничества) // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 25–30.
8. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2019.– 260 с.

QUALIFICATION OF MULTIPLE OFFENCES IN THE CONDITION OF THE COMPETITION OF CRIMINAL NORMS

Semenova D.M.

Samara National Research University

The article deals with the problems of qualification of crimes in the competition of criminal – legal norms. Theoretical provisions on the concept and types of competition norms are analysed, determines its importance for the qualification of crimes. Conclude that at the stage of designing the corpus delicti, it is necessary to take into account possible difficulties in qualifying crimes in order to differentiate criminal responsibility for multiple offences and a single crimes. The considered provisions of the current legislation and judicial positions show that at present it is allowed to apply different rules for qualifying crimes in conditions of one type of competition of norms, contrary to the principle of legality. This complicates the law enforcement problem of distinguishing between multiple offenses and a single crime. In this conditions, it is impossible to ensure a uniform law enforcement practice, which contradicts the most important principle of criminal law – the principle of justice. Conclude that the legislative consolidation of the accounting of the rules for qualifying crimes in the context of competition of criminal – legal norms will ensure the solution of the most important issues related to unjustified qualifications, the appointment of punishment and the determination of the criminal – legal consequences of a crime. In the conclusion, specific rules are proposed for the classification of crimes in a competitive environment.

Keywords: criminal policy, multiple offenses, qualification of crime, repeated crime, recidivism, competition of criminal norm, single crime, social danger of crime.

References

1. Semenova D.M. Basis and limits of differentiation of criminal responsibility in conditions of multiple crimes: dis. ... Cand. jurid. sciences. – Samara, 2019.– 260 p.
2. Inogamova-Khegai, L.V. Conceptual foundations of competition in criminal law: monograph / L.V. Inogamova-Khegai. – I. : Norm: Infra-M, 2015.– 288 p.
3. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2009 N11-O09-137 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 8.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on “On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)” dated January 27, 1999 No. 1. [Electronic resource] // Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (date accessed: June 25, 2020).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 “On some issues of judicial practice in criminal cases on terrorist crimes.” [Electronic resource] // Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (date of access: 25.08.2020).
6. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 N24 “On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes” [Electronic resource] // Access mode: URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=74965> (date accessed: 10.06.2020).
7. Klenova T.V. On the distinction between adjacent and competing offenses (for example, fraud) // Criminal justice. 2014.No. 1.P. 25–30.
8. Semenova D.M. Basis and limits of differentiation of criminal responsibility in conditions of multiple crimes: dis. ... Cand. jurid. sciences. – Samara, 2019.– 260 p.

Хаметова Альфия Рашидовна,

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет кафедра уголовного процесса и криминалистики»

E-mail: raschidova@rambler.ru

Решение экономических конфликтов, как и любых других, неизбежно требует процедуры доказывания наличия или отсутствия определенных элементов, которые стали причиной их возникновения. Одним из средств доказывания в уголовном процессе является судебная экономическая экспертиза. Классификация судебных экспертиз является до настоящего времени достаточно подвижной и меняющейся с точки зрения различных ученых и специалистов. Статистика последних лет свидетельствует о постоянном росте количества выполненных судебных экономических экспертиз и специальных экономических исследований, что значительно увеличивает нагрузку на экспертов, а это, в свою очередь, приводит к затягиванию сроков производства экспертиз, выходящих за рамки 30 суток, а также усугубляет другие возникающие проблемы в ходе производства судебных экспертиз.

В представленной статье автором поставлена цель исследовать место судебной экономической экспертизы в уголовном процессе, перечислены задачи, предметы и объекты экономической экспертизы, затронуты проблемы классификации судебных экспертиз, проблемы, возникающие в ходе назначения и производства судебных экономических экспертиз, описана структура экспертного заключения, требования по структуре и содержанию экспертных документов, составляемых по результатам исполнения постановлений и определений о назначении экспертизы, сформулированы соответствующие выводы.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, экспертное заключение, уголовный процесс, экономические преступления.

Уголовный процесс – это регламентированная уголовно-процессуальным законом система упорядоченных действий по возбуждению, расследованию, рассмотрению, а также разрешению уголовных дел. В уголовном процессе выделяются досудебное и судебное производство, каждое из которых состоит из стадий, то есть взаимосвязанных и относительно самостоятельных частей процесса, отделенных итоговыми процессуальными решениями.

Каково же место судебно-экономической экспертизы в уголовном процессе и когда возникает необходимость в ней? Прежде чем дать ответ на указанный вопрос, необходимо рассмотреть понятие экспертизы.

По определению доктора юридических наук Чаадаева С.Г., «экспертиза предполагает исследование и решение опытными специалистами вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, экономики... или других отраслей знаний с целью профессиональной оценки степени соответствия исследуемого объекта тем или иным заданным характеристикам» [5].

Решение экономических конфликтов, как и любых других, неизбежно требует процедуры доказывания наличия или отсутствия определенных элементов, которые стали причиной их возникновения. Одним из средств доказывания в уголовном процессе является судебная экономическая экспертиза. Говоря о роли судебной экономической экспертизы как средства доказывания следует определить понятие доказывания и доказательства. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, доказывание заключается в сборе, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства. В уголовном производстве подлежат доказыванию: событие уголовного правонарушения; виновность обвиняемого; вид и размер вреда, причиненного правонарушением и др. Итак, хотя процессуальное законодательство не определяет проведение судебной экономической экспертизы как обязательное – размер ущерба в экономических преступлениях, который подлежит обязательному доказыванию в большинстве случаев эффективно может быть установлен путем проведения именно судебной экономической экспертизы. Сбор доказательств осуществляется сторонами уголовного производства, потерпевшим, в том числе путем получения заключений экспертов. Таким образом, проведение судебной экономической экспертизы является способом сбора доказательств сторонами уголовного производства. При этом заключение эксперта в качестве допустимого доказа-

тельства может быть признано лишь при соблюдении норм процессуального права и как результат судебной экспертизы, которая была назначена и проведена после возбуждения уголовного дела [4, с. 235]

Предметом судебно-экономической экспертизы являются факты, обстоятельства и фактические данные, устанавливаемые посредством судебной экспертизы.

Действительно, исследовав документы относительно осуществления хозяйственной операции эксперт-экономист подтверждает факт фиксации в документах информации о факте совершения хозяйственной операции, то есть эксперт-экономист одновременно устанавливает информацию о факте совершения хозяйственной операции в прошлом и факт отражения такой информации в соответствующих документах. Следует отметить, что в случае установления экспертом какого-либо факта при оформлении экспертизы в ней будут уже изложены данные, сведения, информация о факте, установленном во время исследования, что согласуется с определением судебной экспертизы как источника доказательств (фактических данных).

По признаку роли судебной экономической экспертизы и экспертного экономического исследования в разрешении и профилактике конфликта спорные экономические ситуации можно классифицировать следующим образом:

1. Предсказуемо конфликтные – спорные экономические ситуации, которые не достигли стадии их восприятия как конфликтных. Возникают, когда при осуществлении хозяйственной деятельности субъект экономических отношений предполагает, что его действия могут быть не восприняты другой стороной, вызвать спорную ситуацию. Роль экспертного экономического исследования сводится к анализу возможных спорных вариантов оценки контролирующими органами или контрагентами экономических отношений с последующим подтверждением или опровержением их правильности. Варианты такой оценки, как правило, указываются заказчиком в вопросе, который ставится на разрешение. Низкая эффективность экспертного исследования в предотвращении предполагаемых конфликтов вызвана большим количеством вариантов оценки конкретной экономической ситуации и невозможностью обработки исчерпывающего количества этих вариантов. Заказчиками таких экспертных экономических исследований могут быть как работники правоохранительных органов, которые изучают наличие экономических признаков преступления, так и субъекты экономических отношений, желающие провести независимый анализ своих действий или независимо оценить действия других лиц в отношении себя. Роль экспертного исследования в таких ситуациях имеет признаки профилактики конфликтов. После независимого оценивания экспертом спорной ситуации стадия его восприятия сторонами как конфликтной может и не наступить.

2. Внутрихозяйственные – возникают в пределах одного субъекта хозяйственной деятельности, между его структурными подразделениями или между управляющей компанией и компанией, которая управляется. Такие экономические споры редко заходят в сектор конфликтных, поскольку в связи с тем, что участники взаимодействия в этом случае, как правило, имеют единое руководство, которое и принимает окончательное решение. Роль экспертных исследований в таких ситуациях сводится к прогнозированию последствий и эффективности управленческих решений. На решение экспертам могут ставиться вопросы о сравнении экономических эффектов от принятия нескольких вариантов альтернативных управленческих решений.

3. Хозяйственные – спорные ситуации, которые вошли в конфликтную стадию, возникающие в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности между юридическими лицами. Как правило, такие конфликты возникают вследствие несоблюдения условий заключенных договоров. Роль судебной экономической экспертизы при решении такого рода конфликтов сводится к установлению суммы задолженности одного лица перед другим, суммы вноса в совместную деятельность, факта выполнения или невыполнения других элементов отношений, установленных договорами хозяйствующих субъектов.

4. Гражданские – спорные ситуации, которые вошли в конфликтную стадию и возникли в отношениях, где хотя бы одной из сторон является физическое лицо. К такого рода конфликтам можно отнести трудовые споры, споры, связанные с социальными выплатами. Задачами, разрешаемыми судебной экономической экспертизой при решении такого рода конфликтов, является установление задолженности по заработной плате, обоснованности выплаты заработной платы и размера пенсионных выплат и др.

5. Уголовные-спорные ситуации, вошедшие в конфликтную стадию и возникшие между государством и субъектами экономической деятельности вследствие оценки правоохранительными органами экономической деятельности субъектов хозяйствования, как посягающей на охраняемые уголовным законом отношения. Роль судебной экономической экспертизы при решении такого рода конфликтов сводится к установлению экономической составляющей действий субъектов экономических отношений, которые квалифицируются как преступление. Следовательно, судебная экономическая экспертиза, одной из задач которой является установление элементов состава экономических преступлений, для выяснения которых необходимы специальные экономические знания, участвует в процессе разрушения систем противоправного поведения в сфере экономики.

В последние годы настоятельно чувствуется необходимость углубленного рассмотрения и комплексного разрешения проблем, возникающих

при производстве судебно-экономических экспертиз в уголовном процессе.

Классификация судебных экспертиз является до настоящего времени достаточно подвижной и меняющейся с точки зрения различных ученых и специалистов. Однако, общим является то, что большинство авторов различают четыре уровня экспертиз – классы(типы), роды, виды и подвиды.

В приложении к приказу МВД России от 29.06.2006 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» судебные экономические экспертизы подразделяются на роды – бухгалтерская, налоговая, товароведческая, финансово-аналитическая и финансово-кредитная.

Согласно приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 различают бухгалтерскую и финансово-экономическую экспертизу, при этом, последняя разграничивается на налоговую, финансово-кредитную, инженерно-экономическую и экспертизу финансового состояния [3].

Судебные экономические экспертизы назначаются по собственному усмотрению следователя и суда с учетом возникших следственных или судебных ситуаций при условии, что для производства указанной экспертизы собраны необходимые материалы, объекты пригодны и допустимы для исследования и вопросы стоят в пределах компетенции эксперта и не касаются правовой оценки исследуемых действия, фактов, операций или событий.

Движущей силой для запуска соответствующих механизмов является квалификация таких систем поведения, как противоправных в уголовном законодательстве. Таким образом, создание конкурентоспособной экономики напрямую зависит от совершенства ее уголовного законодательства. Преступные схемы экономической деятельности, теряя свои основные качества, характеристики и параметры, делают их преступными, создают предпосылки для формирования систем экономических взаимодействий нового уровня. Хаос раскрывает положительную роль хаоса и считается, что все новое рождается через хаос, который понимается как такое состояние системы любой природы, когда она теряет свои основные качества, характеристики и параметры. Исходя из принципов экономической синергетики (нового направления экономического анализа), которая переносит центр тяжести на такие явления, как неравновесность и нелинейность в развитии экономических систем, разрушение, в том числе преступных схем взаимодействий, является закономерным этапом развития экономики на пути стремления к формированию качественной экономики региона. Следовательно, закономерным является наличие инструментов, обеспечивающих этот процесс. Судебная экономическая экспертиза, которая с точки зрения права является процессуальным действием, автором рассматривается как современная форма од-

ного из инструментов, которая участвует в комплексе действий по разрушению форм нежелательных экономических систем, создавая «хаос» как предпосылку для создания новых. При этом формирование этих предпосылок до конца не обеспечивает принципиальное качество новых систем экономических взаимодействий, а лишь гарантирует их отличие от разрушенных в этом месте, в это время. В условиях несовершенства законодательства, регулирующего экономические отношения, законодательства, которое не обеспечивает условия развития хозяйствующих субъектов в правовом поле, разрушение старых преступных схем экономических отношений вызывает на первом этапе формирования маргинального поведения хозяйствующих субъектов, внутренне несогласных с требованиями норм права, регулирующими экономические отношения. На втором этапе такое разрушение вызывает формирование новых преступных схем экономических отношений более высокого уровня совершенства, направленного на противодействие их разрушению. Таким образом, процесс формирования качественной экономики должен быть направлен не только на уничтожение последствий нежелательных для экономики региона управленческих решений, не только на формирование «страха» быть за это наказанным, но и на формирование предпосылок для принятия управленцами на микроуровне таких решений, которые обеспечат положительный направление развития экономики региона в целом. Хаос, создаваемый вследствие разрушения нежелательных схем экономического поведения, является конструктивным. Конструктивный хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей, разрушительен на основе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению – утверждают известные специалисты в области синергетики.

Процесс строительства качественной экономики является таким, который длится непрерывно, поскольку все, что строится, должно быть разрушено для строительства нового – более совершенного. Формирование культуры бизнеса наряду с невозможностью полного уничтожения нежелательных схем экономического поведения обеспечивает определенное соотношение между порядком и хаосом, вызванным разрушением соответствующих схем поведения. Так размеренно и ритмично творится вся Природа, всегда резервируя место для инкубационного периода. Информация, возникает при разрешении конфликтных ситуаций, связанных с разрушением нежелательных схем экономического поведения и последствий этого разрушения, в дальнейшем выступает регулятором управленческих решений других хозяйствующих субъектов на перекрестке между «качественной экономикой» и «теневой экономикой». Следовательно, отделение экономической информации конфликтных ситуаций из общего массива экономической информации и изучения механизма и последствий ее влияния на управленческие

решения, совершенствование механизмов ее создание позволит получить экономический эффект от положительного влияния на управленческие решения в долгосрочной перспективе.

Для координации и четкой организации процесса расследования проведение экспертизы необходимо мероприятия по подготовке и назначению экспертизы включить в общий план расследования преступления. Согласно пункту 11 части 4 ст. 47 УПК РФ [1] следователь должен ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы, кроме того, обвиняемый вправе «ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта».

В ходе предварительного исследования объектов экспертизы следователю (или суду) важно определить круг вопросов, подлежащих экспертному решению, а также правильно сформулировать указанные вопросы в постановлении (определении) о назначении экспертизы. При этом, если эксперт считает, что имеющиеся материалы недостаточны для составления заключения, он может ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов или в письменной форме дать ответ следователю (или суду) о невозможности составить заключение по предоставленным материалам.

Согласно ст. 80 УПК РФ «заключение эксперта – предоставленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» [1].

Основными элементами согласно ч. 1 ст. 204 УПК РФ [1] являются: 1) дата, время и место производства судебной экспертизы; 2) основания производства судебной экспертизы; 3) должностное лицо, назначившее судебную экспертизу; 4) сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность; 5) сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; 6) вопросы, поставленные перед экспертом; 7) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы; 8) данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы; 9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик; 10) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

В соответствии с приказом МВД России от 29.06.2005 г. № 511 (ред. от 27.06.2019 г.) заключение эксперта включает в себя – введение, исследование и выводы [2].

В исследовательской части указывают: применяемые методы; нормативно-правовые акты; общие характеристики исследуемых лиц (адрес, регистрация, виды деятельности, руководитель и пр.); пронумерованные результаты исследования по поставленным вопросам; использованные

методики решения поставленных вопросов; аналитические таблицы с анализом приведенных данных; промежуточные выводы по каждому вопросу.

В выводах излагаются ответы на поставленные вопросы.

К заключению прикладывают таблицы, схемы, графики и другие материалы, подтверждающие выводы эксперта. Если сделать выводы по поставленным вопросам затруднено, эксперт составляет письменное сообщение о невозможности дать заключение, о чем говорится в ч. 1 ст. 206 УПК РФ [1].

Статистика последних лет свидетельствует о постоянном росте количества выполненных судебных экономических экспертиз и специальных экономических исследований, что значительно увеличивает нагрузку на экспертов, а это, в свою очередь, приводит к затягиванию сроков производства экспертиз, выходящих за рамки 30 суток, а также усугубляет другие возникающие проблемы в ходе производства судебных экспертиз.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что значение экспертиз в уголовном процессе трудно переоценить, поэтому следует продолжать работы по расширению потенциала экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования экономических и других преступлений.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2006 № 511 (ред. от 27.06.2019) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
3. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70209342/#review/>
4. Кузнецов, А.П. Экономическое преступление и экономическая преступность: соотношение понятий / А.П. Кузнецов д.ю.н. // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017.– № 3(39). – С. 235–239. // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-prestuplenie-i-ekonomicheskaya-prestupnost-sootnoshenie-ponyatiy>

5. Чаадаев, С.Г. Судебно-экономическая экспертиза / С.Г. Чаадаев, д.ю.н., профессор Международной академии информатизации М.В. Чадин, преподаватель МГЮА // Режим доступа: <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/chaadaev/chaadaev.asp>)

FORENSIC ECONOMIC EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Khametova A.R.

Orenburg State University

The solution of economic conflicts, like any other, inevitably requires a procedure to prove the presence or absence of certain elements that caused them to arise. One of the means of proof in criminal proceedings is a forensic economic examination. The classification of forensic examinations is still quite mobile and changing from the point of view of various scientists and specialists. Statistics of recent years indicate a constant increase in the number of performed forensic economic examinations and special economic studies, which significantly increases the workload on experts, and this, in turn, leads to a delay in the production of examinations beyond 30 days, and also aggravates other emerging problems during the production of forensic examinations.

In the presented article, the author sets the goal to investigate the place of forensic economic expertise in the criminal process, lists the tasks, objects and objects of economic expertise, touches upon the problems of classification of forensic examinations, problems arising in the course of the appointment and production of forensic economic examinations, describes the structure of the expert opinion, requirements for the structure and the content of expert documents drawn up based on the results of the execution of decisions and determinations on the appointment of an examination, the corresponding conclusions were formulated.

Keywords: forensic economic examination, expert opinion, criminal procedure, economic crimes.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: officer. text: from 18.12.2001 N174-FZ (revised from 02.08.2019) // Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2006 No. 511 (as amended on June 27, 2019) // Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
3. On the approval of the List of types (types) of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties for which the right to independently produce forensic examinations in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia by order of the Ministry of Justice of Russia dated December 27 .2012 No. 237 // Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70209342/#review/>
4. Kuznetsov, A.P. Economic crime and economic crime: the relationship of concepts / A.P. Kuznetsov, Doctor of Law // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. – No. 3 (39). – S. 235–239. // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-prestuplenie-i-ekonomicheskaya-prestupnost-sootnoshenie-ponyatiy>
5. Chaadaev S.G. Forensic economic examination / S.G. Chaadaev, Doctor of Law, Professor of the International Academy of Informatization M.V. Chadin, teacher of Moscow State Law Academy // Access mode: <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/chaadaev/chaadaev.asp>)

Прогностические направления организационно-институционального и правового обеспечения эффективного функционирования информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза

Агамиров Карэн Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН
E-mail: agamirow@yandex.ru

Инновационный сегмент «зоны знаний» евразийского интеграционного образования в ее экономической, политической, социокультурной, информационной сферах основывается в своем развитии на интегративном прогностическом подходе, позволяющим проводить с использованием методологии юридического прогнозирования межотраслевые исследования по научному сопровождению процессов модернизации правовой системы Евразийского экономического союза. Информация в истории цивилизации играла и продолжает играть определяющую роль в принятии решений на всех уровнях политической системы. Информационная сфера «зоны знаний» Евразийского экономического союза обеспечивает другие сферы коммуникативной связью, способствующей формированию модели глобального информационного сообщества ЕАЭС, отвечающего направленному совершенствованию общественных, научно-технических и технологических отношений между странами-участниками интеграционного объединения. В статье исследуются прогностические направления информационной индустрии на евразийском пространстве и предлагаются меры по обеспечению информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза организационной и нормативно-правовой базой.

Ключевые слова: «зона знаний» ЕАЭС, информационная сфера «зоны знаний» ЕАЭС, правовая система ЕАЭС, юридическое прогнозирование, Информационный центр ЕАЭС, Информационный кодекс ЕАЭС.

«Зона знаний» является результатом непрерывной интеллектуальной деятельности с творческим и репродуктивным началом по созданию, обработке и локализации в физическом и виртуальном пространстве измерении коммерческого или некоммерческого нематериального продукта, обеспеченного правовой защитой как объект интеллектуальной собственности. Являясь фундаментом производственных инноваций, интеллектуальные продукты обеспечивают логическое продолжение результатов интеллектуальной деятельности в виде их материализации как в объектах промышленной, литературно-художественной и иных видах собственности, так и в средствах индивидуализации субъектов гражданского оборота товаров и услуг. При этом теоретическая (духовная) и практическая (материальная) составные части «зоны знаний» представляют собой взаимопроникающие сосуды, посредством которых обеспечивается перевод интеллектуального (гуманитарного) капитала в промышленные технологии, которые служат стратегическими факторами экономического, политического и духовного развития национальных государств. Система «зоны знаний» ЕАЭС состоит из экономической, политической, социокультурной и информационной сфер, отражающих соответственно общее экономическое, политическое, социокультурное и информационное пространство. Каждая из сфер системы имеет свои уровни, которые можно классифицировать в зависимости от результатов деятельности:

а) межгосударственных образований; транснациональных корпораций и политических объединений; коопераций и интеграций предприятий и учреждений;

б) совместных правотворческих органов;

в) совместных правоприменительных органов.

Правовая система ЕАЭС состоит из нормативно-правового обеспечения соответствующих сфер (нормативная часть) и организационно-институциональной части, регламентирующей деятельность органов управления ЕАЭС: Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии, Суда Евразийского экономического союза, а также включает в себя процессы пра-

вообразования, законотворчества, правореализации и правоприменения [2].

Юридическое прогнозирование, будучи фактором совершенствования российской правовой системы [3], является также условием поступательного развития экономики знаний, «зоны знаний» и правовой системы ЕАЭС и рассматривается как идеологема или руководящее начало для всякой правовой политики, субъект которой исходит из протяженности во времени процессов, происходящих в системе права – как обобщенных, так и персонализированных [7]. Вполне очевидно, что темпоральный аспект деятельности обеспечивает ее развертывание в пространстве материальных и нематериальных ограничений, поэтому плохо продуманная правовая политика, совмещенная с пробельной юридической базой и противоречиями в законодательстве, с необходимостью влечет за собой сбои в реализации социальной, экономической и национальной политики [8]. Это диктует необходимость применения к правовому регулированию системного прогностического подхода, использующего методологию юридического прогнозирования [1], с его последующим использованием в междисциплинарных разработках по научному обеспечению процессов совершенствования правовой системы интеграционного объединения [2].

Информационная сфера «зоны знаний» ЕАЭС является гарантом полноценного функционирования всех других указанных сфер, так как без соответствующего информационного обеспечения их работоспособность снижается, межсистемный обмен не представляется возможным. Исключительно продуктивной представляется идея формирования модели информационного общества, соответствующей совершенствованию общественных и технологических процессов и базирующейся на таких явлениях (и соответствующих им понятиях), как информационная культура, информационный рынок труда, информационная инфраструктура, информатизация социальных технологий [9]. Рассуждая по аналогии, в законодательстве также должна формироваться область чисто информационных объектов регулирования, что мы сейчас и наблюдаем.

Информационная сфера «зоны знаний» задает стандарты преподнесения информации об информационной политике участников интеграционного объединения для ликвидации информационного дисбаланса между ними. Необходимо последовательно проводить информационную политику, направленную на повышение интереса средств массовой коммуникации к происходящим в странах-участницах событиям и связанным с интеграцией проблемам. Пока что он очень низкий [5].

Инновационные направления информационной индустрии на евразийском пространстве в прогностическом плане включают в себя:

- модернизацию ИКТ в области оборота информации;
- инновационные исследования по защите интеллектуальной собственности;

- совершенствование инновационных ИКТ в сфере цифровизации;
- становление инновационного исследовательского евразийского пространства, в том числе в социальных сетях;
- формирование на пространстве Евразии новых ИКТ, способствующих воспроизводству коммерчески востребованных технологических направлений, обеспечивающих повышение производительности труда, улучшение экологической безопасности и рост уровня удовлетворенности потребителей;
- общее обнуление в странах-участницах ЕАЭС пошлин на ввоз информационно-коммуникационных материалов и оборудования;
- бюджетные субсидии на ввоз в страны интеграционного объединения наукоемкого оборудования [10].

Все отмеченные направления будут нуждаться в соответствующем правовом сопровождении. Обеспечение эффективного единого информационного пространства ЕАЭС подразумевает совершенствование правового регулирования в области оборота информации, интеллектуальной собственности и современных цифровых технологий, формирование исследовательских пространств, в том числе в социальных сетях, и образование в итоге Информационного центра ЕАЭС.

Такой Центр представляется весьма актуальной организационно-институциональной структурой информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза. Как уже отмечалось, интерес к проблемам интеграционного союза пока что очень невысокий, информационные инициативы имеют частный и единичный характер, и это вызвано в первую очередь отсутствием единых масс-медиа, которые преподносили бы оперативную и актуальную информацию о процессах в ЕАЭС. Для того, чтобы информационная составляющая информационной сферы «зоны знаний» ЕАЭС сыграла свою роль, требуется запуск новых, открытых для СМИ публичных проектов (региональных в том числе), освещение регулярных пресс-конференций, сотрудничества с заинтересованными НКО, активности в социальных сетях, внедрение интерактивного онлайн-формата конференций и вебинаров. Надо разъяснять людям, для чего нужна евразийская интеграция, в чем состоят ее цели, какова польза от нее отдельному гражданину и его стране [6]. Предлагаемый к образованию Информационный центр ЕАЭС мог бы сыграть в этом деле большую консолидирующую роль. Для социального организма обмен данными представляется тем же, чем является по своей сути круговорот воды в биосфере или система кровообращения у животного. Без надлежащего информационного обеспечения оказывается затрудненным и управление (субординационные отношения), и самоуправление (координационные отношения). Все процессы, в ходе которых обретают свою самостоятельность субъекты принятия решений как в частной, так и публичной сферах,

объективно зависят от степени информационной поддержки, а та в свою очередь – от налаженных потоков и каналов коммуникации [11].

Нормативно-правовая база информационной сферы «зоны знаний» ЕАЭС включает в себя решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22 августа 2017 г. № 100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года» и Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2018 г. №37 «О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на 2019–2020 годы». В этих документах, чья разработка осуществлялась по заранее продуманному плану, учитывающему накопленный в разных политических сообществах регулятивный опыт, заложены основы нормативной модели, гармонизирующей всю совокупность различных форм информационного взаимодействия между субъектами экономики, политики и права. Здесь определены приоритетные объекты правового воздействия, направления развития соответствующей сферы, выстроен вектор на интеграцию разнообразных уже существующих информационных систем (здесь стандартизация представляется особенно необходимой). Названные выше документы призваны служить делу проектирования единой информационной системы ЕАЭС. Благодаря их последовательной реализации потоковый обмен данными приобретет те необходимые ему качества (криптографическая защищенность контента, кроссплатформенная поддержка интегрируемых систем, модернизируемость инфраструктуры и пр.), которые в своем единстве позволяют обеспечивать комфортное, безопасное, устойчивое, развивающееся использование информации различными субъектами экономического обмена, а также политических и правовых институциональных образований.

Российская Федерация внесла свою лепту в правовое обеспечение этой важнейшей сферы «зоны знаний»: распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2017 г. № 583-р утверждены Концепция создания национального сегмента Российской Федерации интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза и План мероприятий по реализации Концепции создания национального сегмента Российской Федерации интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза, в которых раскрывается общее видение процесса создания национального сегмента Российской Федерации интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза, определяются основные цели и задачи создания национального сегмента, его информационно-технологическая архитектура, порядок информационного взаимодействия и обеспечения информационной безопасности, этапы создания, функционирования и развития, источники финан-

сового обеспечения работ по созданию, функционированию и развитию национального сегмента и пр. с целью обеспечения эффективного межгосударственного информационного взаимодействия уполномоченных органов, юридических лиц и формирования единого трансграничного пространства доверия в рамках Союза.

Нарастающая информатизация общества и образование глобального информационного пространства, направленного на эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах, требуют соответствующего законодательного сопровождения. Представляется, что для реализации масштабного проекта образования на просторах ЕАЭС единого информационного пространства и эффективного законодательного регулирования информационных отношений между странами-участницами указанные акты и новые законодательные установления, регламентирующие отмеченные ранее направления, а также электронную торговлю, электронный документооборот, информационную безопасность и борьбу с киберпреступностью на евразийском пространстве, право граждан и организаций ЕАЭС на информацию и пр., могут быть объединены в Информационном кодексе интеграционного объединения, разработка и принятие которого в совокупности с образованием Информационного центра евразийского содружества обозначили бы организационно-институциональную и правовую финализацию инновационных прорывов в информационной сфере «зоны знаний» Евразийского экономического союза.

Литература

1. Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2015.– 408 с.
2. Агамиров К.В. Прогностический аспект развития экономики знаний в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и ее правовое обеспечение // Юридическая наука.– 2019.– № 2. – С. 11–19.
3. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как средство научной обоснованности законотворческой деятельности // Российская юстиция.– 2019.– № 5. – С. 2–5.
4. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права.– 2018.– № 8. – С. 25–36.
5. Информационное пространство ЕАЭС станет единым. URL: <http://snob.kg/pro-novosti/odno-ipo-tomu/item/350-informatsionnoe-prostranstvo-eaes-stanet-edinym> (дата обращения – 25.07.2020).
6. Информационное сопровождение ЕАЭС. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/91> (дата обращения – 25.07.2020).

7. Малько А.В. Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь.– 2012.– № 1. – С. 8–14.
8. Малько А.В. Правотворческая политика как особая форма реализации правовой политики // Правотворческая политика в современной России: Курс лекций / Под. ред. А.В. Малько. – Саратов: СГЮА, 2013. – С. 7–25.
9. Черемисинова М.Е. Формирование правовой модели информационного общества // В кн.: Правовые модели и реальность / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М: ИНФРА-М, 2016. С. 45–66.
10. Чубаров С.В. Инновации в информационных технологиях в РФ. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014006765> (дата обращения – 25.07.2020).
11. Якушенко К.В., Шиманская А.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС // Новости науки и технологий.– 2017.– № 2. – С. 11–20.

PREDICTIVE DIRECTIONS OF INSTITUTIONAL AND LEGAL SUPPORT FROM THE “ZONE OF KNOWLEDGE” IN EURASIAN ECONOMIC UNION (EEU)

Agamirov K.V.

Institute of State and Law of RAS

The “zone of knowledge” is an innovative space in the Eurasian Economic Union (EEU), which all social subsystems are interconnected. The dynamics of integration, variety of integrational forms, and multiplicity of regulative tools are based on intellectual support. The predictive approach plays in this system a key role. It is possible to integrate studies on legal modernization on a legal system of the EEU with methodology of forecasting. Information in the history of a civilization played the great role in decision-making at all levels of political system. The information sphere of “a zone of knowledge” provides other spheres in the EEU with the effective communication, by which models of the global information community are formed. This communication is the base for the directed improve-

ment of public, scientific, and technological relations between member countries of EEU. In article the predictive directions of information industry on the Eurasian space are investigated and measures for providing the information sphere of “a zone of knowledge” of the Eurasian Economic Union institutional and a regulatory framework are proposed.

Keywords: “zone of knowledge” of EEU, information sphere of “zone of knowledge” of EEU, legal system of EEU, legal forecasting, EEU Information center, Information code of EEU.

References

1. Agamirov K.V. Problems of legal forecasting: methodology, theory, practice. – М.: YURKOMPANI, 2015.– 408 p.
2. Agamirov K.V. The predictive aspect of the development of the knowledge economy in the Eurasian Economic Union (EAEU) and its legal support // Legal Science.– 2019. – No. 2. – P. 11–19.
3. Agamirov K.V. Legal forecasting as a means of scientific substantiation of legislative activity // Russian Justice.– 2019. – No. 5. – P. 2–5.
4. Agamirov K.V. Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system // Journal of Russian law.– 2018. – No. 8. – P. 25–36.
5. The information space of the EAEU will become unified. URL: <http://snob.kg/pro-novosti/odno-i-po-tomu/item/350-informatsionnoe-prostranstvo-eaes-stanet-edinyim> (date of access – 25.07.2020).
6. Information support of the EAEU. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/91> (date of access – 25.07.2020).
7. Malko A.V. Scientific substantiation and forecasting as the most important principles of modern Russian legal policy // Legal policy and legal life.– 2012. – No. 1. – P. 8–14.
8. Malko A.V. Law-making policy as a special form of legal policy implementation // Law-making policy in modern Russia: A course of lectures / Under. ed. A.V. Malko. – Saratov: SGYuA, 2013. – P. 7–25.
9. Cheremisinova M.E. Formation of a legal model of the information society // In the book: Legal models and reality / Отв. ed. Yu.A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludenev. М: INFRA-M, 2016. P. 45–66.
10. Chubarov S.V. Innovations in information technology in the Russian Federation. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014006765> (date of access – 25.07.2020).
11. Yakushenko K.V., Shimanskaya A.V. Digital transformation of information support for economic management of the EAEU member states // Science and Technology News.– 2017. – No. 2. – P. 11–20.